

АВЕРИК
ИСААКЯН

АВЕРИК ИСААКЯН

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Сборник
стихов

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

АВЕТИК ИСААКЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
составление и примечания
К. Н. Григорьяна*

*Редакция стихотворных переводов
С. В. Шервинского*

Дореволюционное творчество классика армянского поэтического слова Аветика Исаакяна (1875—1957) характеризуется мотивами борьбы против социального и национального гнета, тревогой за судьбу своего народа.

Глубокий и проникновенный лирик, А. Исаакян известен также многими произведениями эпического плана. В своем творчестве послеоктябрьского периода поэт выступил вдохновенным певцом социалистических преобразований Родины, прославляющим трудовые и ратные подвиги возрожденного армянского народа.

В настоящую книгу вошли все наиболее значительные поэтические произведения А. Исаакяна. Около пятидесяти стихотворений публикуется на русском языке впервые. Ряд стихотворений дан в сборнике в новых переводах.

© Издательство «Советский писатель», 1975 г.

ПУТЬ ПОЭТА

Редко на долю писателя выпадает высокое счастье быть не только выразителем чувств и дум народа, но и при жизни заслужить его признание, стать его любимым поэтом. Таким вошел в историю армянской литературы Аветик Исаакян. Многие его стихотворения стали песнями, органически слились с творениями безымянных певцов. «В спокойствии, в какой-то уверенной неторопливости движений, — пишет Н. С. Тихонов, — в манере говорить, в глубоком взгляде внимательных, чуть прищуренных глаз есть у Исаакяна что-то от народного образа мудреца, справедливого и сердечного, строгого и требовательного...»¹ Таким вошел в сознание многих современников живой образ поэта.

Народ назвал Исаакяна «варпэтом»² — словом, которое содержит глубокий смысл, словом, с отдаленных времен ставшим в Армении символом созидательного труда и высокого искусства.

Значение поэзии Исаакяна по богатству и разнообразию идей, тем, мотивов, по глубине художественных обобщений не ограничивается национальными рамками. В 1916 году В. Я. Брюсов, характеризуя лирику Исаакяна и его поэму «Абул Ала Маарн», писал: «Здесь Исаакян выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов — французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна.»³

¹ Н. С. Тихонов, Аветик Исаакян. — В кн.: Аветик Исаакян, Избр. произведения, М., 1952, с. 4.

² В а р п э т (арм.) — мастер, метр.

³ В. Я. Брюсов, Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. — В сб.: «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», М., 1916, с. 80.

Жизнь поэта богата внешними событиями (тюрьма, ссылка, вновь тюрьма, долголетняя эмиграция), но она не менее богата внутренним содержанием, напряженной работой упорно ищущей истины, беспокойной мысли: «вечное недовольство, вечная неудовлетворенность, вечная тоска — безответная любовь, болезни, тяжелые потери близких, общественные и национальные бедствия».¹

Большая часть жизни Исаакяна прошла в бесконечных скитаниях по чужим краям. С юных лет он видел царившее вокруг зло, несправедливость, произвол, лицемерие и звериные нравы буржуазно-капиталистического общества, видел, как сильные безжалостно попирали слабых, нищету и горе бедняков-тружеников, жадность и жестокость богачей, деспотизм и кровавые преступления правителей.

Процесс формирования общественно-политических взглядов Исаакяна был сложным и противоречивым. Но скептицизм, пессимистические настроения, порою сильно звучащие трагические мотивы в его творчестве в конечном счете отражали его гуманизм, сознание «не-совершенства бытия».

На долгом, более чем полувековом пути были периоды, когда поэт терзался сомнениями, впадал в отчаяние, испытывая порою чуждые его общегуманистическому мирозерцанию влияния.

Не так легко было найти сразу ответы на вопросы, которые ставила перед поэтом жизнь, разобраться в противоречиях действительности и в различных социально-политических концепциях. «Я стал искать правду, — говорил Исаакян в своей речи в апреле 1937 года, через несколько месяцев после возвращения на родину, — искать спасение у великих философов, ученых, великих пророков — и в моем сердце. . . Чем я только не увлекался, какими только философскими, этическими, социологическими системами! Был толстовцем, нищенцем, в студенческие годы, в Германии, — социал-демократом. Отчаявшись, стал я анархистом. Увлекался Буддой. Воодушевлялся армянским воинствующим национализмом. . . восставал против капитализма, против общества, против всех и всего. . . И в конце концов, после долгого раздумья, размышлений, пришел я снова к социализму, на этот путь спасения. И вот свободной волей, убеждением, сжигая все корабли, безвозвратно пришел я в этот мир, где совершается великое, грандиозное дело в национальном и общечеловеческом смысле».²

¹ А в. И с а а к я н. Два слова о моей жизни. (Записка написана 19 ноября 1929 г.). — «Литературная Грузия», 1957, № 6, с. 111.

² А в. И с а а к я н, Соч. в четырех томах (на арм. яз.), т. 4. Ереван, 1959, с. 246, 390—391.

Исаакян пришел к убеждению, что вне родины нет жизни и счастья, что он должен быть в Армении, с народом, который после стольких бед и тяжких испытаний обрел наконец спокойное существование, с народом, который строит, творит новую жизнь на возрожденной армянской земле.

1

Аветик Исаакян родился 30 октября (по новому стилю) 1875 года в городе Александрополе (ныне Ленинакан: Армянской ССР). Детство поэта прошло частью в Александрополе, частью же в селе Казарапат (ныне Исаакян).

В середине 50-х годов XIX века отец поэта Саак купил старую мельницу на окраине села Казарапат. Длинными темными ночами, когда вокруг царил тишина, при мерцающем огне керосиновой лампы, он слушал песни и сказки старого мельника. Спокойный, размеренный голос старика сливался с однообразным шумом жерновов, убаюкивающих и уносящих мальчика в красочный, волшебный мир народной фантазии.

Впечатления ранних лет оставили в душе Исаакяна неизгладимый след. О детстве поэт всегда вспоминал как о самой счастливой поре жизни, как о навсегда канувшем в вечность «светлом сне».

В 1885 году Исаакян поступил в приходское училище, по окончании которого продолжал образование в Александропольской школе, затем в Эчмиадзинской духовной семинарии. Стихи он начал писать, когда ему было одиннадцать-двенадцать лет. Однако по-настоящему он почувствовал в себе призвание поэта в годы учения в семинарии, не без благотворного влияния Ованеса Ованисяна.

В 1891 году Исаакян оставил семинарию, а спустя два года уехал за границу с целью продолжения образования. В Лейпцигском университете он слушал лекции по философии, истории, филологии, антропологии и этнографии, изучал памятники мировой литературы, проявляя особый интерес к эпосу западноевропейских народов.

В 1895 году Исаакян вернулся на родину, а в мае следующего года за деятельность, направленную против царизма, был арестован и после годичного тюремного заключения был сослан в Одессу. Здесь впервые он услышал имя Максима Горького. «Однажды, в 1899 году, — рассказывает Исаакян, — когда я бродил среди шумной толпы огромного одесского порта, предо мной вдруг остановился оборванный нищий и, протянув руку, сказал:

«Помогите, ради Горького».

Я впервые услышал имя Горького и подумал: «Видимо — это новый святой».

Спрашиваю его: «А кто он?»

«Это первый человек, который пишет о нас, бедняках, правду».

В тот же день я купил два тома рассказов М. Горького и начал читать. Читал с увлечением и вновь перечитывал. Каждое слово находило горячий отклик в моей душе.

...Читая, я бродил вместе с героями Горького по просторам России — по Волге, Крыму, берегам Черного моря, Молдавии. Особенно привлекала меня Волга. В ее широких степях веками находили приют свободолюбивые и непокорные люди, все те, кто восставал против гнета помещиков и царей. Волга — древняя колыбель свободы и борьбы; там звучали могучие песни воли, гремела весть о походах Стеньки Разина, Пугачева...»¹

Так своеобразно и ярко воспринял Исаакян произведения Горького в годы молодости. В «романтике протеста и возмущения» было много созвучного собственным думам армянского поэта, и он навсегда полюбил книги буревестника революции. «овейные светлым духом свободы».

Возвратившись из одесской ссылки, Исаакян отправляется в Швейцарию, в Цюрихском университете он посещает лекции по истории литературы и философии. В апреле 1901 года из Вены поэт едет в Венецию, на остров Св. Лазаря, в резиденцию ученого духовного братства мхитаристов,² с целью работы в богатейших книгохранилищах по арменоведению и ознакомления с Италией. Здесь Исаакян встречается с известным западноармянским ученым, историком и поэтом Гевондом Алишаном. Осенью 1901 года Исаакян в Армении, а через три-четыре года он снова в Европе, где, пробыв недолго, возвращается на родину.

В декабре 1908 года царскими властями он был вторично арестован по обвинению в антиправительственной деятельности и заключен в Метехскую крепость в Тифлисе. В это же время в крепости находился Ованес Туманян. Камеры их были по соседству. После шестимесячного заключения Исаакян был освобожден. Однако преследова-

¹ А. В. И с а а к я н, К семидесятилетию со дня рождения Максима Горького. — В кн.: Аветик Исаакян, Избр. соч. в двух томах, т. 2, М., 1956, с. 204.

² Писатели, историки — ученые из армянской католической конгрегации Венеции и Вены. Конгрегация основана в 1701 г. ученым-монахом Мхитаром Себастиани. Она существует поныне на острове Св. Лазаря близ Венеции.

ния со стороны царской охранки продолжались, и в 1911 году он был вынужден эмигрировать за границу. В течение многих лет он жил во Франции, Германии. Путешествовал по Греции и Италии.

Исаакян, скитаясь в чужих краях, сердцем всегда жил с родной. Его постоянно тревожила мысль о ее судьбе, о ее будущем. Поэт в годы первой мировой войны, когда Турция истребляла мирное население Западной Армении, воочию убедился в лицемерии правителей и дипломатов западноевропейских государств, в лживости их речей в защиту армян. Исаакян убедился и в том, что судьба родины с давних времен неразрывно связана с судьбой России, что русский народ является искренним другом армянского народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции и установления советской власти в Закавказье Исаакян продолжал жить за границей. Туманян в своих дружеских посланиях убеждал его вернуться на родину.

В 1926 году поэт впервые посетил Советскую Армению. Он увидел громадные изменения, происшедшие в жизни родного края, те достижения как в экономике, так и в области культуры, которых добился армянский народ в первое пятилетие существования власти рабочих и крестьян. Посещение «земли отцов» пробудило в нем волну воспоминаний о детстве, о родном очаге. Он вспоминал кровавое прошлое и приветствовал зарю новых дней.

В течение шести лет (1930—1936) Исаакян, находясь во Франции, выступал в числе друзей Советского Союза. Он более не хотел жить на чужбине. Поэта звала родина.

Осенью 1936 года Исаакян навсегда возвратился в Армению.

2

Исаакян прошел сложный и долгий путь идейно-творческого развития. Он — наш современник, но корни его творчества уходят глубоко в многовековую историю армянского народа.

В исторической судьбе Армении немаловажную роль сыграло ее географическое положение. Окруженная сильными агрессивными государствами, она не раз становилась ареной жесточайших битв. В XIII веке Армения потеряла свою государственность. В течение многих веков армянскому народу приходилось вести неравную борьбу с жестокими завоевателями. «Но армянский народ, — писал Исаакян, — всегда сохранял самое главное: свободолюбивый дух и волю к борьбе и смотрел на будущее с непоколебимой верой и надеждой.

Его трудолюбивая рука всегда пахала родную землю, и его животворная мысль продолжала светлый путь своей вековой культуры». ¹ Поэт гордился тем, что является сыном «этого борющегося, героического, бессмертного народа». ²

Известным рубежом на этом трудном пути явились русско-персидская война и русско-турецкая 1826—1829 годов, после окончания которых Восточная Армения была присоединена к России. Благодаря победе русской армии не только значительная часть армянского населения, находящегося в течение многих веков под игом деспотического режима султанской Турции и шахской Персии, была спасена от неминуемой гибели, но и создались объективные условия для возрождения армянского народа.

С детских лет Исаакян видел гнетущие картины безотрадной, тяжелой жизни народа. Тянулись годы за годами, однако мало что менялось. «Менялось начальство, чередовались урожайные и неурожайные годы, — пишет Н. С. Тихонов, — все так же тяжело ступая, проходили, пыхтя, черные буйволы по улочкам, смеялись мальчишки своим нехитрым шалостям, по воскресеньям все шли семьями в церковь, потом пировали на свадьбах и крестинах; недалеко была враждебная граница, притаившаяся, грозившая погромом, башибузуками, турецкой феской. Еще в детстве слышал мальчик рассказы о русско-турецкой войне, о зверствах и насилиях, о жизни армян там, за рекой Араксом, в далеком Ване». ³ Все это надолго оставалось в памяти, накапливалось, ложилось тяжелым камнем на сердце поэта.

Начальный период становления новой армянской литературы связан с именем Хачатура Абовяна. Он был просветителем и демократом. Его многогранная подвижническая деятельность пробудила самосознание армянского народа. Роман Абовяна «Рапы Армении» оказал благотворное влияние на Исаакяна. «Мы уносились из окружающего мира на крыльях воображения в героическое прошлое армянского народа, — писал поэт о своих впечатлениях от первого чтения романа Абовяна, — а перед нами сияло таинственное, светлое будущее. . . Нас наполняло чувство ненависти к врагам, патриотизма, мужества, героизма». ⁴

На формирование общественных взглядов Исаакяна наряду с Абовяном оказала несомненное воздействие и деятельность армянского «шестидесятника» Микаела Налбандяна, с именем которого связан один из важнейших этапов развития армянского освободи-

¹ А в. И с а а к я н, Соч. в четырех томах, т. 4, с. 457.

² Там же, с. 263.

³ Н. С. Т и х о н о в, Аветик Исаакян. — Указ. изд., с. 5.

⁴ А в. И с а а к я н, Избр. соч. в двух томах, т. 2, с. 192.

тельного движения. Налбандян был революционным демократом и воинствующим материалистом. В его программной статье «Земледелие как верный путь» ставилась главная экономическая проблема о человеке и хлебе. И пока, по словам автора, «этот гордиев узел» не будет разрешен, «общество не может быть свободным». ¹ Статья эта, по признанию Исаакяна, в годы молодости оказала на него «поразительное влияние». ²

Армянским поэтам в конце XIX и в самом начале XX века пришлось решать многие из тех задач, которые решались русской литературой в XVIII и в первой трети XIX века, когда русская поэзия, по словам Тьрьяна, «достигла громадной высоты, где сверкает волшебное имя Пушкина». ³

«От Ованеса Туманяна до Ваана Тьрьяна... Это значит от Пушкина до Блока», — писал Егише Чаренц, касаясь вопроса о своеобразии армянского историко-литературного процесса. ⁴ Прежде чем вступить в высшую фазу своего развития, армянской поэзии следовало за короткий срок — за несколько десятилетий — проделать всю ту колоссальную подготовительную работу, которую в русской литературе выполнил XVIII век — Державин, Карамзин и Жуковский. Нужно было преодолеть упорное сопротивление консервативно-клерикального крыла армянской общественной мысли на пути создания языка новой литературы. Этот процесс начался с Абовяна и его непосредственных предшественников. Завершающий же его этап составило творчество Ованисяна и Туманяна, Исаакяна и Тьрьяна.

На своем сложном пути армянские писатели широко использовали богатейший опыт русской литературы. У Исаакяна интерес к русской литературе возник еще в годы юности. Позже, в период зрелости, он не раз возвращался к чтению произведений любимых русских авторов. Однако когда Исаакян говорит о русской литературе, он всегда выделяет два великих имени: Пушкина и Лермонтова, оказавших значительное влияние на формирование его литературно-эстетических взглядов.

Пушкин, его «чарующий гений» сопутствовал Исаакяну на протяжении всей его жизни. Но армянскому поэту более близок и дорог был Лермонтов. «Я без слез не могу вспомнить имя Лермон-

¹ М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954, с. 407.

² А. Исаакян, Избр. соч. в двух томах, т. 2, с. 196.

³ Ваан Тьрьян, Собр. соч. в трех томах (на арм. яз.), т. 2, Ереван, 1961, с. 287.

⁴ Егише Чаренц. О литературе (на арм. яз.), Ереван, 1957, с. 65—66.

това, — говорил Исаакян, — человека, который в двадцать пять лет стал мировым поэтом». ¹

Восторженные строки о безвременно трагически погибшем поэте не являются случайным высказыванием. Почти полвека тому назад Исаакян, отвечая на анкету о степени влияния русских классиков на свое творчество, писал: «Я всегда любил русскую литературу. . . я не могу не признаться, что, еще начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, точно Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого я часто вдохновлялся, а именно его лирическими стихотворениями, «Демоном», «Мцыри» и особенно „Песней про купца Калашникова“». ²

Признание это важно не только для выяснения процесса формирования литературно-эстетических взглядов Исаакяна, но и для понимания особенностей его индивидуальности. Черты близости между Исаакяном и Лермонтовым следует искать не в совпадении отдельных образов, а прежде всего в духе их творчества, в характере поэтического мирозерцания.

Многие черты, роднящие Исаакяна с Лермонтовым, связаны с традициями романтизма, но не созерцательно-мечтательного, а активного, мятежного романтизма. Оба поэта не только верят в «жизнь иную», в «стремление свободной мечты в вышину»; но и беспощадны в разоблачении зла. И Лермонтову, и Исаакяну свойственно благородное негодование, «мятежная тоска» и «духовная жажда».

В. Я. Брюсов так определил характерные черты поэтической индивидуальности Исаакяна: «В творчестве Исаакяна есть надлом, надрыв, которого нет у его старших собратьев, и это сообщает его стихам особую остроту. Насколько поэзия Ованисяна — серьезно-спокойна, насколько творчество Туманяна — страстно-радостно. . . настолько стихи Исаакяна страдальчески-беспокойны и порывисты». ³

Поэтическое чутье не обмануло Брюсова при определении общего духа творчества каждого из этих названных трех виднейших представителей новой армянской поэзии. В самом деле, трудно не согласиться, что лирике Ованисяна свойственны более ровные, спокойные тона, что поэзия Туманяна отличается эпическим характером, просветленно радостными, оптимистическими настроениями и что, наконец, в стихах и песнях Исаакяна постоянно ощущается беспокойно-порывистый дух их автора.

¹ А в. И с а а к я н, Избр. произведения, М., 1952, с. 6.

² Ю. В е с е л о в с к и й, Русское влияние в современной армянской литературе, М., 1909, с. 25.

³ В. Я. Б р ю с о в, Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. — Указ. изд., с. 79.

Девяностые годы прошлого века, несмотря на неблагоприятные общественные условия, были тем не менее и периодом бурного развития армянской литературы. Армянская поэзия переживает невиданный расцвет, один за другим выходят в свет первые сборники Ованисяна (1887), Туманяна (1890), Цатуряна (1891), Исаакяна (1897).

Большинство деятелей армянской литературы и общественной мысли (в пределах России) получили высшее образование в крупнейших русских культурных центрах, их общественно-литературные взгляды формировались под сильным влиянием передовых идей русской литературы, и, наконец, как справедливо в свое время указывал Ованисян, значительная часть армянской интеллигенции знакомилась с произведениями западно-европейской литературы, с достижениями зарубежной философской, политической и научной мысли по русским переводам.¹

Патканян, Сундукян, Ованисян, Терьян учились в Московском и Петербургском университетах. Молодость Агаяна прошла в Москве в годы, когда идеи революционной демократии получили широкое распространение, когда властителями дум передовой молодежи были Чернышевский и Добролюбов. Более десяти лет в Москве провел Ованисян. В Москве почти всю жизнь прожили Шахазиз и Цатурян. Наконец, в Москве были изданы первые сборники Шахазиза, Ованисяна, Туманяна, Цатуряна.

Несколько иначе сложилась писательская судьба Исаакяна. После ухода из Эчмиадзинской семинарии он продолжал образование в Европе, где провел многие годы. Занимаясь самообразованием, он близко знакомится с новейшими течениями буржуазной философской и эстетической мысли. Однако не следует преувеличивать значение этого последнего обстоятельства. В формировании мировоззрения Исаакяна решающую роль сыграла армянская действительность конца прошлого века. Это было время острой идейной борьбы, переоценки ценностей, ломки старых представлений и зарождения новых тенденций в литературе и общественной мысли.

В конце XIX века значительно вырос и армянский читатель. Он стал более взыскательным. Появилась потребность в лирике, в душевных любовных элегиях, в поэзии природы. Первый сборник Ованисяна отвечал именно этим требованиям времени. Какой горячий прием встретили стихотворения Ованисяна со стороны читателей, можно судить по признанию Исаакяна. «Его имя волнует мою душу, — писал Исаакян об Ованисяне, — я, вспоминая его, вновь

¹ Ю. Веселовский, указ. изд., с. 19.

переживаю ту счастливую пору моей юности, когда я впервые познакомился с его лирикой.

Чтобы понять глубокое обаяние его поэзии для меня и моего поколения, надо вернуться больше чем на полвека назад, к концу восьмидесятых годов.

В этот период в армянской поэзии безраздельно властвовала высокоталантливая, мужественная поэзия Рафаеля Патканяна. Его пламенными патриотическими и гражданскими песнями была насыщена духовная атмосфера нашей страны. Мелкие, второстепенные поэты подражали ему. . .

Когда зазвучала лира О. Ованисяна, она пленила наше юношеское воображение.

Весенняя свежесть его поэзии, естественность, человечность, новые чудесные образы, великолепный язык, задушевный стих безраздельно покорили нас. Мы знали наизусть всю его книгу. Его лирика потрясла наши души». ¹

Эти признания знаменательны не только потому, что правдиво передают литературную атмосферу 80-х годов и объясняют причину успеха лирики Ованисяна, но и потому, что они в известном смысле являются ключом для понимания литературной позиции самого Исаакяна.

В армянской прозе, начиная с народно-бытовых романов Прошяна, реализм твердо завоевывает свои позиции. Но в поэзии традиции романтизма оказались более сильными и устойчивыми. В силу исторических обстоятельств романтизм в начальный период становления новой армянской литературы развивался преимущественно в одном направлении: в идеализации исторического прошлого. Наиболее яркими образцами в этом смысле могут служить в поэзии — «Аварайский соловей» Гевонда Алишана, в прозе — романы Раффи. Гражданские мотивы были ярко выражены в романе Абовяна «Раны Армении», который оказал значительное влияние на развитие поэтического мирозерцания Исаакяна.

В последующие десятилетия романтическая линия развивалась в творчестве Патканяна, Шахазиза и Алишана. Они в значительной степени обогатили армянскую поэзию патриотическими мотивами. Изданный Патканяном в 1857 году национальный песенник, где впервые было опубликовано его известное стихотворение «Слезы Аракса», составил один из важнейших этапов в развитии армянской гражданской лирики.

¹ А в. И с а а к я н, Избр. соч. в двух томах, т. 2, с. 158.

Признавая неоспоримые заслуги Патканяна, Шахазиза и Алишана в развитии поэзии Армении, в то же время нельзя не заметить, что в их творчестве лирика чувств была заслонена пафосом гражданской темы. Исключенные составляют два-три стихотворения Шахазиза, в числе их стихотворение «Сон».

Для дальнейших судеб армянской лирики особенно важна была роль Ованеса Ованисяна, этого «чародея армянской поэзии», как назвал его Исаакян. Традиции романтизма возрождаются в новом качестве в лирике Исаакяна и Терьяна, творчество которых обогащалось достижениями не только армянской, но и русской и западноевропейской поэзии.

В истории армянской поэзии Ованисян стоит на том рубеже, когда под натиском времени романтизм уступает место реализму. По своему пафосу творчество Ованисяна было реалистическим, однако в его любовных элегиях и стихотворениях, посвященных изображению природы, довольно отчетливо проявляются живые традиции романтизма.

Вечными спутниками жизненного и творческого пути Исаакяна, наряду с армянскими поэтами от Нарекаци до Ованисяна, были Гомер, Саади и Низами, Байрон и Шиллер, Гете и Гейне, Мицкевич и Лермонтов.

3

Первый сборник Исаакяна под названием «Песни и раны» увидел свет в 1897 году. Это небольшая книжка, заключавшая в себе всего несколько десятков лирических стихотворений, принесла автору известность, и он твердо занял одно из ведущих мест в новой армянской литературе. В 1902 году был опубликован второй сборник стихотворений Исаакяна — «Из старых и новых песен и ран», за которым последовал третий сборник — «Стихотворения» (1903). В 1908 году в Тифлисе было осуществлено издание книги Исаакяна, куда вошло почти все опубликованное до этого времени и новые стихи. Книга была озаглавлена так же, как и первый сборник Исаакяна, — «Песни и раны».

В стихах, написанных в течение пятнадцати — двадцати лет, отражается творческая эволюция поэта. Циклы его стихов «Песни Алагяза» и «Песни обездоленного ашуга», возникшие в начале 90-х годов, со временем подвергались существенным изменениям. Но стилевые особенности, основные темы лирики Исаакяна ясно обозначились в его первом сборнике, и впоследствии они лишь углублялись и обогащались.

Особенности дарования Исаакяна, оригинальность и национальная самобытность его творчества ярко выразились в его лирических песнях, истоки которых в традициях устного поэтического творчества армянского народа.

П. Н. Макинцян¹ в предисловии к русскому изданию избранных стихотворений армянского поэта писал: «Исаакян — народный певец; семена, зароненные ашугами в детскую душу, дали богатые всходы, и поэт сумел по-народному прочувствовать все свои радости и разочарования, горести и печали...» «Чутко-отзывчива душа Исаакяна, вокруг же «руины и горе», окутанные черным, непроглядным мраком... Исаакян не может обойти молчанием эту тьму социальных несправедливостей: гнет родного народа, участь рабочего люда, и в его поэзии отражаются отголоски народной жизни, полной горя и борьбы...»²

В духовных богатствах армянского народа Исаакян искал и находил черты, сближающие, роднящие его с другими народами, видел глубокую внутреннюю связь между заветными думами и идеалами армянского народа с чаяниями всего трудового человечества. Поэт исходил из убеждения, что «своеобразный стиль, одежда и формы различных народов скрывают человеческое сердце и это сердце — человеческое — объято одинаковыми чувствами, горестями и радостями», что «наше личное сердце является неотъемлемой частицей этого всемирного, общечеловеческого сердца».³ В художественном обобщении, переосмыслении целого ряда сюжетов Исаакян, наряду с армянскими преданиями, обращался к поэтическому творчеству других народов: к сербскому эпосу, арабским, греческим, индийским, китайским, еврейским, персидским, курдским легендам и старинным сказаниям.

Народность в творчестве Исаакяна сказалась прежде всего в самой тематике его стихотворений. В «Песнях Алагязя» автор с превосходным знанием народного быта воспроизводит картины жизни армянской патриархальной деревни. Поэт вырос в этой среде; она была его родной стихией.

На традиции народной поэзии опирается Исаакян и в цикле социальных песен, проникнутых демократизмом. В стихотворении «Ах!

¹ П. Н. Макинцян (1886—1937) — литератор, видный армянский филолог.

² «„Цветы Араза“». Выпуск первый. Аветик Исаакян, Песни», М., 1907, с. 8—9.

³ А. в. Исаакян, По поводу издания моей поэмы «Абул Ала Маари» на грузинском языке. Из архива Тициана Табидзе. — «Литературная Грузия», 1957, № 6, с. 111.

Горе и боль нам даны на земле...» (1898) поэт негодует против вопиющей несправедливости, против тех, кто узаконил правопорядок, при котором труженик, добывающий «из камня» хлеб, всегда голодный и нищий, а богачи «у пышного стола» пожирают плоды его тяжелого, изнурительного труда. Здесь нет еще прямого призыва к борьбе, к разрушению старого мира, но гневные слова поэта против несправедливого строя жизни пробуждали народное самосознание.

Народность Исаакяна отразилась как в тематике его песен, так и в их форме. Верность принципам народной поэтики сказалась не только во внешних признаках стиля стихотворений Исаакяна, в грамматических формах, в лексике, фразеологии, в обращении к традиционным образным выражениям, в повторах и т. п., но и во внутренней сущности стиля, в характере восприятия жизни, непосредственной простоте ощущений, в богатстве интонационных оттенков и т. д.

Исаакян не механически заимствует отдельные элементы народной лексики, они органически вливаются в его эстетическую систему. Стихотворения типа «Моей матери» (1893), «Оплачь мое горе, символ-травя...» (1893), «Ты устал, любимый мой...» (1893), «Челю твою тучи укрыли во мгле...» (1898), «Я любил, но любимую увели...» (1898), «Охотник, брат, ты с гор идешь...» (1902) и многие другие по духу, по своей стилистической природе родственны народной песне, но не тождественны ей.

Исаакян высоко ценил создания безымянных певцов, в которых в благородной гармонии сливаются песня и музыка, где слова рождаются вместе с мелодией.

В стихотворениях Исаакяна с развитой музыкальной интонацией сказались традиции армянской песни, специфического ее жанра — песен раздумья, в которых протяжная мелодия служит психологической канвой, а своеобразный ритм как бы соответствует ритму грустных размышлений. Веками они исполнялись народными музыкантами и певцами не только во дворцах, где властелин на роскошных коврах, облокотившись на круглую подушку, под заунывные звуки любил размышлять о мире, о жизни, но и в хижинах простолюдина (крестьянина, ремесленника), где в нищете и горе простые люди размышляли о своей судьбе.

Лирика Исаакяна — исповедь поэта. Небольшое по объему стихотворение, выражающее едва уловимые оттенки и переливы внутреннего чувства, принадлежит к числу любимейших поэтических жанров Исаакяна. Именно этого типа стихи и песни с развитой музыкальной интонацией более всего характеризуют поэтическое дарование Исаакяна:

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.

Музыка к этому стихотворению в переводе А. Блока написана С. В. Рахманиновым. Мариэтта Шагинян в речи на юбилее Исаакяна (29 октября 1955 года) рассказала: «Говоря о своих новых песнях на стихи... Сергей Васильевич Рахманинов как-то сказал: „Легче всего далась мне «Ивушка» Исаакяна, не знаю, чья эта заслуга — переводчика Александра Блока или самого армянского поэта, но только «Ивушка» необыкновенно мелодична, мелодия заложена уже в стихах, и на мою долю осталось лишь пропеть эту мелодию... Так умеют писать только подлинно народные поэты“». ¹

Исаакян специально не писал слова для музыки, но многие его лирические стихотворения поются как песни безымянных певцов. Музыка появлялась зачастую и стихийно, в гуще народа. Собиратели армянского музыкального фольклора нередко записывали песни на слова Исаакяна, отмечая при этом, что многие исполнители не подозревают о принадлежности текста этих песен литературе. Они принимают их за произведения устно-поэтического народного творчества.

В лирике Исаакяна «любви струна» звучала неизменно. Но в ней сравнительно редко встречается тема примирения с судьбой, когда любящий человек, не видя впереди надежды на взаимность, вынужден уступить свое счастье другому.

В элегиях Исаакяна — ропот и стоны сильного, но безответного, неразделенного, отвергнутого чувства. Его песни любви окрашены в скорбные трагические тона. Исцелить раны сердца может только любимая, она одна может отогнать «мрачный туман» от его чела, развеять его скорбь, она одна может спасти его от гибели. Муки и стоны «любви безнадежной» составляют содержание многих стихотворений Исаакяна. В них в разных вариациях звучат темы расставания, разлуки, разлада, отчуждения, тоски, но сильнее других звучит мотив лицемерия, обмана, вероломства.

Лирический герой Исаакяна не хочет смириться, покориться

¹ «Аветик Исаакян в русской критике», Ереван, 1961, с. 91.

судьбе. Его бунтующей натуре свойственны сильные страсти, бурные порывы: Он отдается чувству целиком, безраздельно, без остатка. Любовь — святыня, илятва любви — священна, и он не в состоянии прощать лицемерие, обман, измену. Так появляется в поэзии Исаакяна образ жестокой красавицы:

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача. . .

Перевод В. Брюсова

Ранен он в сердце, «ранен любимый насмерть», и в жестоких битвах ищет он спасение и находит успокоение в одиночестве и в общении с природой:

Уйду я в пустыню, один, в тишине,
Где солнце палит и иссякла вода.
Могилу копытом конь выроет мне,
Я в ней с моим горем усну навсегда. . .

Перевод Вс. Рождественского

Чувство одиночества вызывает жажду взаимности, сочувствия, сострадания, порождает радужные мечты о существующей где-то родственной душе. И Исаакян рисует идиллическую картину тихого счастья на пустынном берегу реки («Был бы на Аразе у меня баштан. . .»). Поэту хочется верить, что где-то в неведомом краю живет «другая душа», которая так же страдает и тоскует:

Да, я знаю, всегда есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне. . .

Перевод А. Блока

Поиски родственной души — мотив, к которому в различных вариациях возвращается Исаакян в ряде стихотворений, сближает его с Гейне и Лермонтовым.

Если радость любви в лирике Исаакяна изображается преимущественно в виде сновидений, грез, как выражение идеального начала, то трагедия любви изображается в более конкретных, реальных очертаниях, со сложными драматическими коллизиями.

Исаакян отдал значительную дань романтической концепции «любви небесной», очищенной от всякой грубой чувственности, любви

«мечтательной, фантастической», которая настолько возвышенна, что «боятся земли, чтоб не замараться в ее грязи». ¹

В стихотворении «Только детства беспечные, светлые дни...» Исаакян говорит:

В этом мире святого не жди, не зови.
Все у грубых страстей в подчиненье.
Бестелесной и чистой в нем нету любви —
Разве только в мечтах, в сновиденье.

Перевод Вс. Рождественского

В основе других стихотворений Исаакяна лежит мысль о враждебности двух начал: духовного и телесного, «небесного» и «земного». И в кругу идей поэта первое всегда преобладает, берет верх над вторым. В дневнике Исаакяна находим любопытную запись: «любовь — поэзия, страсть — проза». В другом случае, приводя цитату из священного писания: «И стали они в едином теле», поэт замечает: «Лучше, если б было сказано: в единой душе». ²

На трагическом столкновении двух начал: «земного» и «небесного» — построен цикл «Песни греха и покаяния» (1907). Поэт, потеряв надежду найти идеальную основу жизни, разочарованный, отчаявшись, призывает дать волю страстям, предаваться наслаждениям, довольствоваться тем, что дает реальность, «опьяняться песней, женщиной, вином», с ненавистью отворачиваться от всего того, что сулит лишь горе и страдание. Однако это лишь порыв, преходящее состояние, чуждое и враждебное натуре поэта. Пафос цикла в третьей и четвертой «песнях». В них раскаяние, самобичевание «грешника». Он находит в себе достаточно сил, чтобы с отвращением отвернуться от всего пошлого и низменного и вернуться к своему естественному состоянию: «Песни греха и покаяния» завершаются картиной тихого безлюдного острова в прозрачном озере, где на одинокой скалистой вершине «древняя пещера, святилище», куда уходит поэт, чтобы предаваться скорбным думам в поисках «огня небесной любви», чтобы в «ее пламени очистить душу». Исаакян верил в изначальную чистоту человеческих порывов. Он, как и его скорбный бедуин в стихотворении «В миражах пустыни вечерней порой...» (1904), в женщине любил свою мечту.

В любви Исаакян видел не только источник высшей радости, счастья, жизни, но и проявление стихийных, непонятных, таинствен-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 165.

² Архив Исаакяна.

ных сил внутреннего мира человека. «Сердце, — говорит поэт, — тоже имеет свои непостижимые законы» («У могилы», 1922).¹ Такой взгляд он распространял вообще на всю эмоциональную сферу, в которой многое остается загадкой. «Непостижима логика наших чувств, — говорит рассказчик в новелле Исаакяна «Веленье сердца» (1922). — Да, непостижима и к тому же порою совершенно противоположна логике разума. И никто еще не нашел и не привел в порядок законов, управляющих нашими чувствами: они еще ждут своего Аристотеля».²

В новелле Исаакяна «Последняя весна Саади» (1923) мудрый певец, познавший жизнь и людей, тайны мироздания, прожив сто долгих лет, так и не уразумел «всей глубины и сущности любви». Образ уходящего из жизни старца рисуется поэтом на фоне обновленной, цветущей природы, с последними словами на устах: «Рождаемся неволью, живем удивляясь, умираем тоскуя».³

В любовных элегиях Исаакяна раскрываются черты его гуманистического мирозерцания. «Любовь его, — пишет Ст. Зорьян, — не ограничивается воспеванием любимой: благородное чувство личной любви делает поэта чутким к другим, постепенно он становится всечувствующим и вселюбящим. Как из местного и национального выщает он до общечеловеческого, от своей матери ко всем матерям, так же его любовь от любимой распространяется на всё и ко всему; любовь не только к людям... но и ко всему миру, к вечной природе...»⁴

Эту всепоглощающую любовь испытывал Исаакян ко всему живому на земле, к величественной природе.

В лирике Исаакяна всегда ощущается извечная неразрывная «таинственная» связь человека с природой. Поэт живет с ней одной жизнью. Ветерком он мчится в полях, «с дубом могучим растет», «море плещет» в его сердце. Поэт чувствует дыхание природы всегда и всюду. Исаакян говорит о ней как о самом близком существе. Он скорбит не только о том, что придет время, когда перестанет биться сердце, когда «в прах превратятся» глаза любимой, но и о том, что погибнет все прекрасное на земле, погибнут цветы, шумящие леса, умолкнет пеньё птиц, иссякнет родник.

¹ А в. И с а а к я н, Избр. соч. в двух томах, т. 2, с. 32.

² Там же, с. 36.

³ А в. И с а а к я н, Избранная проза, Ереван, 1947, с. 71.

⁴ Ст. З о р ь я н, Родной источник. К 65-летию Аветика Исаакяна (на арм. яз.). — «Гракан терт» («Литературная газета»), 1940, 23 декабря.

Много существенно нового вносит в понимание «философии природы» Исаакяна его рецензия на русское издание Гамсуна.¹ Восторженно отзываясь о романе «Пан», называя его «гениальным творением», Исаакян отказывается от определения его жанра, потому что оно не уместится в общепринятой иерархии жанров прозы: «роман или поэма, дневник или песня? ..», произведение, в котором «главным героем выступает сама природа».

В романе Гамсуна автор рецензии нашел много созвучного собственному мироощущению. Главное, что пленило Исаакяна в романе Гамсуна, — это умение автора на могучих «крыльях мечты» уносить душу в «высшие сферы», его благоговение перед бессмертной красотой «таинственной природы». «При чтении этой книги, — писал Исаакян, — чувствуешь себя наедине с природой, вдали от людей, далеко-далеко, наполняешься ненавистью к городскому шуму, фальши, подобно герою романа Томасу Глану, растворяешься в природе, превращаешься в ее цветок, морскую волну, становишься сам природой. Ты благословляешь ее камни и скалы, муравейник и листья, благословляешь все, все, чувствуешь себя довольным, счастливым, благодарным, что тебе дарована жизнь и, подобно природе, находишься в этом сверхчудесном храме».

Так своеобразно и так глубоко воспринял Исаакян внутренний смысл романа Гамсуна: «Человек мудр только в природе, естествен и благороден только в природе».²

Исаакян создал вдохновенные гимны природе, где искал он свободу и покой. Он глубоко верит в ее могущество, «животворную мудрость», в ее «чудеса».

Природа — «ласковая мать», у которой большое сердце. Облака, ручьи, деревья, покрытый мхом утес, птицы и горные лани — верные друзья, «братья и сестры» человека.

Мысль о том, что человек может достигнуть высшего счастья на земле только тогда, когда он ощущает незримые свои связи с природой, когда он чувствует себя неотъемлемой ее частицей, — одна из наиболее устойчивых в кругу поэтических идей Исаакяна.

¹ А в. И с а а к я н, «Пан» и «Виктория» Кнута Гамсуна (на арм. яз.). — Газета «Втак» («Ручей»), 1908, 22, 23 и 25 апреля. К забытой рецензии Исаакяна впервые обратился Левон Киракосян. См. его статью: «Аветик Исаакян и Кнут Гамсун» («Литературная Армения», 1971, № 11, с. 114—121).

² «Втак», 1908, 23 апреля.

Пройденный Исаакяном творческий путь невозможно представить вне русского и общеевропейского литературного движения конца XIX — начала XX века. Его поэтическое мирозерцание, как и его младшего современника Ваана Терьяна, формировалось в период расцвета неоромантических течений. В. Я. Брюсов в 1916 году писал: «Благодаря сближению с европейскими литературными кругами, Исаакян испытал воздействие того «символистического движения», которое властно захватило всю европейскую литературу в конце XIX в., хотя, впрочем, оно отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа». ¹

Исаакян не мог остаться вовсе непричастным к господствовавшему в эту переходную эпоху направлениям художественной и философской мысли.

В конце XIX и в самом начале XX века ницшеанские настроения в некоторых слоях интеллигенции получили довольно широкое распространение, чему способствовал идейный кризис, разочарование в социальных идеалах. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что Исаакян, живя долгие годы в крупных центрах Западной Европы (Париж, Женева, Цюрих), непосредственно соприкасался с новейшими течениями буржуазной философской мысли. И мы бы согрешили против исторической истины, если бы стали вовсе отрицать влияние Ницше на Исаакяна, хотя бы уже потому, что сам поэт неоднократно говорил об этом. ² Речь может идти лишь о степени и характере этого влияния.

Увлечение Исаакяна учением Ницше было кратковременным. Реакционные идеи немецкого философа были чужды и враждебны гуманистической основе мирозерцания армянского поэта. Тесная связь с народной идеологией спасла его «от узкого индивидуализма и анти-социальных чувств, характерных для декаданса европейской и русской буржуазной культуры». ³

¹ В. Я. Брюсов, Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. — Указ. изд., с. 79.

² В письме Ю. А. Веселовскому Исаакян писал: «Я лично своим развитием был гораздо более обязан Германии... Я чувствую, что на меня сильнее повлияли Ницше, Гейне и другие писатели» (Ю. Веселовский, указ. изд., с. 25). Об увлечении Ницше в молодости Исаакян говорил и в речи в апреле 1937 года (Ав. Исаакян, Соч. в четырех томах, т. 4, с. 390).

³ В. Кирпотин, Поэзия армянского народа, М., 1938, с. 82.

Что же касается эстетической системы Исаакяна, то истоки ее достаточно ясно обозначены национальными традициями, и трудно отыскать нити, связывающие ее с поэтикой символизма. «Зрелым мастером вспоминал он свою долгую жизнь и с удовлетворением мог отметить, — пишет Н. С. Тихонов об Исаакяне, — что не увлекался легкими соблазнами поэтических повществ, не дал распуститься в своем творчестве цветам декаденства, никакие западные эксперименты (следует добавить и русские, в России их было не меньше. — К. Г.) и требования моды не увели его все же с той прекрасной дороги, где поэт остается с народом, со своей родной стихией языка, какие бы пространства ни отделяли его от земли его юности, где прозвучали первые строки его стихов». ¹

Внутреннее развитие творчества Исаакяна, темы и жанры его произведений предопределили и своеобразие его поэтического стиля. ² В его основе преобладают две стихии. Одна — идущая из армянской народной песни, что особенно заметно в ранней лирике, в цикле «народных мотивов», где и лексика, и символика вполне соответствуют их народным истокам. Вторая — связана с литературной традицией, где, наряду с армянской, имело место и воздействие новейших течений русской и западноевропейской поэзии. И в первом, и во втором случае Исаакян верен себе.

Исаакян — «поэт мысли» в том значении этого выражения, в каком употреблял его Белинский. И в этом труднейшем роде поэзии Исаакян не имеет равного в армянской литературе. Что значит применительно к творчеству Исаакяна «поэзия мысли»? В одном из своих ранних стихотворений («Прозрачны в небе облака...», 1895) он говорит: «И в грезах тонет мысль моя...» В основе этого стихотворения лежит сосредоточенное поэтическое созерцание спящей ночной природы, состояние, которое не поддается точному обозначению. Но Исаакян, как правило, не остается в сфере чистого созерцания. Оно естественно и незаметно переходит в глубокое поэтическое раздумье, и зарождается то, что можно было бы назвать поэтическим термином «сердечная дума»:

¹ Н. С. Тихонов, Аветик Исаакян. — Указ. изд., с. 5.

² Понятие стиля «зыбкое и субъективно неопределенное» (см.: В. В. Виноградов, Проблема авторства и теория стилей, М., 1961, с. 7). Задача исследователя еще более осложняется, когда приходится пользоваться переводами поэтических текстов, в которых нередко утрачиваются не только отличительные признаки формы (образы, характерные черты лексики, музыкальный строй и т. д.), но и существенные элементы содержания, оттенки поэтической мысли.

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могла есть в безжизненной степи.
Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят.
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит. . .
Кем был любим он? Кто мечтал о нем?

Перевод В. Брюсова

Ничто так не характеризует художническую индивидуальность Исаакяна, как эти незаметные естественные переходы созерцания в раздумье, их слияние в «поэзии мысли». В этом отношении, по типу поэтического мирозерцания, Исаакян ближе всего к Лермонтову, Гейне, Шевченко. «Мысль является у него чувством, — писал Н. А. Добролюбов о Гейне, — и чувство переходит в думу так неуловимо, что посредством холодного анализа нет возможности передать это соединение». ¹ Эту же черту отмечал Добролюбов и в думах Шевченко, в которых почти всегда присутствует спокойная грусть. «Как вообще в малороссийской поэзии, — писал Добролюбов, — грусть эта имеет созерцательный характер, переходит часто в вопрос, в думу. Но это не рефлексия, это движение не головное, а прямо выливающееся из сердца. Оттого оно не охлаждает теплоты чувства, не ослабляет его, а только делает его сознательнее, яснее — и оттого, конечно, еще тяжелее». ²

Это — поэзия, где преобладает «дума сердца». В ней, с одной стороны и прежде всего, непосредственное живое чувство, просветленное мыслью, с другой — «мечтательное раздумье», по выражению Исаакяна:

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в девяти томах, т. 2, М., 1962, с. 489.

² Там же, т. 6, 1963, с. 149.

Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит:

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

Перевод А. Блока

В стихотворении «Мне грезится: вечер мирен и тих...» (1911) зрительные и слуховые ассоциации составляют единую систему. Звуковые ощущения: «чуть зыблются ветви родимых ив», «родимая ива едва шелестит», «сверчок трещит в щели, невидим»; зрительные: «над домом стелется тонкий дым», «у огня сидит моя старая мать, тихонько с ребенком моим грустит», «сладко-сладко, спокойно дремлет дитя», — все это как бы растворяется в общем настроении, в обстановке умиротворения, тишины, покоя: «вечер мирен и тих» и старая мать «молча молитву творит».

Во всех этих и подобных случаях сохраняется живописная «картинность» описания, верность натуре. Превосходное знание природы, тонкая наблюдательность сочетаются с поэтическим чувством и склонностью к философским думам.

Мотив изменчивости и повторяемости одних и тех же жизненных форм (см., например, стихотворение «Над речкой склонилась...», 1915) не приводит к безнадежному пессимизму, никчемной бесцельности человеческого существования. В грустном раздумье Исаакяна есть и светлые тона. Картина живой природы, зеленые ивы, склоненные над прозрачными, весело журчащими водами, как бы успокаивают тревогу, символизируя вечное движение жизни.

В армянской поэзии переломной эпохи конца XIX — начала XX века никто так тесно не был связан, так непосредственно не соприкасался с традициями романтизма, как Исаакян и Терьян. Многие роднит этих двух поэтов не в плане отдельных мотивов, а по характеру мирозозерцания. Исаакян, вспоминая поэтические вечера, проведенные с Терьяном на его родине в деревне Гандза и ее живописных окрестностях, долгие душевные беседы, длившиеся далеко за полночь, писал: «Усталое солнце клонилось к Абулу, воспламеня-

лись вершины и гасли, медленно спускались сумерки, возвращались с полей стада, зажигались в домах огни, постепенно затихал шум деревьев. . . Сверкают звезды, мигают друг за другом; на склонах Абула пастухи развели костер. Незаметно вечер превращается в ночь. . . Тишина. Лишь в ущелье сонно шепчет ручеек. От озера шелестит нежная свирель ветерка. . .

Ваан у моего уха голосом сердца шепчет чудесные отрывки из мировой и армянской лирики: Гете, Гейне, Бодлер, Верлен, Лермонтов, Сологуб, Брюсов, Дурян, Ованисян. . .

Умолкает Ваан. . . Потухли костры. Глубокая ночь. Мрак и таинственная тишина. . . все предметы потеряли свои формы, исчезли, стали нематериальными; реальный мир неощутимо, незаметно ушел в небытие. Мы мечтаем, высоко возносясь в переливах грез, где освобождается запутанная мысль и напряженное раздумье находит успокоение». ¹

Ни о ком из современников с такой теплотой, сердечностью и проникновением не писал Исаакян. И то, что он говорит о характерном для Терьяна романтическом состоянии, не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени относится к самому Исаакяну, затрагивает основы его мирозерцания.

Сфера «переливов грез», «высоких ощущений» была открыта романтиками. Им была свойственна особая чуткость к внутреннему миру личности и к жизни природы. Романтизм опирался на многозначность, многогранность слова, на его способность выражать сложнейшие психологические состояния, тончайшие оттенки поэтической мысли. Символизму мы обязаны дальнейшим развитием, новым расцветом этого удивительного свойства поэтической речи.

Романтики сблизили человеческий дух с природой. Характерным признаком романтического пейзажа становится интимная «беседа с природой». Романтики одушевили, «очеловечили» природу, сделали ее соучастницей переживаний и раздумий поэта, открыли новые горизонты в развитии лирического пейзажа. Руссо создал культ чувства, природы и музыки; романтики, следуя за ним, внесли драматическую напряженность в восприятие природы.

Мелодика стиха у Исаакяна не внешний признак, а внутреннее свойство его, выражающее музыкальность самого поэтического настроения. Это относится прежде всего к его пейзажным стихотворениям. «Удивительно музыкальное чувство природы у этого армянского поэта», — говорил С. В. Рахманинов об Исаакяне. ² Ощущение

¹ А в. И с а а к я н, Соч. в четырех томах, т. 4, с. 151.

² М а р и е т т а Ш а г и н я н, Воспоминания о С. В. Рахманинове. — В кн.: «Воспоминания о Рахманинове», т. 2, М., 1974, с. 159.

близости, родства с природой придают описаниям Исаакяна интимно-эмоциональную окраску.

В. Терьян «стихийную непосредственность чувства» считал отличительным свойством лирики Исаакяна.¹ В то же время она отличается богатством содержания, глубиной мысли. Поэзия Исаакяна — это поэзия мысли, но не отвлеченного философствования, чуждого всякой поэзии, а живой «поэтической мысли», «поэтических идей». «Мысль сама по себе не есть поэтическая мысль», — говорил Фр. Шиллер.² Мысль в поэзии, разъяснял Белинский, «не рассуждение... это восторг, радость, грусть, тоска, отчаяние, вопль!».³

Реальный предметный мир, проходя через поэтическое сознание Исаакяна, через его «внутреннюю думу», вновь рождается в могучих образах его поэзии, наполняясь глубоким философским содержанием.

Тревожная мысль поэта устремлена к звездам, к солнцу, в просторы вселенной, в бесконечность, вечность. Она устремлена в неведомые просторы со страстным желанием познать окружающий мир, людей, постичь темные стихии жизни, смерти, проникнуть в «великую тайну» природы, мироздания.

Исаакяна постоянно занимали «проклятые», вечные вопросы, волновавшие лучшие умы человечества. Он ищет смысл существования, думает о назначении человека, жаждет познать жизнь и ее законы. Поэт не мог примириться с мыслью, что все в мире изменчиво, все во власти мгновенья, что все проходит и ничто не имеет прочного основания, что человек, «венец природы», которому дано силою разума проникать в «тайны мироздания», плоды творческого гения которого живут века, тысячелетия, — смертен, что жизнь человека лишь «мерцание на миг, чтоб погаснуть навек».

Исаакян обращается к этим «вечным мотивам» не потому, что они традиционно-привычные и якобы лежат на поверхности, а только потому, что они являются его внутренними темами, они психологически выстраданы и органически свойственны его неповторимой индивидуальности. Нужно было обладать могучим дарованием, чтобы в поэтическое осмысление этих «вечных» тем внести свое личное самобытное начало. Зачем человек приходит в этот мир, для чего дана ему жизнь, зачем он уходит? Приходят и уходят целые народы, возникают и исчезают во мраке космоса целые миры. Кто их творит и чья беспощадная воля разрушает? В чем смысл этого вечного движения? Неспokoйная мысль поэта ищет ответа у «творящей звезды»:

¹ Ваан Терьян, Собр. соч. в трех томах (на арм. яз.), т. 3, Ереван, 1963, с. 185.

² Фр. Шиллер, Статьи по эстетике, М.—Л., 1935, с. 354.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 1, М., 1953, с. 367.

Куда нас гонишь вместе с землей,
В чем цель жизни?
Зачем ты связала нас с материей,
Сделала подвластной смерти?

«Перед творящей звездой. . .».
Подстрочный перевод

Но «творящая звезда» сама «блуждает во мраке», и она жертва тленья. Поэт обращается к «темной беспредельности» с сознанием гордости за человека:

Жестокий, тайный умысел творца,
Ты создаешь, чтобы смести скорее,
И Млечный Путь, и темень без конца,
Но я, песчинка, все-таки сильнее.

Я — сердце чуткое, я — духа взлет,
А ты — лишь тьма бессмысленной стихии,
Но месть свою — невыносимый гнет —
На плечи ты мои кладешь земные. . .

«В Помпеи». Перевод Вс. Рождественского

Исаакян чутко прислушивается к «безмолвной речи» времен и пространств с жадной ощутить себя частицей вселенной, раствориться в ее вековой тишине. Истомленный земной суетой, из «унылой темницы жизни» поэт порывается в мир высокчх созерцаний («Лучезарное небо полно чудес. . .», 1904).

В начале 90-х годов у Исаакяна еще редко, но все же встречаются стихотворения, в которых выражена вера в людей и жизнь, в конце же века эта вера все более и более угасает, уступая место мрачным, скорбным мотивам. Причина этого далеко не только в личной судьбе, личных «ранах». Она коренилась в самой действительности, в трагических событиях второй половины 90-х годов — кровавой резне мирного населения Западной Армении. С этого времени на многих стихотворениях армянского поэта лежит печать мрачной безнадёжности.

Исаакян, характеризуя гнетущую атмосферу переходной эпохи на рубеже XX века, писал: «Хотел бежать с планеты, обгаренной кровью, удалиться от времени, от пространства, от вселенной».¹ Скорбные думы Исаакяна этих лет нашли выражение в поэме «Абул Ала Маари».

¹ А в. И с а а к я н, Соч. в четырех томах, т. 4, с. 266.

В стихотворении «Ты не очень грусти...» (1904) Исаакян в своем скептицизме доходит до крайних суждений: в мире ничто не имеет ни основы, ни смысла, ни ценности. Все изменчиво, быстротечно, все проходит. А потому и жизнью дорожить не стоит, а если уж суждено жить, то нужно жить с широким сердцем и принимать все как сновидение. В этот период в лирике армянского поэта появляются темы, мотивы, идеи, которые, казалось бы, противоречат его гуманистическому мирозерцанию. На извилистом пути поисков справедливых основ жизни, поисков путей избавления человечества от неисчислимых бед были такие периоды, когда поэт переживал крушение своих высоких идеалов, сталкиваясь с жестокой правдой действительности. Эти стихи — следствие отчаяния, ожесточения. Это крик души глубокой, мощной, великой души, живущей тревогой о судьбах человечества. В этих стихотворениях Исаакян рисует с беспощадной правдивостью звериные законы и нравы старого мира.

Об этом говорит поэт с болью. Ему ненавистна действительность, где человек человеку волк, где осквернены светлые идеалы человечества. Это мир горьких обид, страданий, смерти, где жизнь — суровая борьба за кусок хлеба, где «право в силе», где нет других путей и неизбежен выбор «быть молотом иль наковальной» (см. стихотворение «Не слова любви и братства...», 1905).

В это же время, в том же году, когда было написано это мрачное стихотворение — «Не слова любви и братства...», Исаакян пишет иные строки, раскрывающие его отношение к жизненной битве, его гуманизм:

Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму...

«Враждует с человеком человек...».
Перевод В. Звягинцевой

Бродить в дальних безлюдных краях, стремиться к небу, к звездам, к солнцу, к беспредельной свободе — таков мотив другого стихотворения. Он хочет уйти в пустыню, полюбить черные скалы, склонить голову к камням, углубиться в свои думы, слиться с тишиной. Поэт мечтает жить на диком берегу, без друзей, одиноким, скрыть от людей свое горе, мысли уносят его в далекий край, под знойное солнце, где в горячих песках он мечтает уснуть навсегда, унося с собой свое горе («Ликуя, струится прозрачный ручей...», 1902).

Так постепенно, с годами в лирике армянского поэта вызревают

мотивы, из которых впоследствии складывается идейная и художественная концепция поэмы «Абул Ала Маари» (1909). Содержание поэмы составляют размышления Абул Ала, его рассуждения и беседы с самим собою. Прошлая его жизнь рисуется автором несколько скупыми, но яркими штрихами. Из краткого вступления читатель узнает, что Абул Ала Маари, «поэт знаменитый Багдада», долго жил в «великолепном граде калифов», много видел, «наблюдал и людей, и законы» и пришел к гневному отрицанию всего того, что ранее любил.

Разочарование и пессимизм Абул Ала достигли предела. Он более ни во что не верит. Теперь для него «закон», «справедливость» — лишь пустые звуки. Он прощается с прошлым навсегда, отвергая все, чем раньше дорожил. Возненавидел родных, друзей, женщин, богатство, славу. Абул Ала бежит от пороков людей, от их «ничтожных и злых дел», бежит от лицемерия, что «хуже всех зол». Герой поэмы уходит от жизни и людей в дикую пустыню. Там, в песчаных бескрайних просторах, он ищет исцеления, свободы.

Абул Ала беспощаден в своем обличении лжи и лицемерия, социальной несправедливости и гнета, всего строя, где мысль в оковах, где горе побежденному и нет другой правды, кроме грубой силы и власти денег, где осквернены и растоптаны светлые идеалы человечества:

Что за нами осталось, о мой караван! чтоб вернуться
назад, в отчизну свою?

Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родных
и семью?

Покинули мы людей и народ? закон, справедливость,
отчизну, права?

Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цепи, обман
и слова!

В сложном и противоречивом образе Абул Ала Маари раскрывается трагедия одинокой, сильной личности. «Озлобленный ум, — говорил Белинский, — есть тоже признак высшей природы, потому что человек с озлобленным умом бывает недоволен не только людьми, но и самим собою». Такие личности, «желая многого», не удовлетворяются «ничем».¹

Таков и Абул Ала. Причина его пессимизма не в ненависти к человеку, а в большой любви к нему. Ненависть в этом случае — только особая форма проявления этой любви.

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 454.

Источником «злых мыслей», скорби и гнева героя поэмы следует искать в социальной действительности. Он возненавидел жизнь потому, что, по мысли поэта, она недостойна человека, его высокого назначения. Как же иначе можно понять то обстоятельство, что Исаакян, которому обязана армянская поэзия своими лучшими патристическими произведениями, в поэме «Абул Ала Маари» говорит страшные слова об отчизне? Он возненавидел даже отчизну, но возненавидел только потому, что видел там лишь лицемерие, зло и несправедливость, горе и слезы, страдания бедняков, жестокость и деспотизм сильных, где «тиран беспощадный во славу свою в пирамиду слагает жертв черепа...».

Сильная сторона поэмы в беспощадной критике существующего порядка вещей, в протестующем, негодующем пафосе, в остром восприятии социальной несправедливости, в глубокой симпатии к «бесправному пахарю», к «слабым», «бедным», к «угнетенным беднякам», к «скорбным строеням глухих деревень», «дремлющим в окаменелом быту». Слабая, уязвимая сторона идейной концепции поэмы заключается в том, что в ней нет идеи «необходимости бороться за переустройство этого страшного мира жестокой социальной дисгармонией». ¹ И это происходит не оттого, что поэт не хотел бы верить в эту возможность, он жаждет этого, мечтает об этом; трагедия поэта заключается именно в том, что он не видит реального выхода, реальных путей и в отчаянии, в ожесточении бежит от людей в пустыню.

Абул Ала бесконечно влюблен в жизнь, но с горечью он вынужден отвергать ее только потому, что уродливые отношения между людьми, народами, несправедливый социально-политический строй, деспотизм и лицемерие превратили сказку жизни в кошмар, в страшный мир слез и страданий, где люди в слепом безумье

Вырывают с борьбой друг у друга куски, друг друга
толкают к могиле с борьбой...

В поэме Исаакяна затрагивается целый ряд социально-политических, философско-нравственных проблем. Она в своей идейной основе многосложна и требовала соответствующего художественного решения, требовала такой формы, которая, при отсутствии острых сюжетных ситуаций (в поэме, собственно, нет ни действия, ни дей-

¹ П. Берков, Две поэмы Аветика Исаакяна («Абул Ала Маари» и «Мгер из Сасуна»). — В сб.: «Аветик Исаакян в русской критике», с. 154.

ствующих лиц, ее фабула определяется содержанием размышлений Абул Ала), позволила бы автору добиться внутренней цельности и структурной стройности. Такую организующую роль в поэме играет удачно найденный единый ритм, как бы отражающий неторопливый, размеренный шаг каравана:

И караван Абул Алы, как ручей, что, журча, бежит
среди песков,
В дремотной ночи неспешно шагал со звяканьем нежным
больших бубенцов.
Размеренным шагом путь совершал ночной караван,
виясь как змея,
И звон сладкозвучный лился, затопляя погруженные в
сон немые поля.

Ритм поэмы отражает и спокойное течение мысли, скорбные раздумья Абул Ала:

«Иди, всё иди ты, мой караван! шагай всё вперед,
остановок нам нет!»
Так в душе сам с собой говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«В пустыню веди, к безлюдным краям, свободным,
святым, в изумрудную даль...»

Особо важную роль в поэме играют пейзажные элементы. Они, переплетаясь с размышлениями и желчными обличениями Абул Ала, являются преимущественно средством раскрытия внутреннего мира героя. Все главы поэмы начинаются с описания природы, и каждый раз поэт повторяет определенные элементы, создавая в пейзаже некий лейтмотив, вполне созвучный общему духу произведения. В соответствии с нарастающим гневом Абул Ала меняется и психологическая тональность пейзажа. Мрачную, в то время величественную эпическую картину представляет описание смерча, урагана в бескрайних песчаных просторах Аравийской пустыни:

Как гигантская птица, черная ночь широко простерла
крылья свои;
Огромные крылья нависли, покрыв караван, всю
пустыню, оазы, ручьи...
И от дали до дали сумраки туч разостлали по небу,
чернея, кайму;

Луна и созвездья утратили свет, и казалось, что тьма
окутала тьму.

Налетели сурово ветры, стена, словно кони, сорвавшись
с узды иль с цепей;

В урагане кружились, крутились в борьбе облака и
песок сожженных степей.

Несмотря на сложное переплетение идейных мотивов, острых социально-нравственных проблем, несмотря на многосложность структурных элементов, все части соотнесены и подчинены единству мысли. Это замкнутый в самом себе мир, в котором отстранение малейшей подробности приведет к разрушению идейной и художественной концепции произведения.

Поэма Исаакяна отражает не только раздумье автора о жизни, но и характерные признаки времени, переходной, напряженной, тревожной эпохи начала века. В желчных излияниях и гневных обличениях Абул Ала нужно видеть отрицание лживых основ старого мира. Его горькие слова — это крик отчаяния и ожесточения. Он произносит их не равнодушно, не как наблюдатель или высший судья, а как человек, выстрадавший право обличать зло и насилие на земле. Он произносит их в благородном порыве, с великой болью и тревогой за судьбы мира и человечества.

5

В поэзии Исаакяна часто встречается образ странника, изгнанника, который далеко не однозначен. В одном случае он связан с темой одиночества, с образом «бедного странника меж людей». В другом — психологическим стимулом поэту служит жажда скитаний, жажда новых ощущений, впечатлений, новых чувствований, желание увидеть новые горизонты, «новые дали», «другое небо», чтобы воспеть чудеса природы, познать мир и людей. Образ странника в лирике Исаакяна навеян в еще большей степени трудной исторической судьбой армянского народа.

Исаакян — сын «народа-странника», «народа-изгнанника». В трагическом ключе написано его стихотворение «Душа — перелетная бедная птица...» (1905). И символика — «перелетная бедная птица» со «сломанным бурей крылом», блуждающая «без дома, без сил и без сна», — через личную трагедию раскрывает общее, народное горе.

Свои лучшие патриотические песни Исаакян создал в годы стран-

ствий. В них много горя и слез, много печали. Причину скорби поэта легко понять, если перелистать страницы истории Армении. Они расскажут о бесконечных нашествиях, войнах и разорениях, о перенесенных армянским народом тяжелых испытаниях, страданиях, которым, казалось, не было конца.

Исаакян называет себя «вечным скитальцем», «изгнанником». Но разве эта черта — подробность его личной биографии? Скитальцами и изгнанниками были многие тысячи и десятки тысяч армян. После потери Арменией политической самостоятельности, после того как она оказалась под игом жестоких завоевателей, значительные массы обнищавшего народа оставляли свою отчизну, уходили на заработки в далекие края. Приходилось надолго, а может быть и навсегда, бросать свой родной очаг, отца, мать, жену и детей. Песни пандухта или гароба¹ отражали странническую жизнь, полную лишений и невзгод, горя и печали; они отражали трагедию армянского народа. В них выражены тоска по родному дому, мечты об отчизне.

Одним из ранних классических образцов армянской пандухтской поэзии средневековья явилась широко популярная народная песня «Крунк» («Журавль»), навеянная грустными думами о родине:

Крунк! куда летишь? Крик твой слов сильней!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохну — душа вся горит в огне.
Крунк! постой! твой крик нежит сердце мне.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Перевод В. Брюсова

Тема о гаробе нашла свое дальнейшее развитие в стихотворении «Цицернак» («Ласточка») Геворга Додохяна (1837—1890). В простых и задушевных строках — горестные думы человека, живущего на чужбине, его неисчислимые беды и невзгоды, его тоска по дому.

В стихотворении «Цицернак» так много благородного патриотизма, так много правды, поэзии; выраженные в нем мысли и чувства так созвучны грустным думам армянского скитальца, что это

¹ П а н д у х т, г а р и б — странник, скиталец, изгнанник, человек, живущий на чужбине и тоскующий по родной земле.

стихотворение Додохяна сразу же завоевало сердца людей, получило широкое признание, стало, наряду с «Крунком», одной из популярнейших народных песен, а автор его одним этим стихотворением вошел в историю армянской поэзии.

Песни пандухта Исаакяна составили новый этап в развитии этой своеобразной ветви поэзии Армении. В них поэт продолжал лучшие традиции устного народного творчества и создал самобытный, яркий цикл своих песен, как и в элегиях любви, не подражая народным образцам, а лишь опираясь на них. Лейтмотивом стихотворений Исаакяна, написанных в годы странствий по Западной Европе, является тоска по родине, тревожные думы о родине.

Тема материнской любви — одна из наиболее значительных в лирике Исаакяна; она раскрывается в его стихотворениях в различных аспектах: то мать в томительном одиночестве «в пустой, холодной хижине» ждет сына, томящегося в тюрьме в далеком краю, то она скорбит о погибшем сыне. И для армянского поэта «слезы бедных матерей — святы, искренние слезы. . .» (из стихотворения Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны. . .»).

Для Исаакяна мать — единственная родная душа, любящая бескорыстно, самоотверженно. Она одна способна понять страдания сына. Все могут забыть, все могут отвернуться: и друг, и любимая девушка. Верна лишь святая любовь матери. В основе стихотворения «Скиталец-сын» лежит именно эта мысль. Когда скиталец-сын после долгих странствий возвращается на родину нищим и разбитым, никто не узнает его. Он радостно бросается навстречу другу детства, но друг забыл его. Не узнает его и любимая девушка: отвернулась, отмахнулась от «бродяги-пришельца». Только

Содрогнулась и всплеснула мать руками: «Как ты тут? —

И ко мне в слезах прильнула: — Сын мой милый! Бедный сын!»

Перевод Вяч. Иванова

В лирике армянского поэта не менее ярко выступает тема любви сына к матери. Всем он обязан ей, любимой матери. Она зажгла в нем «небесный огонь» поэзии и «жажду к прекрасному». Она пробудила и воспитала в нем высокие гражданские чувства. Она завещала сыну бороться против «зла и лжи», служить беззаветно «священной правде», любить свою родину, жить и трудиться «во имя счастья других». Часто поэт размышляет о тяжелой доле матери, о ее страданиях, и он готов на многие жертвы, чтоб хоть в малой степени облегчить ее горе, готов один нести свой тяжкий жребий, готов мужественно переносить все превратности судьбы, озабочен

он лишь тем, чтобы мать не узнала о его скорби, озабочен тем, чтобы не тревожить ее, не доставлять ей новых страданий, не причинять ей боли:

Мои слезы должны океаном стать, —
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах,
Буду биться о камни головой,
Суждено мне волчьей добычей стать, —
Только пусть не узнает об этом мать.

*«От жгучего горя сердце мертво...»,
Перевод А. Ахматовой*

Думы поэта о матери выходят за грань биографических рамок, они все более приобретают социальное звучание:

Приснилось мне как-то, что мать моя бедная
На улице шумной, у пышного здания,
Стоит истомленная, жалкая, бледная,
Прося у прохожих людей подаюния.

Приснилось мне как-то, что мать моя старая —
Убогая нищенка, рванью прикрытая.
Толкает старуху толпа тротуарная
И мимо валит равнодушная, сытая.

Перевод А. Сендыка

Поэт думал не только о своей матери, терзали его мысли вообще о судьбе бедных матерей.

Он рисует картину пустынного берега, где лежит одинокий, позабытый всеми, изнывая от раны. И до него долетают нежные звуки: то пела мать, звала сына с «родимой стороны» («Я спал, и море снилось мне...», 1898).

Голос матери — голос родины. Образ матери становится символом родины.

Гражданская тема у Исаакяна (как и у Терьяна) естественно возникает из интимной лирики. Личные настроения поэта силою широких обобщений выходят за границы личных переживаний, все более приобретая общенародное значение. Счастье для него невозможно не только потому, что любимая отвергла его и он, покинутый всеми, скитается по «темным дорогам жизни», но и потому, что несчастна родная земля, что нет конца страданиям народа. В 1900 году Исаакян

создал свой гимн родине, в котором патриотическое чувство омрачено бедственным положением отчизны. Были еще свежи раны от недавних турецких зверств в Западной Армении, и поэт, воспевая родину, не мог забыть о жертвах кровавой резни:

Эй, джан родина, как прекрасна ты!
Здесь горы в прозрачной дали видны,
Здесь сладостны реки, нежны ветерки, —
Но в крови утопают твои сыны. . .

Перевод Вс. Рождественского

И в мрачных думах Исаакяна о том, где окончится его жизненный путь, где найдет «последний покой», неустанно звучит тема родины. Великий певец Украины Шевченко выразил свое последнее желание, чтобы его похоронили «на Украине милой, посреди широкой степи», чтобы был виден Днепр и мог он слышать, как под крутыми берегами шумит река. И заветное желание Исаакяна — слиться с родной природой:

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша,

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Перевод А. Блока

6

1905 год явился важным рубежом в развитии самосознания армянского народа, тесно связавшего свою судьбу с общероссийским освободительным движением. К этому времени в поэзии Исаакяна все более зреют мотивы протеста и призывы к активным действиям. Его беспокойные «буйные мечты», его скорбь и гнев созвучны мятежной природе, и он часто обращается к картинам стихии на море, в горах, в безлюдной пустыне. Бушующая природа вызывает в нем новый прилив энергии, укрепляет волю к борьбе с «темным миром» горя и зла:

Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнули — бесстрашно стоят.

Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце, — там место тебе. . .

«В далеких горах Гималайских сейчас. . .».
Перевод В. Державина

В динамике этих строк ощущается дыхание революционной бури. Воодушевленный общим подъемом общественной жизни, поэт звал к братскому единению народов «на бой с насильем». С кавказских вершин звенел его голос, призывающий к мятежу, к мести:

Ненависти, жажды отомщенья
Пламя я в сердцах разжечь хочу.
Речь моя к тебе, о раб голодный!

.

Сбрось ярмо твоей судьбы суровой!
Гневное оружие наточи!

.

Сокруши неволю вековую. . .

Перевод А. Гатова

Стихи Исаакяна, рожденные скорбью и гневом в период первой русской революции, свидетельствуют об известном переломе в настроениях поэта, но более решительные сдвиги в его общественном сознании произошли под влиянием исторических событий 1917 года. Октябрьская революция, освобождение народов России от векового угнетения и рабства в поэзии Исаакяна вызвали к жизни новые темы, и в 1919 году в Женеве он приступил к работе над поэмой «Мгер из Сасуна».

Сюжетом для своей новой поэмы Исаакян избрал четвертую, последнюю ветвь эпоса «Давид Сасунский», жизнеописание Мгера Младшего, в образ которого армянский народ вложил свой исторический опыт, накопленный в вековой борьбе, свою философию, исполненную мужества и горечи, свою неугасимую и непоколебимую веру в лучшее будущее, которое должно было стать реальностью после того, как «мир будет разрушен и воссоздан вновь».

Тема поэмы соответствовала времени, она родилась под воздействием исторического момента, когда восставший российский

пролетариат и крестьянство сбросили иго векового рабства. Поэма выражала новые общественные настроения поэта, веру в возможность переустройства этого мира на новой, справедливой основе.

В «Мгере из Сасуна» автор воссоздает эпический памятник, сохраняя его народный дух, остро ощущая его глубокий социальный смысл. «Поэма... Исаакяна, — писал И. А. Орбели, — не переложение какого-либо варианта или отрывка из великого армянского эпоса. «Давид Сасунский» — это сжатое поэтическое выражение идей, рассеянных по всему эпосу, идей, достигающих особенно высокого напряжения в народной обрисовке младшего из четырех героев, Мгера Младшего, судьба которого так тесно связывает отделенный от нас веками эпос с нашими днями.

Исаакян правильно уловил ту не сказываемую сказителями нить жизни Мгера, которая единственно способна объяснить, почему старый мир был для него тесен, почему обветшавшая поверхность земли, на которой держался старый мир, не способна была выдержать тяжелую поступь Мгерова коня.¹

Автор на сюжет героического эпоса взглянул с позиции современности, в свете волновавших его острых социальных проблем.

В поэме Исаакяна герой не только сочувствует обездоленным, но и активно помогает им. Мгер спасает пашни и жилища крестьян от наводнения. Он сближается с народом. Его самосознание зреет под непосредственным воздействием жизни простых людей, тружеников.

Мгер у Исаакяна не сразу приходит к мысли о необходимости изменения мира, необходимости активной борьбы с социальным злом. Автор поэмы заставляет своего героя пройти тяжелый путь жизненных невзгод, чтобы он сам испытал всю горечь голодного существования труженика. Новое бытие его пробуждает в нем новое сознание, иное отношение к миру. Мгер в поэме Исаакяна, «обездоленный, голодом и жаждой томимый», скитается по чужим землям. Он видит всюду только «смерть и зло». Он жаждет мира и справедливости. В нем все более и более зреет недовольство, разгорается гнев против всех угнетателей. Мгер готов помочь им разорвать цепи рабства. Он обращается к «сасунским храбрецам, селянам, работникам и рабам» с горячим призывом взяться за оружие, чтобы разрушить навсегда «мир темный и злой» и установить трудовой строй, где не будет больше угнетателей и угнетенных, где хозяином жизни станет народ.

¹ И. Орбели, О поэме «Мгер из Сасуна». — «Новый мир», 1939, № 9, с. 45.

В обращении Мгера к труженикам выражен социальный идеал автора поэмы.

В 1920—1930-е годы в творчестве Исаакяна преобладает проза. В это время он создает большую часть своих социальных рассказов, которые занимают важное место в идейной и творческой эволюции автора. Мироззрение Исаакяна обогащается идеями социализма. Если в поэме «Мгер из Сасуна» автор искал своего героя в прошлом историческом опыте народа, эпосе, в героях которого еще сохраняются следы родства с мифическими персонажами, придающие им полуреальный-полуфантастический характер, то в рассказах из народной жизни выразителями его идеала становятся современники поэта, простые люди, которые поднимают знамя непокорности, встают против мира рабства и в жестоких битвах куют светлое грядущее человечества.¹

С воодушевлением встретил Исаакян Октябрьскую революцию. Он видел в ней осуществление вековых чаяний трудового человечества, исполнение заветной мечты армянского народа, который «вместе с великим русским народом разорвал свои цепи и вышел из мрачной темницы рабства».² Поэт осознал всемирно-историческое значение Октября. В первом социалистическом государстве рабочих и крестьян он видел «духовную родину» трудящихся всего мира, а в Ленине и в его учении — знамя освобождения всех народов от векового гнета и рабства.

В конце 30-х годов, когда сгущались тучи над социалистической родиной, Исаакян выступил с разоблачением человеконенавистнической идеологии фашизма. Он призывал демократические силы всех стран сплотиться во всеобщем движении сторонников мира, бороться во главе с Советским Союзом против поджигателей войны.

В начале лета 1941 года, когда Исаакян отдыхал в Эссентуках, пришла весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Вражеские орды хлынули на нашу землю, над страной социализма нависла опасность. Весь советский народ встал на защиту родины. В годы Великой Отечественной войны Исаакян своим огненным словом воспевал и прославлял благородные чувства и высокие идеи, с которыми шли в бой советские воины. Стихи его, полные гнева и ненависти к фашистским захватчикам, стали боевым кличем. Они звали сынов Армении вместе с русским народом

¹ См. рассказы «Байрам Али» (1924), «У них есть знамя» (1932). — Ав. Исаакян, Избр. соч. в двух томах, т. 2, с. 40—44, 62—90.

² Там же, с. 209.

и другими народами Советского Союза грудью встать на защиту единой социалистической родины.

В трудные дни 1942 года Исаакян пишет стихотворение «Наша борьба». Руины древних храмов и крепостей, немые свидетели далекого прошлого, бесконечных битв и нашествий, вызывают в душе поэта не только грустные думы, но и чувство гордости за народ, мужественно отстоявший свое существование, свою свободу. В славе прошлого поэт предвидел «будущей славы залог». Исаакян в грозные дни Отечественной войны обращается к страницам истории, чтобы пробудить в сердцах воинов, защищающих советскую родину, патриотические чувства, чтобы они, овеянные духом героических страниц прошлого, с еще большей отвагой сражались с ненавистным врагом.

Армянский поэт воспел героическую Советскую Армию. Он посвятил пламенные стихи памяти С. Г. Загияна, павшего смертью храбрых в жарких битвах за отчизну:

Покойся безмятежно в вечной славе,
Твои герои-братья мчатся в бой,
Армения цветет всё величавей,
И пламенеют розы над тобой!

*«Вечной памяти С. Г. Загияна».
Перевод А. Ахматовой*

В годы Великой Отечественной войны много сил и энергии отдал Исаакян публицистической деятельности. Его статьи «Отечественная война и армянский народ», «Братство закавказских народов-непоколебимо», «К 23-й годовщине Советской Армении», «Победа на стороне прогресса», «Славная годовщина (К 25-летию Советской Армении)» и другие проникнуты идеями патриотизма и дружбы народов.

«Во время Великой Отечественной войны, — писал Н. С. Тихонов об Исаакяне, — он страстно включился в борьбу, и его слово поэта, его слово публициста звучало с молодой свежестью».¹

Важнейшими чертами армянской литературы на протяжении всего ее исторического существования, высшими ее достижениями Исаакян считал гуманизм и народность. Негасимая жажда свободы, любовь к родине, уважение к личности, чувство человеческого достоинства, демократизм, сочувствие ко всем отверженным, обездоленным, жертвам «безжалостного мира», ропот и гнев против не-

¹ Н. С. Тихонов, Выдающееся произведение советской литературы. — «Литературная газета», 1946, 29 июня.

справедливости, насплля, деспотизма — все эти мотивы и идеи, по мысли поэта, составляют содержание армянской литературы. Ими же характеризуется основное направление творческого пути самого Исаакяна.

Поэтический мир Исаакяна глубоко национален, но он не ограничен национальными рамками. «Свое, национальное, — писал Корнелий Зелинский об Исаакяне, — он подымает до общечеловеческого. И судьба его родины символически перерастает в его поэзии в образ человеческой судьбы на земле».¹ Слава Исаакяна еще в дореволюционные годы перешагнула границы его родины. В январе 1916 года А. Блок, в период его увлеченной работы над переводами из лирики армянского поэта, писал: «...поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».² В 1943 году, при основании Академии наук Армянской ССР, народный поэт был избран действительным членом Академии. Исаакян за заслуги в развитии советской литературы был награжден двумя орденами Ленина, а за вдохновенные патриотические стихи в 1949 году он был удостоен Государственной премии первой степени. В течение многих лет, до конца своей жизни, Исаакян возглавлял Союз советских писателей Армении.

Исаакян умер 17 октября 1957 года и похоронен в Ереване, в Пантеоне деятелей армянской культуры.

К. Григорьян

¹ Корнелий Зелинский, Поэт. — В сб.: «Аветик Исаакян в русской критике», с. 49.

² Александр Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М.—Л., 1963, с. 455—456.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Нежную розу спалило в зной,
Поникла она, увяла.
Нежное сердце сжало тоской,
Горестью истерзало.

На смену зною пришли дожди,
Вдохнула роза, раскрылась.
Но сердце больное в моей груди
Радостно не забилося.

3 мая 1891
Казарпат

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.

О нежный ветер, звездный свет,
Где яр мой в эту ночь?
О звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

4 декабря 1891
Эчмиадзин

3

Когда, звезда, ты светишь в высоте
И весь эфир тобою озарен,
Ты видишь нас во тьме и нищете,
Невинных жертв к тебе несется стон,

Тогда тускнеют светлые черты,
Тогда печаль твоя доходит к нам,
И молишься, и молча плачешь ты...
Как я твоим завидую слезам!

4 декабря 1891
Эчмиадзин

Я чистой верой был вооружен
В жизнь и людей, когда-то в мир вступив,
И в сердце рос могучий гул и звон:
То бил в него высоких чувств прилив.

Пред алтарем стихии бытия
Склонясь в благоговении, посмел
Пойти дорогою пророков я
И песнь свободы и бесстрашья пел.

И вот я к новым берегам иду,
И мой венец — морщины, горя след,
Свидетели того, что и беду
Я принимал как знаменье побед. . .

*22 декабря 1891
Эчмиадзин*

5

Сложил я песни, — горести прошли,
Растаяла в груди моей тоска,
И сладостные слезы потекли,
Прозрачные, как струи родника.

Умчались песни ласточками ввысь,
На крыльях ветер их с собой унес,
Росою обернулись и зажглись
Алмазинками на бутонах роз.

Минули дни, мой звонкий голос стих,
Смерть подошла своею чередой,
И ветви роз в сиянье слез моих
Склонились над могильною плитой.

Над ней запели тихо ветерки,
Навек родные звуки сохранив.
О эти песни давние мои!
Как сладостен и грустен их мотив...

1891
Александрополь

6

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.

1891
Александрополь

Едва расцветший цветок,
Я рос на склоне горы,
Мне сладко пел ручеек
Порой полдневной жары.

Луна в ночной тишине
Ко мне со звездами шла,
Рассказывать сказки мне,
Чудесные, без числа.

Но раз на рассвете дня
Гнала ты стадо к ручью
И сорвала ты меня,
Украсила грудь свою.

Беспечно до этих пор
В счастливых грезах я жил,
Но черный коварный взор
Сгубил меня, иссушил!

9 марта 1892
Эчмиадзин

Ал-злат наряд — мой детка рад.
 Индийский лал в ручонке сжал,
 Люль-люль, дар-дар, дитя — краса.
 Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,
 Бровь — полумесяц, спи, дар-дар.
 Глазок — звезда, господень дар.

День настает, овца идет,
 Дитя всё спит и не встает.
 Вставай, капризничай, кричи,
 Гоп-гоп, на соску, на, соси,
 Топ-топ, тихонечко ходи.
 Нет, сладкий сон тревожить жаль,
 Щека — как сахар, как миндаль.

Джан божья мать, молю тебя,
 От злого взора, наговора
 Храни, храни мое дитя. . .

12 марта 1892
Александрополь

Меж нами семь высоких гор,
Со мною только тень твоя,
Меж нами семь жестоких лет,
В разлуке умираю я.

Горя забвенье, ран исцеленье,
Солнце и жизнь! Где ты, скажи!

И день и ночь скорблю душой,
С дороги не свожу я глаз,
Быть может, кто-нибудь чужой
От милой весточку подаст?

Горя забвенье, ран исцеленье,
Перстень-алмаз! Где ты сейчас?

Семь лет пощусь, мой стан иссох,
Горю на медленном огне,
Спаси меня, всесильный бог,
Верни возлюбленную мне!

Горя забвенье, ран исцеленье,
Счастье и жизнь! Где ты, скажи!

*22 марта 1892
Апаран*

Я стар... Меня винить не надо,
Хоть мне еще не много лет.
Мне юность не дала отрады,
Лежит на мне печали след.

Так не дивись! Порою ранней
Мне щедрый опыт послан был, —
И в яви и в пылу мечтаний
Я и боролся и любил.

О жизни думал я с тревогой.
И стала мне она ясна —
Кровавой, торною дорогой
Ведет живущего она!

27 апреля 1892
Александрополь

Сердце, дождись! Быть может, рассвет
Сумрак разгонит. Фиалки тебе
Жемчуг рассыпят, и радость побед
Ты обретешь в борьбе.

Вспыхнет заря! Безднажность гони!
Новою жизнью живи и дыши!
Видишь, надеждой чаруют огни.
Что же душа твоя мукой полна,
Что же сомнений гложет змея,
Ведь не исчезла святая любовь —
Светоч души.
Так надейся и верь!

4 мая 1892
Александрополь

Ужели облетит цветка
 Благоухающий наряд,
 Умолкнут хоры пестрых птиц,
 Иссякнут
 Струи родника?

Ужели, друг прекрасный мой,
 Остынет грудь твоя навек,
 Забыв волнений сладкий яд,
 В могиле
 Темной и глухой?

Ужель угаснет ясный взгляд
 И очи обратятся в прах,
 Где ныне нежность и любовь,
 Как две звезды,
 Меня манят?

Ужели рот пурпурный твой
 И радуга прекрасных слез,
 Как сон, исчезнут навсегда,
 Укрытые
 Сырой землей?

Ужель, ужель в песках, в пыли
 Навек погибнуть ты должна,
 Чтоб на тебя ложился снег,
 А прах твой
 Ветры размели?

*5 мая 1892
 Казарпат*

Устал от жизни я, родимый лес!
Мне жар любви не греет больше грудь
И не уносит душу в глубь небес.
О, если бы навеки мне уснуть
В твоих объятьях, чтобы надо мной
Пел колыбельную твой тихий шум,
Дарующий усталому покой,
Чтоб тень деревьев и шепот родника
Мне навевали сладостные сны
Самозабвенья.

10 мая 1892

14. МОЯ ПЕРИ

'Ширакское предание

В полночный час на берегу,
Своей любовью поглощенный,
Глаз оторвать я не могу
От волн певучих речки сонной.

О, кто она, чей вздох смутил
Мое безмолвие ночное,
И кто голубизною крыл
Блеснул над дремлющей волною?

Одели лунные лучи
Ее в мерцающие ткани.
Ее признанья горячи,
И в косах росных брызг мерцанье.

Едва блеснет заря, она
Вдыхает первый цвет весенний
И, словно зыбкий образ сна,
Вдруг исчезает в мутной пене.

Средь волн зеленых рождена,
В приюте, что лишь мне известен,
Любовь моей души она
И муза сокровенных песен.

Всю ночь на этом берегу
Сижу я как замороженный,
Глаз оторвать я не могу
От волн певучих речки сонной.

*6 июня 1892
Аргина*

Хочешь, стану росой печали,
Засверкаю в глазах ярче слез?
Ветерком, прилетевшим из дали,
Буду гладить шелк твоих кос?

Хочешь, нежною розой стану,
На груди запылаю твоей,
Разгорюсь я зарею румяной
И украшу сияньем лучей?

Хочешь, ивой склонюсь над тобою,
Ты же спи, ни о чем не скорбя,
Хочешь, птицей прикинусь ночью,
Буду песней баюкать тебя?

Чем велишь мне, тем я и стану!
Стану небом, землею, луной,
Солнцем, ветром, волной океана,
Только б знать, что любим я тобой!

21 июля 1892
Харич

День холодный, буря и мгла,
Ветер гудит в окно.
В сердце, сожженном дотла, дотла,
Пусто, темно, темно.

Ветер смолк. На листы, цветы
Блеск упал с высоты.
Сердце, когда ж улыбнешься ты,
Светом зальешься ты?

4 октября 1892
Эчмиадзин

Ночь. Мороз.
Молчанье звезд бессонных...
Чуть коснулись лунные лучи
Ледников, что спят на горных склонах,
И снега заискрились в ночи!
Зимний ветер
Крылья простирает,
Он над взгорьями шумит, гудит!
Скована морозом грудь земная,
На скалу колючий снег летит!

Путь бескрайный,
И зима без края.
Я бреду вперед,
Ни надежд, ни спутника не знаю!
Темень. Ветер. Лед.
«Воссияй, надежда!» — я взываю.
Жду — надежда обоймет!

13 декабря 1892
Тифлис

Сердце мое — небесный свод. . .
Каждый, кто в жизнь пришел,
Там звезду свою узнает,
Свой находит престол.

Сердце мое — небесный свод. . .
Благоуханье цветам,
Девушке радость любви дает,
Опустошенному сердцу взлет,
Жизнь бесплодным пескам.

Сердце мое — небесный свод. . .

4 февраля 1893
Тифлис

Певец я — птица в вышине,
Земных богатств не надо мне.

Люблю цветы и милых дев
В благоухающей весне.

И нежный шепот я люблю,
И песню горя в тишине.

3 апреля 1893
Александрополь

Товарищ, вперед!
С надеждой в груди,
Над бездною вод,
В пустыне морской,
Мученья терпя,
Свой парус веди
Сквозь бешенство бурь,
Сквозь яростный бой!

Товарищ, вперед!
Вдали — погляди —
Надежды маяк
Горит пред тобой!

21 июля 1893
Черное море

21. БИНГЕЛ

Прохладой веет ветерок
С зеленых луговин Бингёла,
Несется пенистый поток
В ущельях сумрачных Бингёла.

Цветок хорут-морут поет
Среди весеннего цветенья,
Шохик-хури в объятых вод
Купается в уединенье.

Покинул ангел небосклон,
Земной красою пораженный,
Упал со звездных высей он
В Бингёла призрачное лоно.

И, сострада, скорбь свою
Излило небо голубое:
«Ах, не сиять тебе в раю,
Избрал ты бытие земное!»

Туман над озером взвился,
И, точно влага дождевая,
На лепестки цветов роса
Ложится, радугой сверкая.

Пришельца приняла земля:
«Будь счастлив новой, дивной долей,
Ее со смертными деля.
Отныне цвесь тебе в Бингёле!»

Ручей бормочет, как во сне,
Трава трепещет еле-еле,
И слышны в ясной тишине
Разливы соловьиных трелей.

Истомой веет ветерок
С зеленых луговин Бингёла,
Несется пенистый поток
В ущельях сумрачных Бингёла.

29 июля 1893
Вена

В горах, в ущельях ветер злой гудит.
Скопленья туч. На землю мгла упала.
Напрасно сына, мать моя, не жди —
Твоя звезда блестящая упала.

Родная, плачь, назад я не вернусь.
Я ранен в сердце, плачь — я не вернусь.

С нахмуренного неба слезы льет
За каплей капля туча дождевая,
Из раны сердца всё сочится кровь
За каплей капля, не переставая.

Плачь, мать моя, не жди — надежды нет,
Смертельна рана — исцеленья нет.

Жестокой жизнью был обманут я —
Друг лучший мой нанес удар неожиданно.
Мне рану нанесла судьба моя —
Как памятка любимой эта рана.

Плачь, мать моя, не жди — надежды нет,
Родного сына нет — погас твой свет!

3 августа 1893
Галиция

Стал ветерок ночной нежней,
И хоры звезд луну зовут.
Луна упала в синь морей,
И стаи птиц меня зовут.

На струнах сердца я взыграл,
И песни звонко полились.
Я трепетал и ликовал,
Но струны сердца порвались.

Осталась лишь любви струна
В моей сердечной глубине.
Всегда мне песнь любви слышна,
Везде она сияет мне...

5 августа 1893
Аргина

В груди моей — радость творенья.
Небо во мне поет,
Пожар любви пламенеет,
Горя, поток ревет. . .

И если к тебе донесется
Из песен моих хоть одна,
Навек ее обаяньем
Душа твоя будет полна.

И если хоть малая искра
Пожара моей любви
В тебя западет — разольется
Огонь и в твоей крови.

И если хоть капля горя
Бушующего моего
Падет на тебя, ты разделишь
Со мной исступленье его.

В груди моей — радость творенья.
Небо во мне поет,
Пожар любви пламенеет,
Горя, поток ревет.

28 августа 1893
Вена

Оплачь мое горе, симбул-трава,
И вы, полевые цветы,
Оплачь мое горе, небес синева,
И ты, соловей, и ты. . .

Стало небо темней земли,
Отныне брожу один,
Любимую, джан мою, увели,
В пустыне брожу один. . .

Сердце мне подожгла моя джан,
Расплавил и ушла,
Не залечила в груди моей ран,
Оставила и ушла. . .

Оплачь мое горе, симбул-трава,
И вы, полевые цветы,
Оплачь мое горе, небес синева,
И ты, соловей, и ты. . .

29 августа 1893
Вена

Извивается дорога,
К морю темному ведет, —
Яр Шушан, меня покинув,
С юношей другим идет.

Я — мертвец, и у дороги
Я лежу во мгле ночной,
Незарытый, позабытый. . .
Море плачет надо мной.

И орел клюет те очи,
Что глядели на Шушан,
Волк грызет во мраке ночи
Сердце, ждущее Шушан.

А дорога к бездне муки,
К морю темному ведет.
Яр в крови омыла руки
И к венцу с другим идет.

*2 сентября 1893
Прага*

27. МОЕЙ МАТЕРИ

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг,
Мимо сердца с тоскою безумной
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,
Был бы сном я — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы
И смеялся и плакал бы, джан!

*8 сентября 1893
Дрезден*

Один я в объятых бушующих вод,
 О моря житейского водоворот!
 Сердцем своим,
 Живым, огневым,
 Я должен осилить твой норов крутой,
 Должен достичь колыбели святой
 Грез моих
 Заревых.
 Реви же, неистовый водоворот,
 А ты, мое сердце, мой верный оплот,
 Будь чище росы
 И тверже скалы.

Пусть шторм завывает, угрюм и могуч,
 Пусть молнии сыплются в море из туч,
 Пусть канет огонь маяка в темноту
 И скроется берег, одевшись в туман, —
 Я пристань найду.

 Великих стремлений моих
 Чистота,
 Святая любовь,
 И святая мечта,
 И силы небесные дали мне меч,
 Чтоб я пораженья не знал среди сеч,
 Крылья, чтоб мог я летать словно птица,
 Надежду, чтоб вынес я всё, что случится.

1893
 Вена

Ты устал, любимый мой,
Кончи пахоту — я жду.
Льется пот с тебя рекой,
Распряги волов — я жду.

Сливки сняты для тебя
И стоят на холоду...
Для тебя надела я
Красный фартук свой и жду.

Посвежеет дотемна,
Постелила я в саду,
Светит в душу нам луна...
Приходи ко мне — я жду.

Горы в тучах грозовых,
К своему лети гнезду...
За мозоли рук твоих
Жизнь отдам, спеши — я жду.

1893

Мне от любимой, ветерок,
Благоуханье принеси!
Развей тоску и боль мою,
Привет любви мне принеси!

Мне чашу с розовым вином
Ты, виночерпий, принеси!

Из сада-сердца сладких слов
Ты мне нарви и принеси!
И поцелуев, и цветов
На легких крыльях принеси!

Мне чашу с розовым вином
Ты, виночерпий, принеси!

1893

Ночь опустилась, звезды блеснули,
Нежно дрожание лунных лучей,
Цветы в тишине уснули —
В сиянье луны, в сверканье росы
Тихо, спокойно уснули.

Усните, розы, усни, соловей,
И звезд жемчужные нити,
И ветерок, и зыбь морей
Спокойно-спокойно усните.

Думы горькие, скорби души моей,
И вы спокойно усните.

1893
Александрополь

Бессонные ночи,
Бездомные ночи...
Как тосковал я,
Страстью томимый,
О тебе, о любимой!
Сколько страдал,
Сколько рыдал...
Бессонные ночи,
Бездомные ночи.

1893

В бездне бед житейского моря,
Как скала, я крепко стою.
В блеске молний, с грозами споря,
Как скала, я крепко стою.
Пусть бушуют ветер и вьюга!
Как скала, я крепко стою.
Волны бьют, сменяя друг друга, —
Как скала, я крепко стою.
Кто ко мне плывет — не утонет, —
Как скала, я крепко стою.
Эй, ко мне! Пускай море стонет, —
Как скала, я крепко стою!

29 мая 1894
Лейпциг

Средь чуждых людей живу, одиноко;
Взгляд их холоден и суров,
Заперто сердце их на замок,
Не откликнется на мой зов.

Глубокие думы — мои друзья.
На крыльях парят они в вышине,
И очи звезд сострадают мне,
Когда горюю, отчаясь, я.

3 ноября 1894
Лейпциг

Вот я какой увидел сон:
У дома, где сияешь ты,
Родник пробился, окружен
Цветами редкой красоты.

И подошел я к воротам,
Чтоб злую жажду утолить,
И вдруг воды не стало там...
О, хуже сна не может быть!

Проснулся и в тоске поник:
Я — жаждущий, а ты — вода.
Любовь твоя, как тот родник,
Иссякла навсегда!

16 ноября 1894
Лейпциг

Я болен, родная, истерзан душой,
 Взгляни, как изранено сердце мое, —
 Излечишь ли раны глубокие ты?
 Они — отражение скорби иной,
 Всей скорби земной.

Я болен, как небо болеет грозой.
 Ты слышишь, какие я песни пою?
 Бездонное горе в напевах моих, —
 Возможно ли песни мои остудить?
 Они — отражение скорби земной,
 Страданий людских.

Оставь же меня. Пусть живет эта боль,
 И слезы, и вздохи. . . оставь меня, мать!
 Несчастному сыну ты счастья не дашь!
 Ах, жаль, что не можешь ты пламя небес
 И молнии грозную силу мне дать
 И, в душу вложив их, вдохнуть в нее жизнь,
 Не можешь ты небо и землю разъять,
 Не можешь и сердце мое исцелить:
 В нем язвы и кровь.

О мать моя, мать!
 Пусть вечно скитаюсь я здесь, на земле,
 Встаю укоризной над шумной толпой:
 Морщины глубоко чело бороздят,
 Уста мои сжаты. . . И с вечной тоской

Один я скитаюсь, печален, угрюм,
И ощупью скорбная дума бредет
К далекому берегу этой земли.

О берег желанный, которого нет...
Пусть, глядя на чистые звезды вверху,
Я буду молчания песням внимать,
И, вечно печален, задумчив и сир,
Я буду тревогою душу терзать,
И плакать, плакать...

13 мая 1895
Берлин

С венцом терновым на челе
И с чистою душой
Иду скитаться по земле,
И мысль высокую свою
Я людям отдаю.

Какая цель меня влечет?
Я будущего жду,
Оно торжественно встает
Над жизнью мутною земли
И светится вдали.

*10 июня 1895
Варшава*

Прозрачны в небе облака,
Озарена ночная тишь,
Глядится месяц в темь болот,
И тихо шепчется камыш.

Уж аист на прямых ногах,
Как будто в думы погружен,
Спокойно бродит в камышах.
Болота тусклый видят сон.

На берегу угрюмом я
Сижу в блаженном забытьи,
И в грезах тонет мысль моя,
И сон смежил глаза мои.

29 июня 1895
Ани

Лунно-лилейная дымка
Над уснувшей рекой,
В поле шорох колосьев,
На сердце сладкий покой.

Девицу-иву колышут
Вздохи ночной тишины,
Птиц на деревьях не слышно,
Снятся им яркие сны.

Звезды сияние сеют,
Слышится стрекот цикад,
Песнь сокровенная зреет,
Вдаль мои думы летят.

Скрылась луна боязливо,
Мгла поплыла над рекой.
Никнет плакучая ива,
Полнится сердце тоской.

14 сентября 1895
Рим — Ани

Сверкают звезды ярче и нежней,
Безмолвную пустыню обнимая.
Глубоких тайн полна, в душе моей
Пустыня ширится немая.

Здесь величаво тишина звенит
И тонет мысль в безмерности молчанья,
И душу жжет и крылья мне дарит
Тот звездный взгляд, как прорицанье.

1895
Ани

Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!

1895
Александрополь

Мечтой я на дальних бродил берегах,
 Кружил одиноко на вольных крылах,
 И звезды улыбок, и мрачная тень
 Раздумий меня окружали в ночах.

На мелях пустынных, под кручами скал,
 Кипела пучина, прибой бушевал.
 И ветер холодный мне лоб оведал
 И нес облака...

Шумели дубравы густою листвою,
 И в шуме их былью вставляли живой
 Былые века.

А в небе, в лазурной его глубине,
 Как солнце, горела душа в вышине.
 И пламени море там виделось мне...
 Там думы мои оживали в стихах,
 Что я, словно звезды, рассыпал в ночах
 На тех берегах...

И создал чудесный я мир, где мечта,
 Где мощь, где величие и красота
 Как звезды бессмертно сияют в веках.
 Так я на далеких запел берегах,
 Как дух-исполин,
 Свободен, один...

2 января 1896, 22 июля 1896
 Харич

От алой розы, розы любви,
Увы, остались одни шипы!

Шипы сухие в сердце впились,
В младое сердце вошли они.
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви.

Всё, всё, что есть от дней весны, —
Вы, вы, колючие шипы!

23 июня 1897
Александрополь

В небесах облаков гряда.
Скрыт туманом мой скорбный путь.
Я откуда иду? Куда?
В голове туманная муть.

Что за боль всё томит меня?
Ах, сестрица, мой путь далек.
В сердце ранен шипами я,
Всё скитаюсь в пыли дорог.

Снег на горные склоны лег,
Вихрь холодный подул с высот.
Я — без друга, я — одинок.
Злобно ветер в лицо мне бьет.

В небесах облаков гряда.
Скрыт туманом мой скорбный путь.
Я откуда иду? Куда?
В голове туманная муть.

20 июля 1897
Александрополь

Исчезла тропа, оборвался путь,
Бездна морская передо мной;
Ушедшей любви уже не вернуть,
Уже не вернуть никакой ценой.

На море тяжкая мгла легла.
Где белые птицы, парившие днем?
Печаль мое сердце обволокла.
Где алые розы, пылавшие в нем?

Канули дивные птицы на дно.
Каркает ворон с черных ветвей.
Розы любви отцвели давно.
Рыдает бескрылый мой соловей.

24 июля 1897
Харич

Милая у монастырских ворот
Яблоки, гранаты продает.
Женщины и девушки идут...
Что за цены! Даром отдает.
Милая поссорилась со мной.
Дорого, ах, дорого берет.

Что мне делать? Яблоком твоим,
Милая, я б исцелиться мог.
Все, что есть у меня, — я отдам,
Только бы не продала другим.

Сентябрь 1897
Багрян

Не глядись в черный взор,
В нем безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор, —
Бойся черных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей,
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся черных очей!

25 октября 1897
Александрополь

Косули в сумрак пронеслись,
Мелькнув по горной крутизне.
На озеро взглянули вниз
И вновь исчезли в тишине.

Любовь моя, ал-зелен цвет,
Ты — злое горе, я впотьмах.
Всю жизнь мою, ал-зелен цвет,
Скорбь извела, замучил страх.

Как быть? Куда укрыться мне?
Где тот пустынный перевал?
Там умереть бы в вышине,
Чтоб волк мне сердце растерзал.

Косули, мне покоя нет.
Ах, сердце в яростном огне.
А люди смотрят мне вослед,
Никто не подойдет ко мне.

*26 октября 1897
Александрополь*

Находят подруг человек и зверь,
Лишь я бездомен, лишь я один.
Попробуй мученья мои измерь,
Они выше гор и глубже теснин.

А ты говоришь: «Убирайся прочь».
Куда, кому покажусь теперь? ..
Ты боль моя, ты болезнь моя,
К какому лекарю стукнуть в дверь?

26 ноября 1897
Александрополь

Шумно та звезда упала
С неба на земную грудь,
Но земля в ответ молчала,
Смертью кончен звездный путь.

Я к тебе ворвался с нежной
Песней, жаркою как кровь.
Ты нема и безмятежна,
Но... жива моя любовь.

26 ноября 1897
Александрополь

«Что за огонь разводишь, мать?»
— «От раны зелье кипячу».
— «Ах, эта рана в сердце, мать,
Ничем ее не облегчу.

Ах, я жестоко ранен, мать,
Злосчастному спасенья нет.
Не разрывай мне сердца, мать,
Той ране исцеленья нет».

Зима 1897
Александрополь

Тихий шелест ветвей,
Чуть ветерок подует.
Покоя всё нет. Во мне
Бушуют горькие думы.

Вот по земле туман
Стелется дымкой мгlistой,
На облака упал
Солнца луч золотистый.

...Но весь я — дух.
Звезд потускнели взоры,
Месяца лик потух,
Уснули горы.

...Но весь я — мечта.
Вдаль устремляюсь, таю...
Плеск родника,
Сердце мое расцветает.

...О, как величав
Синий небесный купол,
Темных ущелий провал.
О, как радуга блещет,
Все краски мира вобрав.

...О, как прекрасны
Звезды веселые ночи,

Рассвет багряный,
Сердечные раны,
Моря бездонные очи.

Всё ж снова стремлюсь я в путь,
Всё ж слезы теснят мне грудь.

1897
Ереван

Брожу я молча в лесу глухом,
Вóроны, совы мне говорят:
«Ах, бедный парень, грустишь о чем?
Иль нездоров ты?» — мне говорят.

Брожу я молча в лесу глухом,
Деревья росую меня кропят.
«Ах, бедный парень, мы слезы льем:
Рана твоя глубока», — говорят.

Дунул ветер, листья летят,
Землю устлали слоem густым...
«Ах, бедный парень, тех листьев плат
Будет последним ложем твоим».

1897

Глухим, неясным, призрачным порывом
Куда-то рвется существо мое.
Как мгливой ночью моря забытье
Лишь плеском выдает себя тоскливым —
Душа как сон: то есть, то нет ее.

1897

Александрополь

Зелень пробилась к солнцу из тьмы,
Когда же придешь ты, сынок, из тюрьмы?

Слова моей матери

Журавлиные стаи, стаи
Курлыкают, прилетели:
«Весенние дни настали».
Курлыкают, прилетели.

Джан, я грустила доньне,
Вас долго не было, птицы.
Несете ли весть о сыне?
Не умер ли он в темнице?

Ах, сына взяли, связали,
Лишили сердце покоя.
Проходят годы в печали,
Гляжу на горы с тоскою.

Весною солнце смеется,
Цветам и травам не спится.
Когда же сын мой вернется
Из ненавистой темницы?

Журавлиные стаи, стаи
Курлыкают, прилетели:
«Весенние дни настали».
Курлыкают, прилетели.

1897
Александрополь

Подул холодный осенний ветер,
Ивы затрепетали,
Желтые листья в неверном свете
С шорохом грустным опали.

Сидит лишь ворон на ветке голой
В хламиде черной своей,
Да я, безутешный, в тоске тяжелой
Томлюсь у твоих дверей.

1897
Александрополь

Душа моя была что сад:
Он буйно цвел и зеленел.
Любви моей распев-раскат
Истомно соловьем звенел.

Красавица, сказала ты:
«Как соловей поет в плену!
Какие чудные цветы —
Позволь мне розу взять одну!»

Я молод был и ликовал, —
Коварно речи лгали мне;
Промолвил я: «Дарю весь сад!»
Коварно очи лгали мне.

Жестокая, вошла ты в сад,
Все розы растоптала ты,
И обломала мой гранат,
И соловья украла ты...

2 августа 1898
Одесса

На чело твое тучи легли,
Ты оделся в туман, Алагяз,
Нынче солнце не светит и мне,
И на сердце туман, Алагяз.

По нагорьям скитаясь твоим,
В каждом сердце я видел беду,
Но таких, как моя, Алагяз,
Не нашел и вовек не найду.

Эй вы, птицы Манташа-горы,
Ваши яркие перья пестры,
Но, когда бы вам горе мое,
Почернели б вы, как воронье.

Эй вы, ветры Манташа-горы,
Вы от века свежи и добры,
Но, бедою намучась моей,
Стали б вы ядовитее змей.

Мне крылами уже не взмахнуть,
Дай приникнуть к тебе, Алагяз,
Сердцем к сердцу больному прильнуть,
Кровью слез изойти, Алагяз.

22 августа 1898
Одесса

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша,

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Ноябрь 1898
Казарпат

Луна, словно лебедь сонный,
По небу-морю плывет.
Мой домик, луной убеленный,
Мерцанье, чуть видимое, льет.

Ни звука. Лишь сердце поэта —
Голос большой тишины,
Обняв все стороны света,
Звонит в серебро луны.

1898

Бедя со мной, всегда со мной,
Куда б ни шел — спасенья нет.
Когда любимая молчит,
Нигде мне исцеленья нет.

Уйду за тридевять земель,
Исчезну — пропади и след,
Ветрам, морям печаль отдам:
Пускай развеют бремя бед.

Душа и мир — в тоске, во мгле,
Куда б ни шел — спасенья нет.
На камни голову склоню,
Уйду, навек покину свет...

1898
Одесса

Ах! Горе и боль нам даны на земле,
И радостных дней не видим мы
Ах! Вся наша жизнь прошла во мгле,
Нам всё непонятно среди этой тьмы.

Богатые люди едят и пьют,
Пышный стол жизни для них накрыт, —
А пасынков мира лишь слезы ждут,
И к доле счастливой нам путь закрыт.

Жалкий бедняк проливает пот,
Из каменной почвы хлеб растит,
Возами его богачу везет,
Богач-угнетатель и пьян и сыт.

Жалкий бедняк в цепях нищеты
Голоден вечно, в лохмотья одет.
Как же оставить можешь ты
Этот строй жизни, жестокий свет?

Ах! Горе и боль нам даны на земле,
И радостных дней не видим мы.
Ах! Вся наша жизнь прошла во мгле,
Нам всё непонятно среди этой тьмы.

1898
Одесса

Я спал, и море снилось мне.
 Был ясен кроткий вал.
Один лежал я и во сне
 От раны изнывал.

Дышало море тишиной
 В раздумье без конца.
Явила рана болью злой
 Живого мертвеца.

Лишь голос нежный пел во мне,
 В сердечной глубине:
То пела мать, ждала меня
 В родимой стороне.

1898
Одесса

Хотелось сердце спрятать мне
Во мраке моря, в глубине.
Всю горечь от тебя укрыть
Навеки глубоко на дне, —

У моря велика душа,
Все тайны в ней погребены.
Всё выслушает не дыша,
Взволнуется из глубины.

1898
Одесса

Бурное море в безумном порыве
Кусает обветренных губ гранит,
А горе горькое — коршун злой —
Без устали сердце мое когтит.

Сбежать бы, сбежать — пропасть без следа
В объятьях слепой стихии,
Сердце укрыть под пенной волной,
Где не водятся коршуны злые.

О вольные волны, забросьте меня
На берег далекий-далекий,
Чтоб сердце уснуло, судьбы не кляня,
На камень припав одинокий.

1898
Одесса

Прибой, запенившись, кипел,
Ложился на берег устало;
А к морю по крутой тропе
Ночная мгла спускаться стала.

Бездомный, я давно не спал.
Бегу от надоевшей жизни.
Среди холодных, диких скал
Хочу забыть родных и ближних...

А на небесный трон, в тиши,
Взнеслись созвездья, заблестели.
Из мрачных тайников души
Напевы звездами взлетели.

И пели струны: «Близок срок,
Увяла жизнь, и плакать поздно...»
Пронесся тихий ветерок,
Заплакали безмолвно звезды.

*1898
Одесса*

Я любил, но любимую увели,
Сердце взяв из груди, увели.
О жестокий, безжалостный мир!
Сердце вырвав мое, увели.

Боль сильна, и ей исцеленья нет,
Есть спасенье, но помощи в горе нет.
О жестокий, безжалостный мир!
Друга, преданного душою, нет.

Мои лучшие дни ушли,
Пожалев обо мне, ушли.
О жестокий, безжалостный мир!
Дни, что ночи черней, пришли.

1898
Одесса

«Подружка, стану я землей.
Чем станешь ты?»

— «Весною стану, наряжу
Тебя в цветы».

— «Подружка, небом стану я.
Чем станешь ты?»

— «Я стану солнцем, берегись,
Не обожгись».

1898
Одесса

Когда бы из моей сердечной раны
По смерти вырос розы черенок,
И из страны далекой друг желанный
С поклоном к праху моему притек,

И в сердцевину розы над могилой
Из слез его хоть капелька влилась, —
Она б насквозь прошла цветочной жилой
И рану мне закрыла тот же час.

1898
Одесса

Как же я дожил до черного дня,
Склонив свою голову пред подлецом?
Уж лучше бы мне не сносить головы,
Чем преклонить ее пред подлецом!

Каким бы я ни был и кем бы я ни был —
Бездомным и нищим — я всё ж человек.
К чему же склоняться мне пред имя рек,
Кто бы он ни был и кем бы я ни был.

Что б ни случилось, будь горд, человек,
Гордым, свободным шествуй путем,
Взирай на людей с открытым челом,
Что б ни случилось, что б ни случилось!

*Июнь 1899
Сарыкамыш*

71. ВСЕЛЕНСКИЙ КОЛОКОЛ

В пустыне ли я скитаюсь священной,
Бреду ль поселком куда-то вдаль —
Во мне стремленье всей вселенной,
Ее раздумья, ее печаль.
Но свет разгоняет туман блужданья,
Сомненья мучительные разреша:
Вижу колокол — мирозданье,
Голос его — моя душа.

Звучит торжественно над пустыней,
Из бесконечности, из немоты,
Нигде не слышанная доньше
Звонкая песня вечной святыни,
Песня истины и красоты.
Звоны вселенной в душе глубоко, —
В духе моем узнаю пророка.

Но вот колыханье толпы несметной,
Как океан, тяжелой, густой,
Всегда безразличной, бездушной,
бесцветной. . .

Я слышу в душе моей звон заветный —
То бьет вселенная в колокол свой.
И этой толпе я из горнего края
Несу откровений моих благодать, —
Буду учить ее, жаля, пронзая,
Чтобы очнулась тяжесть слепая,
И буду плакать я и сгорать. . .

*Сентябрь 1899
Александрополь*

Не видеть тебя я давал обет,
Но снова случилось встретиться нам.
Сестра, в моем сердце страданья нет,
На месте раны той — черный шрам.

Но солнца лицо от меня закрыл,
Словно черная туча, мой черный шрам.
Как черная тень, одинок и уныл,
В ущельях скитаюсь, брожу по горам.

1899
Александрополь

Бессонной ночью темною
Со мной толпа теней —
Умершие, бездомные
Друзья души моей.

Посмотрят, горя полные,
Изранят сердце мне
И, тихие, безмолвные,
Исчезнут в глубине.

1899
Александрополь

Стать бы мне солнцем, чтоб милую грудь
Розами нежно обвить,
В сердце остывшее пламень вернуть,
Искры в глаза заронить.

Стать бы ключом: певучей струной
Баюкать твои мечты,
Радугой стать, чтоб короной цветной
Была увенчана ты.

Стать бы волною: у ног твоих
Плескаться, едва дыша.
Стать ветерком, что на миг затих,
Кудри твои вороша.

Небом стать в звездном блеске ночей,
Как землю, тебя обнять,
Тысячи тысяч звездных очей
Вовек с тебя не спускать.

1899
Александрополь

Друзей в могилу рок увел,
Сердца друзей землею стали.
Остался я — иссохший ствол,
Друзья сырой землею стали.

Согнулась мать моя, — пришел
Последний час неотвратимый,
Угаснет скоро жизнь родимой.
Что ж я скриплю — иссохший ствол?

Листва опала, черен, гол
Стою, разрушенный до срока,
Червь горя грудь прогрыз глубоко.
И всё ж скриплю — иссохший ствол.

Эй, сердце, не спеши, постой,
Осенний забушует ветер,
Он с корнем вырвет ствол сухой,
Осенний беспощадный ветер!

1899
Баку

Я знаю, через века
Мир застынет и пропадет,
Подо льдами, во тьме кромешной,
Сгинет наш человеческий род. . .
Ах, лишь бы сердце во вселенной
Билось вечно.

1899

Над безымянной могилой моей
Пусть ветер вздыхает тоскливо,
Пусть будет не крест и не камень на ней —
Одна лишь плакучая ива.

Так много крестов нес я годы подряд,
Вручала их злая рука мне,
На сердце моем с давних пор уж лежат
Тяжелые черные камни.

1899

Под ивою этой в далекие дни
Мы песни любви распевали,
Делили в ее шелестящей тени
И радости мы, и печали.

Клялась ты любить до скончания дней
Под ивой зеленою этой...
Но ива засохла, нет листьев на ней,
И ты позабыла обеты.

1899

Те звезды, чей свет мне люб искони,
Струят свой поток серебряный, млечный
И шепчут: «Взгляни,
В просторе небес, в стране бесконечной,
Мы странствуем вечно.
Нельзя заковать возвышенный дух
В железо оков.
Рабом ты не будь и власти чуждайся, —
Иди, чтоб в душе огонь не потух,
Скитайся, скитайся».
Так шепчут мне звезды без слов.

1899

Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.

Лани зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день.

1899
Харич

Шиповник дикий, я расту
Там, где тропа любви у края,
Клубится пыль и льнет к листу,
Меня от взоров закрывая.

Шепчу: «Красавицу не жди:
Ей нравится цветок садовый».
С любовью солнечной в груди
Пылает венчик мой багровый.

Не видят путники его,
Им не приметно страсти пламя, —
И зависть вспыхнула во мне,
И сердце поросло шипами...

1899
Женева

Ты — плод граната золотой,
Я — только деревце твое.
Ты — роза, я — листок простой,
Гляжу, гляжу в лицо твое.

Тревожусь я в тоске о том,
Что кто-нибудь тебя сорвет, —
Зачахну я сухим кустом,
А листик ветер унесет.

1899

Мой день проходит во мраке,
 В душе надежда на лучший.
 А завтрашний день ложится
 На сердце черною тучей.
 О прошлом думаю с болью:
 Так мало было удачи,
 Тернистый мне путь судьбою
 Был издавна предназначен.

Проходят дни караваном
 Печально, тихо — всё дальше,
 Скорбью людской нагруженны,
 Тяжкою кладью — всё дальше.
 Дней моих караван,
 К скорби людской в придачу
 Горе земли несущий,
 По свету идет всё дальше.

Однажды в степи пустынной
 Остановится он, усталый,
 Тяжкое бремя сгрузит,
 И жизнь моя пеплом станет.
 Дней моих караван,
 К скорби земли в придачу
 Скорбь проклятого мира
 Несущий, идет всё дальше.

Но вот привал. На привале
 Время подумать: много ль

Запечатлел, познал я.
Куда привела дорога?
Время решить: до предела
Устав, исстрадавшись, много ль
Выиграл я на этом
Тернистом пути по свету?

Как утопающий в страхе
Готов за змею цепляться,
За мир цепляемся подлый,
С надеждой боясь расстаться.
Но тщетна надежда, знайте,
Мы — только червей добыча.
Будь хоть владыкой мира —
Иной судьбы не добиться.

О милые матери наши,
Стали и вы землю,
Сколько сердец пылавших
Стали, увы, землю.
О вы, друзья дорогие,
Постигло вас горе злое:
Сыны дорогие ваши
Стали, увы, землю.

Мир свиреп, кровожаден,
Не знает он состраданья,
Хоть так же, как нам, в грядущем
Конец и ему настанет.
Мир тоже подвластен тленью,
И, хоть покамест могилой
Он человечеству служит,
Грозит ему завтра гибель.

Жаль, тысячу раз мне жаль
Цветов в их ярких уборах.
Исчезнут как дым, уйдут
Моря, голубые горы.
Жаль тысячу раз мне звезд:
Исчезнут, лучи роняя.
На гибель обречены
Конь огненный, лань лесная.

Мир — человека подобье:
Возник и уйдет — умрет.
Мы странники, наша дорога —
К небытию переход.
Кого спросить, не сон ли
Вся жизнь. Кто бы дал ответ?
Зачем приходим, уходим?
Молчанье — ответа нет.

Эй мир, обреченный мир,
Всяк в пути своем одинок.
Зачем приходит, уходит?
В пучину нас ввергнул рок.
Тот счастлив, кто чувств лишен,
Его не тревожит печаль.
Блажен не пришедший в мир,
Стократ пришедшего жаль.

На свете лишь люди обречены
На боль, на рыданья, стоны;
Раны людей, страданья людей —
Безмерны они, бездонны.
Эй ты, бранный, жестокий мир,
Твоей завидуем доле:
Ты к своей скорби великой глух,
К своей безысходной доле.

Песня для безутешных сердец —
Единственное спасенье.
Наша песня, о суетный мир, —
Боли твоей отраженье.
Пришли как сон и уйдем как сон,
И ты словно сон исчезнешь.
Жизнь — лишь отзвук боли твоей,
Человек — это песня...

Июль 1900
Кюснахт

Ах, лишь красавицу я встречу,
 Страдаю вновь, как прежде, я,
 Услышу звуки милой речи —
 Вновь оживает боль моя.
 Конца ей, утоленья нет,
 Покоя, исцеленья нет.
 Гор тяжелей, глубже морей
 Мои страданья, мои страданья.

Надеждой светлой окрылен,
 Тебе я сердце в дар принес.
 Я положил к твоим ногам
 Весь небосвод в алмазах звезд.
 Мою любовь отвергла ты,
 В душе зиянье пустоты...
 Где изумрудные мечты?
 Ушли в преданье, ушли в преданье.

Я жаждой света одержим...
 Ах, по любимой сердце плачет.
 Тоскую по горам крутым,
 Где конь-огонь на воле скачет.
 Подбитой птицей жизнь плелась,
 Разбит певучий сердца саз.
 Темней, черней, чем мрак ночей,
 Мои страданья, мои страданья.

12 августа 1900
Казарпат

В долине, в долине Сално́ боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытой цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

Запеваet кузнечик в кровавых полях,
И, в объятых предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут, и звучат,
Всё о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално́ туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

19 сентября 1900
Кюснахт

От жгучего горя сердце мертво,
И жизни моей иссяк родник.
Мои слезы должны океаном стать, —
Только б скорби моей не узнала мать.

Я буду скитаться один в горах,
Буду биться о камни головой,
Суждено мне волчьей добычей стать, —
Только пусть не узнает об этом мать.

Ноябрь 1900
Цюрих

В вашем доме сегодня пир идет.
Ты как роза цветешь, красотой горда.
Знатных юношей славит тебя хоровод,
И сверкаешь ты ярко, как звезда.

У вашего дома — ветра плач.
Стою и дрожу у закрытых дверей.
Ты одета вся в алое, как палач, —
Это алый отблеск крови моей...

1900
Цюрих

Вечер все обошел дома,
В каждом добрый затеплил свет.
Ах, в моем только доме тьма,
В сердце также просвета нет.

Вот уж соседи пришли домой,
Села ужинать вся семья.
Где ж ты, любимый, отважный мой?
Всё гляжу на дорогу я.

Слезы лью в тишине одна.
Ночь добавила темноты.
Все уснули, мне ж не до сна:
Ты не приходишь, а сон мой — ты.

1900
Женева

Знать ты не хочешь любви моей,
Я растоптан тобой, любимая.
Жестокая, душу мою пожалей, —
В ней себя не убей, любимая.

Черных крыльев скворца черней
Глаза мой — черные, черные.
Они души зеркала, а в ней
Только горести черные, черные.

1900

Эй, смерти мир, бессмертен ты.
Ты весь — гроба, одни гроба.
Для человека ты — тюрьма
И безысходная судьба.

Эй ты, жестокий мир, ты — лев,
А я — олень в твоих когтях.
Эй, не грызи, расвирепев,
Мне сердце не сжимай в когтях.

Кого молить, к кому звать?
Как от твоих когтей уйти?
Незримой цепью скован я.
Спасенья нет и нет пути.

Как ни зови, ни умоляй,
В конце концов, проклятый мир,
Землей мне глотку ты забьешь,
Скорбей и смерти черный мир...

1900

Эй, джан родина, как прекрасна ты!
Здесь горы в прозрачной дали видны,
Здесь сладостны реки, нежны ветерки, —
Но в крови утопают твои сыны.

Готов умереть я за землю твою,
Чтоб больше тебя не томила печаль;
Будь тысяча жизней у меня,
Отдать и всю тысячу было б не жалы!

Всю тысячу жизней — твоей судьбе,
Твоей красоте и детям твоим.
Одну только жизнь оставляю себе,
Чтоб петь тебе славу словом своим.

Чтобы, как жаворонок в вышине,
На заре твоих новых, счастливых дней
Петь всё свободней и громче мне
Восходящее солнце свободы твоей!

1900
Женева

Из бездны мрака голос мой звучит —
Святая истина, явись, приди!
Давно зову, но мир вокруг молчит, —
И тяжкий камень у меня в груди.

Я шел к тебе по множеству дорог,
Но где ты, истина? Я, как слепой,
Во тьме и заблужденьях изнемог, —
Иль сжалиться не хочешь надо мной?

Измученный, не в силах я идти,
Я веровал: ты там, ты впереди,
Но торного не отыскал пути.
О истина, молю тебя, приди!

Воскреснут силы, — мужеством горя,
Пройду по весям я и городам.
Взойдет над миром истины заря,
И свет ее я людям передам.

1900
Цюрих

Повстречались мы через много дней...
Сердце слезы льет, улыбаюсь я.
И всё та же ты, только всех милей,
О родная, мне, о душа моя!

Взор спокойный твой был ко мне склонен,
Но надменно я миновал тебя.
Плыл вокруг меня светозарный сон,
Обернулся я и глядел, скорбя.

Нет, вовеки врозь не лежал наш путь,
Не стояла жизнь меж тобой и мной.
О сестра моя, мне отрадой будь,
Погляди, я твой, навсегда я твой!

1900
Александрополь

94—96. **НАРОДНЫЕ БАЯТИ**

1

Дорогие мои, прощайте,
В путь пускаюсь снова — прощайте,
Возвращусь ли назад — кто знает?
Будьте все здоровы — прощайте.

2

На кусте твоём розою пышной не стал, —
Я бутоном, ещё не раскрывшись, увял.
Захотела б, и сердце мое б расцвело.
Я напрасно к тебе о пощаде взывал.

3

Жизнь отдать тебе рад — нет вины у меня.
Гнев возьми ты назад — нет вины у меня.
Глаз увидел — и в сердце мне жало впилося.
В чём же я виноват? Нет вины у меня!

1900

Ветер летит, летит по пустыне,
Пронзит тишину — замрет.
В желтых камнях на моей могиле
Дикая роза растет.

Душа, не ведая сроков,
С вечным сроднится там,
Услышит вселенский колокол
И нежно прильнет к шипам.

26 мая 1901
Лидо (Венеция)

... Намучилась к ночи, устала волна,
С рыданьем-стенаньем упала она
 В объятья земли.
Чело мое в тучах, найти не могу
Родной мне души на чужом берегу,
 От близких вдали.

2 июня 1901
Венеция

В сердце — скорбей океан, грустно понурился я,
 В грустном раздумье сижу на берегу Араза.
 Черный ворон задел черной тучи края,
 Кружится над головой на берегу Араза.

Молодость, ты прошла мрачно, черно прошла —
 Так у Араза весной мчатся мутные воды!
 С грохотом, с громом прошла, невозвратно
 прошла —
 Так убегают весной бурные, быстрые воды.

Каркай же, ворон, сильнее, долю мою оплачь!
 Пустыне подобен мир, сердце подобно пустыне.
 Видишь: встают, встают тучи в глазах моих,
 Но зарыдать от души сил неостанет ныне...

1901
 Вена

Косы свои заплетала,
Заплела — пошла на гумно.
От этого платья алого
В сердце моем черно.

Срывала яркие розы,
Остались шипы для меня,
Вонзаются их занозы
И жгут горячей огня.

Карабкаюсь я по кручам.
Когда же придет забытье?
Я истерзан тобою, измучен, —
Умереть бы за имя твое...

1901
Басен

101. АРАЗУ

Ты с наших гор, со дна озер,
Скользя, змеясь, течешь, Араз.
Из сердца нашего, из глаз
Волной кровавой бьешь, Араз.
С крутых вершин, из мглы долин,
Крутясь, мутясь, течешь, Араз.
Эй, склоны гор, родимых гор,
Алмазных гор!

Ты много, много сотен лет
Из сердца бьешь, течешь, струясь.
Ты нашу скорбь и бремя бед
С собой уносишь вдаль, Араз.
С крутых вершин, со дна долин
Всю нашу боль несешь, Араз.
Эй, склоны гор, армянских гор,
Любимых гор!

Веками тяжесть горя нес
И каждый день и каждый час
Волною бился об утес,
О мир — гранит в тоске Араз.
С крутых вершин, со дна долин
Волной кровавой мчишь, Араз.
Эй, склоны гор, высоких гор,
Родимых гор!

Ах, мир жесток! Бездушный, он
Не внял мольбе твоей, Араз.

Не слышит мир твой скорбный стон,
Его твой ропот не потряс.
С крутых вершин, из влажных глаз,
Стеня, кляня, течешь, Араз.
Эй, склоны гор, ущелья гор,
Зеленых гор!

Воспрянь, Араз, и миру брось
Свой гневный вызов, возмутясь;
Стань черным, горьким морем слез,
Стань ядом, кровью, мой Араз.
С крутых вершин, из скорбных глаз
Волной кровавой бьешь, Араз.
Эй, склоны гор, армянских гор,
Родимых гор,
Алмазных гор!

1901
Вена

Утеса черного осколок
Мне сердце смолкшее гнетет,
Я скрыт землей, и сон мой долог,
Печали камень грудь гнетет.

Весна пришла, Шушан пришла
Меж голубями ворковать,
Сложила крылья, замерла,
Меня, голубка, стала звать:

«Вставай, мой милый! Арпачая
Сегодня ивы зацвели.
Тебе их веток принесла я,
На зов мой выйди из земли!

Встань, милый мой! Весна пришла,
Уже алеют склоны гор.
Тебе и роз я принесла, —
Пойдем гулять на склоны гор!

Встань, милый! Ветер веет розой,
И овцы к пастбищу бредут.
Открыто сердце Алагяза,
На Алагязе наш приют!»

Увы! На сердце камень лег,
И рана глубока в груди.
На зов подняться я не мог:
Любовь была мертва в груди.

1901
Цюрих

Мне снилось: я, раненный в сердце, лежал
Один, на прибрежном песке,
Ваюкал меня набегающий вал...
Забылся я в тихой тоске.

Мне снилось: веселою песней звеня,
Товарищи мимо прошли,
Никто не позвал, не окликнул меня,
И песня умолкла вдали...

1901
Цюрих

Померкла душа от страданий земли,
И в тяжелой тоске я уснул наконец.
Мне снилось: на казнь меня повели,
И в лоб мне вонзался терновый венец.

И речь моя — молот была и пожар,
И кровь моя шла из-под терний венца,
И речь моя — молот была и пожар,
И речью сжигал, сокрушал я сердца.

И к виселице потащили меня
У всех на виду под конвоем штыков,
И люди шумели, как ветер, гоня
Обрывки бессвязных и суетных слов.

И вот в высоту я вознесся в петле!
На лбу моем — сказочный, гордый венок.
И выли и ползали толпы во мгле,
Внизу, у моих коченеющих ног!

*Февраль 1902
Ахалцих*

Взмахну я крыльями и ввысь взлечу,
Покину подлый мир, где правды нет нигде.
Я эти звезды целовать хочу,
Парить свободным от звезды к звезде.

Взмахну я крыльями и ввысь взлечу,
Туда, где беспредельно реет свет,
Средь солнц вселенной услышать хочу
Весть новой жизни, вольности завет.

Взмахну я крыльями и ввысь взлечу
От ваших всех законов и препон.
Такую сферу отыскать хочу,
Где собственная воля мне закон.

Февраль 1902
Ахалцих

Ликуя, струится прозрачный ручей
Долиною роз, по камням крутым.
То свадебный поезд любимой моей,
Что едет венчаться сейчас с другим.

С другим ты связала судьбу свою...
Будь счастлива с ним, сестра моя!
С другою любимую в дальнем краю
Теперь на свиданье отправлюсь и я.

На черном коне темной ночью глухой
Отправлюсь я к ней с оружием в руках.
Меня ожидает, объята тоской,
Любовь моя в скалах, в горячих песках.

Безумная буря — невеста моя,
К ней ветер зовет меня в дальний путь.
Пыл сердца делить с ней хотел бы я,
В объятиях жарких навек уснуть.

Шумит надо мною листва тополей,
Они меня вдаль продолжают звать.
Уловит твой слух легкий шелест ветвей,
Но сына вовек не услышишь ты, мать!

Уйду я в пустыню, один, в тишине,
Где солнце палит и иссякла вода.
Могилу копытом конь выроет мне,
Я в ней с моим горем усну навсегда.

Июль 1902
Сарыкамьш

Ночные блещут небеса,
Целует небо грудь земли.
Полны любовью звезд глаза,
И волны песню завели.

Куда ж летит душа моя,
Что этот мир ей чуждым стал?
В стране иного бытия
Чего ей ждать, чего искать?
Себя один я понимал,
Но до конца не мог понять...

Август 1902
Карс

«Охотник, брат, ты с гор идешь,
Ты, знать, охотился весь день.
Скажи, не встретился тебе
Сынок мой бедный, мой олень?»

Он с горя в горы убежал, —
Моя звезда, мое дитя.
Он оземь бился, он рыдал, —
Моя беда, мое дитя».

— «Сестра, двуцветная тесьма
На шее сына твоего,
И поцелуями расцвел
Шиповник на груди его».

— «Охотник, брат, скажи, на ком
Мой мальчик там жениться мог,
На чьей груди теперь лежит
Олень мой бедный, мой сынок?»

— «Сестра, я видел — твой олень
На грудь скалы щекою лег, —
Лелеет в сердце не жену,
А пулю бедный твой сынок.

Ласкает волосы его
Залетный ветер ночь и день,
Тоскуют горные цветы,
Что умер бедный твой олень».

19 ноября 1902
Балахани

Мой май зеленый, пора, приди,
Пора, приди, мой зеленый брат.

С гор, где фиалки расцвели,
Травы и птицы манят меня.
Солнца лучи, ароматы земли
На склоны крутые манят меня.

О горы, суровой зимы наряд
Вы уже скинули, — счастье вам!
А сердце мое напрасно грустит
По птицам весенним и по цветам.

Цветущие горы, всё те же вы,
Журчащие воды, всё те же вы,
Один лишь я исхудал, поник.
Сады с соловьями, всё те же вы.

Во всем этом мире лишь я не тот,
Без грез, без надежд по свету бреду
И не знаю сам, куда путь ведет...
Небо и солнце, всё те же вы.

Зеленый мой брат, приходишь весной
И одеваешь могилы мхом.
Приди, приди, о зеленый брат,
Не обойди мой могильный холм.

1902
Казван

С цветком на груди я на свадьбу любимой
Явился, как будто мне всё нипочем.
Пусть бесится — гордость ее уязвима.
Почувствует всё же себя палачом,
Когда, всмотревшись в мой взгляд до дна,
В нем смертную муку увидит она.

1902
Баку

Был бы на Аразе у меня баштан,
Посадил бы иву, розы я да мак,
Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,
В шалаше бы вечно пламенел очаг!

Чтоб сидела рядом милая Шушан,
Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушик лилейной отдыха не знать!

1902
Баку

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свет
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь ее прихода жду я —
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!

1902
Баку

Зима ушла, весна идет,
Скоро и снег с горы сойдет,
Снова скитальцев дорога ждет.

Где ж мой скиталец? .. И вести нет...
Глазам бессонным покоя нет.

Чужбина в тучах, одета мглой, —
А сердцем нежен мой дорогой.
Шипы да камни там под ногой. . .

Не медли доле, вернись домой,
Любимый мой, желанный мой!

С горы в долину бежит ручей —
То слезы из моих очей.
О, не терзай ты раны моей!

Вернись: родная земля сладка,
Земля сладка, и вода сладка.

1902
Басен

Бездомная ласточка, песня моя,
Скажи мне: из сердца летишь ты куда?
В какие бы ты ни стремилась края,
Я знаю: нигде не найдешь ты гнезда.

В бесчувственном мире, в холодных сердцах
Нет места тебе, одинокой, в глуши.
Ты — птица чужая на диких камнях,
Ты — жизнь, ты — страданье, вокруг —
ни души...

1902

Я от грохота жизни в пустыню ушел.
Наступила ночь, всепобедная ночь,
И так нежно усталую душу мою
Обняла темнотой.
Где бездонная высь —
Там звезды зажглись.
Безмятежный глубокий покой
Распростерт в пустыне святой
В этот тайный, торжественный миг,
И душа растворилась в великой ночной

ТИШИНЕ.

1902

Как ветер горный из черных туч,
По орлиным крылам хлестнуть и уйти,
Как в бледном лесу прозрачный ключ,
Сухую листву взметнуть и уйти...

О, увяла жизнь, и мои мечты,
Как странницы-птицы, в осеннем пути.
Над моими слезами смеялась ты —
Надо плачем любовь помянуть и уйти...

Пела роза мне песнь, апрель чаровал,
На берегах бытия их напев отзвучал...
Довольно, довольно! Я рано увял,
Осталось «прощайте» шепнуть и уйти...

1902

Словно молнии луч, словно гром из туч,
Омрачен душой, я на бой пошел.
Словно стая туч над зубцами круч,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошел.

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей.
Ты ищи, сестра, воронá коня,
Он копытом бьет в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка
На хмельном пиру средь товарищей.
Взвоят горный ветер, кинет горсть песка
В твоего дружка на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Рассыпать цветы над могилою...

*16 июля 1903
Казарпат*

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятых чужих моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися, —
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...

31 июля 1903
Ст. Нахичевань

Только детства беспечные, светлые дни —
Как весеннего сада цветенье.
После них наша жизнь, где печали одни, —
Безнадежное в бездну паденье.

С древа жизни летят за листьями листы,
Уносимые ветра порывом.
Все мечтанья любви, все виденья мечты —
Только память о мае счастливом.

Чье же выстоит сердце, коль ветер всё злей
Листья рвет и нахмурилось небо,
Перед скукою жизни, насмешкой людей,
В битве ради насущного хлеба?

В этом мире святого не жди, не зови.
Всё у грубых страстей в подчиненье.
Бестелесной и чистой в нем нету любви —
Разве только в мечтах, в сновиденье.

Много плакал о ней я ночей напролет,
Знаю цену всему я земному.
Ведь любовь — лишь паденье с небесных высот
В низких чувств пламенеющий омут.

Кто ж другого полюбит, волнуясь, скорбя,
Даже близким его называя?
А любить в нем кого-нибудь больше себя,
Словно друга, — затея пустая.

Кто ж родное себе может чувствовать в нем,
С ним своими делиться мечтами?
И, друг другу чужды, уж давно мы живем
Одиноки, как звезды над нами.

И блажен, кто в душе негасимо пронес
Святость лучших и чистых стремлений,
Кто под солнцем проходит долиною грез
Вдалеке от земных искушений.

Декабрь 1903
Александрополь

Я знаю, в жизни, при ее начале,
Глубокое страданье — мой удел.
Без горестей, без яда, без печали
Кто б безграничным овладеть посмел?

Пусть будет горе без конца, без меры —
Я не боюсь всю жизнь прожить, скорбя.
Лишь неизменной бы осталась вера
В величье мысли, в самого себя!

Направлю парус — мне ль стихий бояться? —
Против течения, на бурлящий вал,
И новые слова в душе родятся,
Ясны, чисты, прозрачны как кристалл.

1903

Столковался по родной стране
Молчаливый странник на чужбине.
Слов участия не услышать мне,
Сиротой бездомным стал я ныне.

Сердце там, где в звездной вышине
Вознеслись, в броню одеты, горы,
Скачет лань легко по крутизне,
Медленно орел парит дозором.

Сердце там, где создал наш народ
Памятники вековой славы,
Где всё с той же верой он поет
Век за веком эпос величавый.

Я вернусь, мои нагорья, к вам,
Возвращусь к родимому гнездовью.
Родине всё лучшее отдам,
Жизнь отдам ей, изойдя любовью.

1903

Нет, голод духовный вас будет томить,
Суждено голодать вам у пышных столов
И с набитым желудком, как нищим, бродить
В вечной жажде возвышенных, огненных слов.

Нагло, злобой полны, осмеяли вы в нас
Светлых мыслей и лучших мечтаний порыв,
И пред капищем плоти пустились вы в пляс,
О бессмертных стремленьях души позабыв.

Вам, дерзнувшим творящую силу презреть,
Голод духа в довольстве своем не избыть,
Вам, как нищим за коркою хлеба сухой,
В жажде, в голоде вечно по свету бродить!

1903
Баку

Ты ранено, сердце, ты бьешься в груди.
К чему? Разве можешь ты горю помочь?
Своими путями мир будет идти,
И ты не разгонишь нависшую ночь.

Как птица, плененная клеткой своей,
Томиться давно человек обречен.
Чего же добьешься ты, сердце мое?
Безвыходной клеткой простор твой стеснен.

С рожденья к могиле привязаны мы,
И путы всё время у нас на ногах.
Зачем же бунтуешь ты, сердце мое?
На связанных ты не умчишься крылах.

Мужайся, терпи, хоть и ранено ты,
На жизнь, не туманясь тоской, погляди.
Своими путями мир будет идти.
Живи, успокойся ты, сердце мое.

1903
Александрополь

Ночью ясною в тишине
Сладкий шелест листвы струится,
И проносятся вереницей
Воспоминанья любви во сне.

Чар любовных не оживить,
Смолкли, угасли жемчужные песни.
Скоро и жизнь отступит, исчезнет,
Ах, не вернется весна любви.

Ранит сердце безмерной печалью
Ныне девушек звонкий смех.
Ах, не вернется весна утех,
Розы мои, не раскрывшись, увяли.

1903
Александрополь

125. КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

Свободы колокол, звучи звончей,
С кавказских гордых, ледяных вершин
Пусть, как гроза ночей и горячей
Всех молний, звон к Масису долетит.

Неутолимой мезтью, мятежом
И ярой силой слова прозвучи
И о союзе братском, боевом
Народов вольных прозвени в ночи.

С гор в хижины, из горной щели в щель,
Из сердца в сердце твой призыв летит,
Восстание — святая наша цель.
Твой голос вечно пусть о том гремит.

Все души непокорные — в полет!
Пусть колокол свободы в грозный час
Раскачивать рука не устает,
Чтоб вольный гул слышал весь Кавказ.

Ты, колокол, греми, от сна веков
Буди Кавказ, буди Масис седой,
Орел, взмахни крылами широко,
Лев, гривую тряхни над крутизной.

Довольно нам нести позор цепей —
Мы жить хотим свободными людьми.
Расплавить цепи дай огонь скорей,
Дай силу нам, о мести нам греми.

Греми, зови и зовом мрак руби
В полях, где смерть, и слава, и борьба,
В трубу войной священной нам труби,
На бой с насильем пусть зовет труба!

Свободы солнцу, золоту души
Ты, звон победный, песней поплыви,
С Кавказских гор, с бесчисленных вершин
На праздник братства всех нас созови!

1903

Казарпат

126. МОЯ МОЛИТВА

Пусть сердце мое, как порожнюю чашу,
О природа, наполнит до края
Сила твоя пресвятая,
Мудрость животворящая.

В чудеса твои верую смело,
В свет бессмертия твоего,
В вечность твою без предела
И в мудрость, что всем овладела,
О природа, мое божество...

1903
Делижан — Севан

Любовь к тебе мне пронзила грудь,
Не залечить моей раны, сестра.
Мог бы в слезах моих мир утонуть,
А ты по-прежнему не добра.

Лишь любовь к тебе я воспеть хочу,
Сердце рвется к тебе из дали любой.
Обнимая другую — тебя ищу,
У другой в объятьях — живу тобой.

Но недоступна ты, как звезда,
К тебе не приду никогда, никогда.

1903

Вернулись дни чарующей весны,
И захотелось сердцу вышины.
Пушусь я в горы с посохом в руке
Скитаться в поднебесном далеке.

На высоте суровый взмыл утес...
Сорву меж скал я ветку диких роз,
Вверяя сердце ветру, как орел,
Я к облакам взлечу, покинув дол.

Заря золотокудрая зажглась,
Друг друга птицы кличут, пробудясь.
Стремится сердце жаворонком ввысь,
Туда, где светит солнца жаркий диск.

Пасется лань, обрызгана росой...
Я к пастухам пойду крутой тропой
И у костра в тиши любовь свою
Под тонкий звук свирели воспою.

Усну я, где застанет мрак меня,
Под кровом неба до прихода дня,
И ветры, что в ветвях нашли приют,
Дыша, мне колыбельную споют.

Меня зари разбудит поцелуй,
Ключ напоит. Под пенье звонких струй
Наполнится благоуханьем грудь,
И снова я отправлюсь в дальний путь.

Пойду в пустыни, к морю выйду я,
Неведомые обойду края.
Хочу постигнуть мир, везде поспеть,
Сердца людей познать и их воспеть.

Запечатлеть природы чудеса,
Ее бесчисленные голоса,
Иное небо и созвездий сеть
Хочу увидеть и хочу воспеть.

Эй ты, судьба бродячая моя,
Стремленье вдаль, к познанию бытия,
Меня бы наделили мощью крыл,
Чтоб сам себе владыкою я был.

1903
Одесса

Ты скитальцем будь, чтоб тебе брести,
Как прохожему, на земном пути.

Вольно должен взор твой окрест взглянуть.
Без конца иди в свой безвестный путь.

И пускай твой дух осенит печаль.
К берегам чужим устремляйся вдаль.

Друга честный взор ты ищи кругом.
Полюбя, в любви ты не будь рабом.

Полюбив, оставь и отправься в путь.
Одиноким будь и свободным будь.

И мечта, что там, в высоте, горит,
От земли твой дух в вышину умчит.

Устремись в тоске в звездный вечный мир
И умри, уйдя в голубой эфир.

*31 января 1904
Н. Нахичевань*

Осень пришла,
Цветы унесла.
Ручей в холода
Под коркою льда
Умолк до тепла.

Время настало —
Пришли печали,
И песни в усталой
Груди замолчали.

30 апреля 1904
Москва

Ты неприступна. Тоской томим,
Вижу тебя лишь в мечтах, во сне.
Мир напоен ароматом твоим, —
Ах, ничего не досталось мне.

Прислала бы вместо себя цветы —
Я б целовал их, к глазам прижал.
Шипы хотя бы прислала ты —
Я бы к груди их в слезах прижал.

22 июля 1904
Александрополь

Бесценные песни, благие мечты
С цветением роз пришли и ушли,
Восторги любви, полевые цветы
С дыханьем весны пришли и ушли.

Подобно другим, не свил ты гнезда,
И крылья разбиты от бурь бытия,
И ты, сирота, один навсегда,
А юности дни пришли и ушли.

Скитальцем ты стал бездомным, нагим,
Родные, друзья пришли и ушли,
Блуждая впотьмах, ты путь потерял,
И все караваны пришли и ушли.

И сердца рыданья еле слышны
В тумане, от края родного вдали,
Стоишь на чужом, глухом берегу.
Богатства души пришли и ушли...

20 сентября 1904

С далеких морей, из пустынь без границ,
Из светлых дворцов, из глухих темниц
Бесконечные слезы и ночью и днем
Отдаются эхом в сердце моем.
И солонь слезы, и горек смех,
И хлеб окровавлен, и горе у всех. . .

Иссякнет ли море слез наконец?
Я слышу, как слезы из всех сердец,
Капля за каплей, горе свое
Изливают в сердце мое!

7 октября 1904
Тифлис

Жизнь мою вы в грезу превратили,
Девственные, чистые глаза,
И в иссохшем сердце разбудили
Песню, словно вешняя гроза.
Жизнь мою цветами задали,
Девственные, чистые глаза.

14 октября 1904
Тифлис

Погляди, сестра моя, погляди —
Ранен в сердце я, тяжким окутан мраком.
Исцели эту рану в моей груди,
Ах, утешь меня! Я так много плакал.

Слезы доброй рукой сотри с очей,
Не давай мне плакать, я столько плакал,
Ото лба туман отгони, развеи,
Пожалей меня. Я так много плакал.

16 октября 1904
Тифлис

В миражах пустыни вечерней порой
Прекрасную деву узрел бедуин.
С тех пор только к ней он стремился душой
В тоске ненасытной средь жарких равнин.

И, жаждой томимый в пустыне своей
Под солнцем палящим, в колючках сухих
Искал он ее столько дней и ночей
И умер с мечтой об очах голубых.

В забвении вечном, сквозь легкую тьму
Всё видит манящий он свет в вышине —
Сияние девы, столь милой ему, —
И всё ее ищет в безрадостном сне.

17 октября 1904

Убитый грозою, из тучи
Буревестник с разорванным сердцем упал
На уступы прибрежных скал.
Камни его завалили, песок сыпучий,
Мхами густыми могила его заросла,
Годы над ним пронеслись чередою летучей.
Но всякий раз, когда из туч
Гром громыхает, сердит и могуч,
И молнии пронзают их огнем,
Он вспоминает о прошлом вновь —
И в нем гремел, бывало, гнева гром,
И в нем сверкала молния-любовь.

Октябрь 1904
Москва

Лучезарное небо полно чудес,
Душу будит песнею тишины.
Из темницы жизни в простор небес
Унесло мою душу в мечты и сны.

В глубине вселенной душа летит,
И в бескрайных просторах парит она,
Для той речи безмолвной слух открыт,
Что глубочайшего смысла полна.

Неоглядно пределы раздвинул свет,
Бесконечности ужас душе раскрыл
С караванами звезд, кольцом планет
В круговерти грозящих и мощных сил.

И душа приобщилась, еще страшась,
К думам вечности, в этот вступая круг,
И, растаяв, с бессмертием там слилась,
Как одна из пылинок, как малый звук.

1904
Тифлис

Я, как бездомный ветер, в дверь твою
Стучался — ты не отворила мне.
Блуждал в горах я, одичал от мук,
О скалы бился, плакал в тишине.

Но горы подтвердят, что я вовек
Злых слов не говорил, не клял тебя,
Рыдал в горах я и в долинах рек,
Но не роптал, не укорял тебя.

1904

Не грусти без конца и не радуйся, друг,
В этом мире ничто не имеет основ.
Всё, что есть, чего нет, изменяет нам, друг.
Все мечты и все звезды — там, в бездне миров.

Щедрым сердцем ты все принимай как сон.
В этом мире нет смысла и жизнь темна.
Слезы, радость и муки любви — закон.
Жизнью ль нам дорожить, для чего она?

Не печалься, не стоит, ведь горе пройдет,
В этом мире ничто не имеет цены,
И не радуйся слишком — любовь пройдет,
Как пройдет и жизнь, как проходят сны.

1904

Ах, цвет любви моей увял, отцвел
В бутонах золотых нескрытых роз.
На сердце юном, как плита тяжел,
Холодный гнет окаменевших слез.

Умри, уйди!.. Жизнь будет без тебя.
Вновь розы засияют по кустам.
Твою возлюбленную полюбя,
Другой, как ты, прильнет к ее устам!

1904
Н. Нахичевань

Никто не понял скорбных слез моих,
Рукою нежной ран не исцелил.
Никто не холил грустных роз моих,
Благоуханья песням не дарил.

Я за участие жизнь готов отдать, —
Ах, если б я был понят и любим,
На свете выше блага не сыскать,
Чем счастье служения другим.

Так много и любил и плакал я, —
Никто не понял скорбных слез моих.
Так жаждала любви душа моя,
Никто не холил грустных роз моих.

1904

Н. Нахичевань

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — всё во сне, в тумане,
И любовь и горе — тень воспоминаний.

Сохраняй же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть.

Не спеши. . . Смерть глянет поздно или рано. . .
Всё пройдет бесследно: сны и мгла тумана!

1904
Москва

Будто волчьих стай страшный вой кругом:
 В полночь зимнюю ветер шлет свой стон,
 И в саду моем сумрачно-пустом
 Ветки бедных ив рвет, ломая, он.

Ах, любовь в груди плачет с детских лет,
 Но кому понять красоту мечты?
 Дружеских сердец не ищи: их нет,
 Навсегда, душа, одинока ты.

Вырви же любовь, брось из сердца прочь, —
 Ведь ее весь мир чуждой признает,
 Брось в холодный мрак, в эту злую ночь,
 Прямо ветру в пасть... пусть она умрет...

Пусть моя любовь плачет сиротой,
 Ветер плач ее пусть умчит туда,
 Где приливы волн в берег бьют пустой,
 Но не к людям, нет... К людям — никогда...

Ветер всё ревет, бешено ревет,
 Буря зимняя в эту ночь страшна,
 И любовь моя молча смерти ждет
 Под ветвями ив... пусть умрет одна.

1904
Александрополь

Животворящему светилу
Я скорбь души своей открыл,
Я оку вечности в бессилье,
В ожесточенье говорил:

«Куда ты гонишь шар земной?
В чем смысл, в чем цель короткой жизни?
Подвластны смерти мы одной», —
Ему я молвил с укоризной.

«Не ставь мне этого в вину, —
И солнце сразу помрачнело. —
— Как ты, у смерти я в плену,
Во тьме блуждаю без предела.
Миры бесчисленные там
Рождаются и умирают.
Кто их творит, кто разрушает?
На это, знай, о человек,
Ответа нет.
Века идут за веком век,
Ответа нет...»

1904
Александрополь

Твой гордый стан сосны стройней.
Сто тысяч раз люблю тебя!
Коснуться бы твоих кудрей,
Припасть к рукам твоим, любя!

Я от тоски безумным стал,
Неистовым, как ураган;
Скитаюсь между круч и скал,
Огнем любовным обуян.

Пожаром стал, костром ночным,
Бессонный пламень жжет мне грудь...
О дай прильнуть к губам твоим
И свой огонь в тебя вдохнуть!

1904
Тифлис

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

15 июля 1905

Ненависти, жажды отомщенья
Пламенем душа обожжена.
Не несу я вам успокоенья —
Эта песня гневом рождена.

Ненависти, жажды отомщенья
Пламя я в сердцах разжечь хочу.
Речь моя к тебе, о раб голодный!
Ты бредешь пустынею бесплодной,
Ты — в лохмотьях жалких, ты — без крова,
Реки пота льются, горячи.
Сбрось ярмо твоей судьбы суровой!
Гневное оружие наточи!
Правды грозный меч тебе дарую,
В руку непреклонную кладу.
Сокруши неволю вековую,
Засвети счастливую звезду.
Пламя в сердце у тебя зажгу я,
В битву за свободу поведу.
Правды грозный меч тебе дарую,
В руку непреклонную кладу.

22 июля 1905
Казранат

О время юности моей,
Ты, словно облако, ушло,
Весну, и песни, и любовь
С собой из сердца унесло.

Я в горы подымусь один
И буду плакать среди камней.
Ах, плачь, ах, сколько хочешь плачь,
Не воротить минувших дней!

2 сентября 1905
Ахалкалаки

Да, я знаю, всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым. . .

1905

Александрополь

Душа — перелетная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупичицы,
И тьма впереди и в былом.

Но где-то, усеявши неба покатость,
Не ведают звезды беды,
И ты — голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.

Хоть раз меня взором мирящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце свое погружу.

Душа — перелетная бедная птица
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупичицы,
Дорога ночная темна.

1905
Александрополь

С замирающим сердцем в уснувшем саду
Жду я милую. Ночь глубока.
Ветерок приголубил цветы на лету,
По траве прошуршали шелка.
И дыханье любимой меня обожгло,
И опутали пряди волос,
И от звезд ее глаз стало в сердце светло,
Словно утро в ночи занялось...
Я уже на губах своих чувствую кровь,
И от счастья в горле комок...

Бедный юный мечтатель, забудь про любовь,
Ты как был, так и есть одинок.

1905

Александрополь

Враждует с человеком человек,
Друг против друга точит меч весь век.

Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму,
Заботы не прибавлю никому.

Я опускаю меч звенящий мой,
Я за себя вступить не стану в бой.

1905

Нежная моя голубка, мимо
Дома моего проходишь ты.
Что же скоро так я стал немилым,
Где ж любовь, где слезы и мечты?

Уходи же, счастье взяв с собою,
И другим обзаведись гнездом,
Не смотри назад, забудь былое.
Пусть, как сердце, будет пуст мой дом.

Пусть в угасшем сердце ветер воеет,
Моего жилья уж не согреть;
Пусть буря гудит над головою,
Женской клятве не поверю впредь.

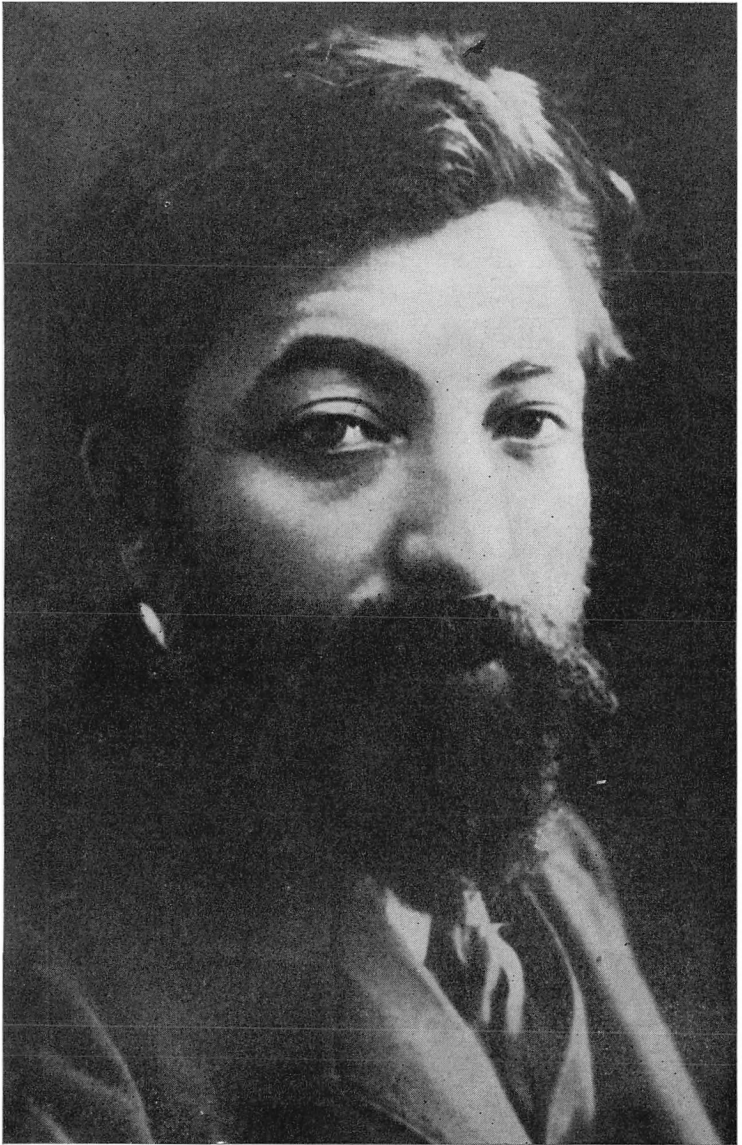
1905

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.

1905
Карс

Лишь одного бы я желал:
В пустыне выжженной бродить,
Один, среди безмолвных скал,
В скитаньях горьких слезы лить,

Грустить от мира вдалеке,
В пустыне выжженной бродить
И к скалам припадать в тоске,
Целуя скалы, слезы лить.

1905
Мрен

Я захотел любви поверить вновь,
О ней мечтать, печалиться глубоко,
Но сердце мне измучила любовь,
И снова я скитаюсь одиноко!

Я шумным ветром не примчусь, любя,
И у дверей не постучусь, гонимый.
О, если б мог я век рыдать, скорбя,
И мучиться тоской неуголимой!

1905
Тифлис

В далеких горах Гималайских сейчас,
Хребты затопив от вершин и до пят,
Дыханием моря смятенного мчась,
Клубясь, необъятные тучи кипят.

Гроза на грозу громоздится в горах,
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак,
Но горы не дрогнут — бесстрашно стоят.

Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце, — там место тебе. . .

1905

Взмыли в испуге дикие утки:
Кто-то на буйном коне ураганном
Мчится полночью этой жуткой
Вдаль по сжатым полям туманным.

Я — тот всадник, несусь я к звездам,
Вечности сердце открою вольное.
Затеряюсь в скопленье грозном
Черных туч под бичами молний.

Лишь бы прочь от коварных, лживых,
От погрязших в житейской тине,
Прочь от рабского мира наживы,
Где порок предпочтен святыне.

Наших слез этот мир не стоит,
Друг, подруга любви не стоят.
Лучше в пустыню уйду и зверю
Сердце свое бездомное вверю.

1905

160. ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Сухому я хлебу слагаю песнь,
Сухим его крошкам моя хвала,
Которые мне доставались здесь
От пиршества мира, с его стола.
Я крови и пота море пролил
На ниве, которую зной палил.
Немало я горьких слез ронял,
Кровью и потом я хлеб добывал.
Когда я снопы сложил на гумне,
С расчетами кѣхва пришел ко мне,
Всѣ сосчитал и унес с собой
Радость мою, золотое зерно.
Пришел ага и топнул ногой,
Всѣ сосчитал и унес с собой
Радость мою, золотое зерно.
Бродяги, нищие, поп с крестом,
Цыгане, птицы — все грабили дом,
Все, приходя, забирали мой хлеб,
А я оставался, как был, бедняком,
Нищим и голым в краю родном.
Я голодал, я просил куска
Хлеба, добытого тяжким трудом.
Нет, нам довольно нищими быть,
Жертвы мы глупости нашей во всем.
Мы ведь трудились, и хлеб этот наш,
Хозяева мы своего труда.
Мы наполняли своим зерном
Житницы хана и богачей,

Сами склонялиесь мы под ярмом,
Сами виновны в неволе своей.

Сбрось иго рабства, народ трудовой,
Сам стань хозяином доли своей,
Владыкою будь своего труда.
Да сгинут навеки и хан, и ага.
Хлеб в этом мире свободу несет,
Хлеб воспевайте, свой хлеб трудовой!
Люди труда, идите вперед,
С гимном свободному хлебу — вперед!
Хлеб — это сила, и правда, и свет.
Хлебу, добытому честным трудом,
Хлебу, свободе мы гимн воспоем!

6 февраля 1906

Сердце мое на вершинах гор
Вместе с орлами в приволье родном,
С тучами гневно в грозный простор
Молнии мечет, бросает гром.

С вами сердце мое, о бойцы,
Смерть не посмеет пронзить вам грудь.
Вас прославляю я, храбрецы,
Благословляю ваш светлый путь.

Народу вы дали великий обет,
И вы несете с оружием в руках
Свободы неугасимый свет!
Повергнете вы врагов во прах!

Буря, промчись, гроза, разразись,
Смой с человечества гниль и грязь!
Крылья расправив, взвейся ввысь,
К солнцу, наша бессмертная мысль!
Буря, сверкай, гроза, разразись!

1906

В тоске я шел вдоль горного кряжа,
Своей любви оплакивая долю.
Те вздохи ветер подхватил, кружа,
И, крыльями шумя, умчал в раздолье.

С тех пор свой голос где-то на краю
Я часто ночью узнаю неожиданно.
Как я, стучится ветер в дверь твою,
Но, как ко мне, глуха ты к урагану.

1906
Александрополь

На склоне гор под тяжкою землею
Я был схоронен, мертвый и забытый.
Давно-давно, безвестный и глухой,
Я там дремал, чужой рукой зарытый.
И вдруг я услышал сквозь сон
Призыв к боям свободы зычный,
И голос толп, и грозной песни звон,
И труб воинственные кличи,
И веянье распахнутых знамен,
Оружья гром, и спор копыт с землею,
И твердый шаг —
Звучал всё ближе он, —
И дрожь земли,
Лежащей надо мною.

И снова в сердце взбунтовалась кровь.
О, если б встать и в гневном нетерпенье
Взнуздать коня и биться вновь и вновь,
И вновь погибнуть на полях сраженья!

1906
Карс

465—469. ПЕСНИ ГРЕХА И ПОКАЯНИЯ

1

Золото солнца в море твоих волос,
Весна на цветущих твоих щеках,
В негаснущем взоре — улыбка звезд,
В устах твоих нежных — дыхание роз.
Два бархатных персика — грудь твоя,
А сердце трепещет, как птичка в кустах.

Всё тело волшебное у тебя,
Пленительна ты, как пурпур вина.
Дай мне опьянеть, умереть, любя,
Бессмертное счастье выпить до дна!

2

Возможно, так будет лучше, умней,
Коль страсти собою владеть я не дам,
Но лучше еще для души моей
Неудержимо отдаться страстям.

Делай что можешь, к чему влечет,
Добро и долг — это призрак и ложь.
Люби только то, что жизнь дает.
Страданья, смерть — что ты в них найдешь?

Что жизни дороже и что милей?
Был ты ничем, и ничем тебе быть.
Женщиной, песней, вином пьяней,
Чтобы мир забыть и смерть забыть.

3

Небесной любви, о душа, жаждешь ты,
Но в грешных уладах шла жизнь моя,
Хотела ты чистой, душа, красоты,
Но в омуте жизни барахтался я.

Я женщины, чуждой порока, не знал,
Любовь в сладострастных объятьях сгубил.
И всё, что святого я в сердце скрывал,
Безудержной страстью в грязи утопил.

4

Могучий орел, свой снижая полет,
И ворона ниже летит иногда,
Но ворону гордых орлиных высот,
Взлетая с низин, не достичь никогда.

Пусть я задыхался в тине людской —
В душе к идеалу осталась любовь.
Луч солнца во мгле не погаснет густой,
Я в высь воспарю, обрету ее вновь.

5

Над озером чистым скалой вознесен,
Есть остров, где дышат забвенью, покой,
Где вдаль колокольный разносится звон
Над сумрачной нашей и грешной землей.

Есть в скалах пещера на острове том,
Святылище, чтимое в давних веках,

Туда я уйду, чтобы ночью и днем
Лить слезы о сердце, погрязшем в грехах,

О камни там биться, страдать в забытьи,
Лить слезы о том, что творил я, греша.
Ведь нужен огонь мне небесной любви,
Чтоб в пламени вновь возродилась душа.

1907
Тифлис

У кого так ноет ретивое,
Что в ответ щемит и у меня?
Это волк голодный за горою
Горько воет, кровь мне леденя.

Злая тень на снеговом сугробе,
Я, как ты, устал и одинок.
Волчьё сердце, я твое подобье
В этом мире смерти и тревог.

Мы родные братья и подобье
В этом мире горя и обид.
Так проклятье ж всей земной утробе.
Вместе, братец, заскулим навзрыд.

1907
Ереван

О горный орел, о черный орел!
Ты вольно, ты гордо паришь в вышине,
А я здесь в цепях, здесь царит произвол
Законов, насильно навязанных мне.
Свободное слово, и песнь, и любовь
Поруганы теми, кто жаден и зол.
Души моей крылья — мечты мои — вновь
Уже не поднимутся, горный орел.
Так рви, так терзай меня, черный орел,
Горячее сердце достань из груди
И с ним на Масис — на звездный престол —
Подальше от жалких низин улети.
У самой вершины ты сердце зарой, —
Оно не сдавалось, живя среди зол,
Позволь ему слиться с великой горой,
О горный орел, о черный орел!

1907

У вод необъятных далекого моря
С глубокою раной в груди я лежал.
Молчали уступы прибрежных нагорий,
Клюв ястреб точил среди сумрачных скал.

И видел я: в море ладья золотая
Под ветром, чуть веющим, тихо плывет,
Крылами раскинутыми обнимая
Лазурь безмятежную дремлющих вод.

И весело песни в ладье той звучали,
В них имя мое поминалось порой;
Но чьи-то глаза опускались в печали,
И кто-то там плакал вдали надо мной.

Июль 1908
Казарпат

173. ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ

Что мне весны зеленая парча?
Померк от горя блеск моих очей.
Бреду один, всю скорбь земли влача,
Не спрашивай о горести моей.

Я угнетенного народа сын!
Идет стезей кровавой мой народ
За веком век во тьме глухих годин,
Насилья цепи ржавые грызет.

И я в плену старинных этих пут,
Поверженный, припал к земле, стена.
Прохожие, поправ меня, идут...
Нет, нет, не плачь, не утешай меня!

Святое слово матери грязнят.
Всё: родину и сердце — жизнь мою
Они терзают, повергая в ад.
Ты не поймешь, что в сердце я таю!

О горстка пепла — сырый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжет.
Я в сердце раны родины ношу.

Летать хотел бы с птицей наравне,
Любить, мечтать... но цепи нележки;

Гнетет ярмо народа плечи мне.
Нет, не понять тебе моей тоски.

Великим гневом болен навсегда,
Я сам себя сгублю тем ядом... Что ж,
Пусть я умру, исчезну без следа, —
Моей смертельной скорби не поймешь.

1908
Тифлис

Приснилось мне как-то, что мать моя бедная
На улице шумной, у пышного здания,
Стоит истомленная, жалкая, бледная,
Прося у прохожих людей подаяния.

Приснилось мне как-то, что мать моя старая —
Убогая нищенка, рванью прикрытая.
Толкает старуху толпа тротуарная
И мимо валит равнодушная, сытая.

Я слезы во сне проливал покаянные,
Я плакал, проснувшись, я мучусь в бессоннице,
Ведь матери чьи-то, голодные, рваные,
Живут между нами, и все их сторонятся.

1908
Тифлис

Дорогая, лей реки слез —
Скорби мира не излечить.
Средь бушующих бурь и гроз
Наша жизнь — огонек свечи.

Песни, слава, любовь даны,
Только чтобы конца не ждать.
Но затем мы и рождены,
Чтоб добычею смерти стать.

В беспредельном мраке вокруг нас
Жизнь как луч, что сверкнет, горяч,
Миг — и вот уж навек погас...
Дорогая, рыдай и плачь.

Рана сердца кровоточит,
Скорбь вселенной томит меня.
Дорогая, рыдай навзрыд,
Голову мне на грудь склоня.

Тем слезам, что льешь надо мной,
Уж не высохнуть, не успеть —
Дорогая, из тьмы ночной
В дверь твою постучалась смерть.

1908
Тифлис

В золотых, горячих лучах
 Отдыхает тихое море,
 Горный кряж в алмазных венцах,
 Тучки нежатся на просторе.

Закурлыкали журавли,
 И весну принесли их крики,
 Пар идет от сонной земли,
 Из расщелин смотрят гвоздики.

Лес росой пронизан насквозь,
 Где-то иволга засвистела,
 Сердце песнями занялось
 И стремглав к весне полетело.

Вот лечу я с ветром лесным,
 Вот расту я с дубом могучим,
 Увидал оленя — и с ним
 Я ношусь по чашам и кручам.

Плещет море в сердце моем,
 Во вселенной я растворяюсь,
 Низвергаюсь горным ручьем
 И с землей и с небом сливаюсь.

И хочу я весь мир обнять,
 Славлю землю, небо и воды.
 Всколыхнул мне душу опять
 Праздник вечно юной природы.

1908

Что, слава, власть и взгляд желанной,
Вы для души моей больной!
Лишь звон протяжный, караванный,
Вдаль уплывая стороной,
Скитаний жаждой неустанной
Дух околдовывает мой.

1908

178. СМЕРТЬ

Незрим, незван
Тот караван.
Он день и ночь
Бредет, бредет...
Он топчет мир
На всех тропах.
Он взроет прах
И вихрь взметнет.

Вне лет, вне стран
Бредет, бредет...

1908
Казарпат

Я увидел во сне: колыхаясь, висясь,
Проходил караван, сладко пели звонки.
По уступам горы, громоздясь и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки.

Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
Я — за нею, палимый тоской... Караван
Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И, с раздавленным сердцем, в дорожной пыли
Я лежал одинокий, отчаянья полн...
Караван уходил, и в далекой дали
Уходящие сладостно пели звонки.

1908

Безвестна, безымянна, позабыта,
Могилы есть в безжизненной степи.
Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи»?

Немой стопой столетия проходят.
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
Кем был любим он? Кто мечтал о нем?

2 августа 1909
Казарпат

Полей просторы обволоку туман...
Уйди, оставь меня ты одного,
Я изнемог, я скорбью обуян,
Я не хочу возврата твоего.

Мои мечты, алмазный хор светил,
Сошли с небес, дать радость мне спеша,
Могучим духом смерть я победил,
Бессмертна и сильна моя душа.

Я не приемлю мир, где человек
Лишь тень среди других теней-людей,
Где каждый тщетно бьется весь свой век,
Мир плотской мощи, немощи идей.

Всю землю пусть окутает туман!
Прочь, прочь, оставь меня ты одного,
Не исцелишь моих глубоких ран,
Твой стон и плач не стоят ничего.

1909
Тифлис

182

Где он, тот камень,
В каком краю,
Которым накроют
Могилу мою?

Быть может, однажды
В скитанье моем
С печальной думой
Сидел я на нем...

1909
Ереван

В далекие неведомые дали
Мечта о счастье всё зовет меня.
Но сколько я по свету ни блуждаю,
Удача всё нигде не ждет меня.

Я пересек моря, пустыни, реки, —
Где ж тот приют, что благостен и тих?
Мечта недосыгаема вовеки,
Изверился я в сказках золотых.

Душа устала. Манит сна отрада...
Подремлет пусть. Будить ее не надо.

1909

Я в этом мире лишь мечту любил,
О нежная, лилейная душа.
Гасил в себе любовной страсти пыл,
О нежная, лилейная душа.

От слез моих на всех твоих путях,
Как от росинок, вспыхнул пламень роз.
За твой удел меня снедает страх.
Тревогой жгучей сердце занялось.

С приходом ночи мирно ты усни...
Сестрица, твой порог — подушка мне.
На страже я, чтоб были век ясны
Глаза твои, сияли б мне во сне...

1909

Изгнан я
Из страны родной.
Чужие дороги
Передо мной.

Куда пойду,
Чем утешусь я,
Где будет последняя
Пристань моя?

Пути и тропинки
Снег завалил.
Чужие все,
Кого я любил.

О злая судьба,
В ночи моих бед
Неужто не вспыхнет
Лампады свет?

Остаться бездомным
Во тьме на снегу
Не пожелаю
Даже врагу.

1910
Гасан — Кале

Безвестное где-то
Есть сердце одно,
Всегда одиноко,
Печально оно.

В ночи постучится,
Войдет в тишине
И плачет незримо,
Приникнув ко мне.

1910
Тифлис

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит:

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

*13 августа 1911
Константинополь*

Ветер бьется о мой порог,
За дверьми уныло поет,
Но теперь я не одинок,
Голос милый меня зовет.
Это шум ваш, струи водяные,
Это, сын мой, твой лепет счастливый,
Изумрудные воды, родные.
Сын мой ясный, бесценный, красивый!

24 октября 1911
Константинополь

На берегу реки родной
Стоит, согнувшись, отчий дом.
А я брожу для всех чужой,
Один брожу в краю чужом.
И холоден осенний мрак,
И ветер воет надо мной.
Горит ли там у нас очаг
На берегах реки родной?

*Декабрь 1911 .
Константинополь*

Вместе ты и я,
Горько слезы льем,
И рука моя
На челе твоём.

Всем придет черед
Жертвой смерти пасть,
Всех, зияя, ждёт
Темной бездны пасть.

На груди моей
Плачешь, нищ и сир.
О судьбе твоей
Я рыдаю, мир...

1911
Тифлис

Вишневый цвет снегов белей,
Вновь ароматы трав легки,
Запел над розой соловей,
Вновь зажурчали родники.

Есть песнь своя, и не одна,
У роц, у птиц и у цветов;
Несметной силой струн весна
Звенит опять, поет без слов.

Я верю ей, хочу внимать
Весенней прелести вокруг.
Кто изумрудную звучать
Струну заставил в сердце вдруг?

1911
Базель

В пенистых гривах, стремительны, злы,
Бьются о берег скалистый валы.

Нет больше тайн для меня во вселенной,
Ныне постиг я их смысл сокровенный.

С волей природы вступаю я в бой,
Вечно борюсь с беспощадной судьбой.

Всё в этом мире лишь сновиденья,
Лишь ощущенья, лишь наважденья...

В нем — я один, а вокруг — пустота.
Счастье лишь миг, лишь пустая мечта.

Грянула буря, свирепа, грозна.
Пусть завывает, грохочет она!

1911
Принкипо

Веснами аист,
На тополь зеленый спускаясь,
Мальчика кличет, зовет с высоты:
«Давай поиграем, принес я цветы!»

Веснами аист,
На тополь зеленый спускаясь,
Юношу кличет, зовет с высоты:
«Давай летаем, принес я мечты!»

Веснами аист,
На тополь зеленый спускаясь,
Больше не кличет меня с высоты, —
Где они, юношеские мечты?

1911
Измит

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Всё в мире — призрак, ложь и суета.
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино, —
Я с радостью приму удар меча.

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

25 января 1912
Измит

Над морем нежный разлился закат,
Волна блестит и движет шелк свой алый,
И с тихой лаской тополя шумят,
А чайки дремлют на прибрежных скалах.

Слилась в объятых с морем неба высь,
Моя ладья едва скользит в тумане,
Куда — не знаю. Явь и сон слились.
Ничто не манит, нет во мне желаний.

Судьбой я брошен в чуждые края,
Родимый берег скрылся; чуть синя. . .
По воле волн плывет моя ладья.
Я так устал. . . Уснуть бы поскорее. . .

16 апреля 1912
Принкипо

Мотыльки ли это или небо в звездах?
Мраморное море, свет мечты моей,
Лунное сиянье, захмелевший воздух
И волшебный шепот темных тополей.

Жгут воспоминанья сердце поминутно,
Счастье обернулось мрачною тоской,
И душа подобна птице бесприютной
Над необозримой бездною морской.

Золотые песни, что когда-то пелись,
О лучистом счастье больше не пою. . .
Листьев тополиных колыбельный шелест,
Раненую душу усыпи мою.

*16 июля 1912
Константинополь*

Где я, покинув дом родной,
Найду последний свой покой —
В пустыне ль мертвой и сухой,
В пучине ли морской?

Покроет ли ветер полей родных
Мой прах родимой землей
И бросит ли горсточку слез твоих
На холм могильный мой?

8 августа 1912
Вена

Счастье мое не догнать,
Скрылось закатным лучом,
Только надежда, как мать,
В сердце осталась моем.

Вы мне скажите, поля,
Доли в сиянье лучей,
Где укрывает земля
Ближних моих и друзей?

Где вы, бесценные дни
Радости, смеха, огня?
Грозные стрелы свои
Смерть направляет в меня.

Ветры осенние мчат
Вас, как иссохший листок,
Но принесет вас назад
Звонкий весенний поток.

1912
Цюрих

Старый друг, родник,
Прежде каждый миг
В твой живой кристалл
Песни я вплетал.

А теперь устал,
Молчаливым стал...
Твой же легкий звон
Мчится в даль времен.

31 мая 1913
Коллонж

Ветер. В осеннюю тьму
Листья по одному
Падают, как слезинки,
Лежат на лесной тропинке.

И зла, и пуста
Ветров суета,
Ужасен их вой
На дороге ночной.

Душа смущена,
Не знает она:
Смерть ли жизни черней,
Жизнь ли смерти страшней.

Лишь прошлое — быль.
Желтая пыль
Ушедшего дня
Покрывает меня.

6 августа 1913
Коллонж

Снег падает печально и неспешно,
По сжатым нивам стелет свой покров.
Ты полюби меня, приникни нежно, —
За этот миг я умереть готов.

Сойдя в могилу, сохраню навек
В своей душе твое святое имя.
Пусть падает печально, тихо снег
На холм далекий хлопьями седыми.

1913
Женева

Каждой весной, в пору ярких цветов,
Мать ждала отважного сына.
Увядают цветы, только минет весна —
Мать всё ждет отважного сына.

Под камнем каким и кто знает где
Сын забылся могильным сном?
Благоуханно дышат цветы
И вянут над безымянным холмом.

1914

Я в тени ветвей
В думы погружен,
Всё нежней, грустней
Дальней скрипки стон.

О судьбе моей,
В темноте, одна,
Матери нежней
Сетует она.

Чей-то занесен
Надо мной удар,
Разрушает он
Мир волшебных чар.

Я в тени ветвей
В думы погружен.
Всё нежней, грустней
Дальней скрипки стон.

*Май 1914
Берлин*

Рано поутру
По лугам вдвоем
С мальчиком моим
Мы гулять идем.

Рвет цветы дитя,
Напевает им —
Как, бывало, я
Пел цветам другим.

Тяжек миг один,
А года легки;
Пронеслись они —
Ныне далеки.

Мнится мне, что мир —
Только смутный сон:
Я — минувший день,
Настоящий — он.

А грядущий день,
Словно взор немой,
На меня глядит
Безысходной тьмой.

*Июнь 1914
Берлин*

Ночь, ветер,
В каморке темно,
Забивается пыль
В окно.

Больной, одинокий
Лежу, стена.
Подушка моя
Горячей огня.

То ли дождь
Шумит проливной,
То ли рыдает
Мать надо мной.

Дрожащие руки
Неведомо чьи
Землей засыпают
Глаза мои.

17 декабря 1915
Берн

206. СОН

Любимый сын покинул край родной,
Тянулась долго цепь унылых дней.
Мать трепетно ждала его домой,
И он пришел, он снова вместе с ней!

Друг друга целовали без конца,
В глаза глядели, плача и смеясь,
Взгрустнули, вспоминая про отца,
И всю тоску излили не таясь.

Очаг родимый запылал опять,
Всё радостью безбрежной озарив...
Так за полночь сидели сын и мать,
В объятьях всё на свете позабыв.

Очнулась мать. Пустой, холодный дом
Да вьюги свист в рассветной полутьме...
Так это было только светлым сном,
А сын, бесценный сын — вдали, в тюрьме!

*4 января 1916
Женева*

Идут года, за днем уходит день,
Всё сущее умрет, уйдет в туман,
И прожитые дни уходят в тень —
Бредущий в тьму и вечность караван.

А в сказках золотых моей весны
Жил ясный мир, и верил я мечте.
Угасли эти радостные сны
В ничтожестве и вечной пустоте.

И солнце здесь, в душе, — лишь жалкий прах.
В слезах клянусь я жизнь, сам прах земли,
С разбитым сердцем ухожу впотьмах
Исчезнуть в вечности, в ее пыли.

16 июля 1916
Женева

Над речкой склонилась
Печальная ива,
На быстрые воды
Глядит молчаливо. . .

Что вечно в природе?
Всё тленно, всё бrenно.
И всё, что приходит, —
Уходит бесследно.

И тяжело вздыхает
Печальная ива.
А воды бегут,
Убегают игриво. . .

25 сентября 1916
Розон

209 — 212

*Памяти племянника моего
Исаака Исаакяна*

1

На иве под моим окном
Угрюмо ворон застонал,
Клюв черным осенив крылом.
Он в этом стоне, полном мук,
Твои последние слова
Мне не принес ли, бедный друг?

С тоскою вслушиваюсь я,
И мается душа моя.

2

Покуда ты жил,
Всегда ты вдали
От меня бродил
По ширям земли.

Но вот порвалась
Твоей жизни нить,
И со мной ты — нас
Нельзя разлучить.

Бесконечный дождь
 Мне душу гнетет;
 Льет унылый дождь
 Весь день напролет.

Осенней порой
 В могиле твоей
 Так сыро, родной,
 Так холодно в ней!

Сердце раной ты
 Жжешь мне день и ночь:
 Мне твои черты
 Позабыть невмочь.

Свою жизнь влачу
 Во мгле без тебя...
 Рыдая, шепчу
 Твое имя я.

Мне от тоски был свет не мил,
 Тебя я дольше ждать не мог, —
 И вот ты вдруг переступил
 Тут, на чужбине, мой порог.

Улыбкой светлой, как заря,
 Твой юношеский взор сверкал,
 И, бурной радостью горя,
 В мои объятия ты упал.

Как вырос ты, как стал твой стан
 Красив, и строен, и могуч!
 Унынья моего туман
 Пробил весенний солнца луч.

Ты на лихом предстал коне,
 Оружьем золстым звеня...

Здесь так тоскливо было мне, —
Мой друг, останься у меня.

Неправда, что покрыт твой прах
Пушистой снежной пеленой, —
Твоя рука в моих руках,
Отважный юный мой герой.

Кружочек раны, как звезда,
На лбу твоём... Дай мне её
Поцеловать — она тогда
Вмиг заживет, дитя мое.

1916
Женева

213. ДВЕ ПТИЦЫ

Порой удивительной, солнечной, вешней
Чирикали птицы на ветке черешни:
«Летела ты с матерью в синие дали,
И сердце мое безвозвратно умчали
Проворные крылья твои молодые».

Она же: «С тобой я встречаюсь впервые,
Но, кажется, голос твой слышала где-то...»
А он: «Это сердце мое до рассвета,
Тоскуя, поет о любви без ответа».
Она засмушалась и стала поспешней
На ветке клевать золотые черешни.

Он вновь: «Я любовью горячей томим,
Припасть мне хотелось бы к ножкам твоим...
Быть может, мы в сказочный край улетим?
Не встретится там человек бессердечный,
Там коршунов нет и весна бесконечна,
Ручьи там прозрачны, леса зелены, —
Гнездо мы сошьем в этом царстве весны».
И он уже рядом, — она же опять
Черешню пытается клювом поймать,
Но взор загорелся, сперва еле-еле,
Потом щебетанье и нежные трели,
И вдруг — улетели, вдвоем улетели...

1917

Умерли дня золотые огни,
Ущелья и горы исчезли в тени
Под крылом темноты.

Дороги, мосты,
Улицы, и перепутья, и тропы
Пропали, стопою ночи растоптаны.

Но даже в застывшей ночной тишине
Вздохи тоски прилетают ко мне
Издалека.

Отчизна моя,
Невинная жертва, край доброты,
Высоких мыслей, беды и мечты,

Это длится твой разговор большой
С моею измученною душой.

1917
Женева

Я всякий раз, когда смотрю,
 Как мой ребенок льнет
 К земле, и к камню, и к воде,
 Играя без забот, —

Всем сердцем твердо говорю:
 О мудрость детских лет!
 Что разум! Только суета
 Весь блеск его побед!

Героев слава, деньги, честь —
 Всё это звук пустой:
 Ведь счастье только в детстве есть,
 Сияющем мечтой.

Ах, если б стать ребенком вновь,
 Чтоб солнце детских дней
 Чудесным золотом зажглось
 Над головой моей!

И вновь резвиться, вновь играть
 Среди цветов и трав.
 Вся слава гениев бедней
 Младенческих забав.

Ручонки милые в грязи
 Мне дай поцеловать.
 Ты — радость, счастье и любовь,
 Ты — жизни благодать!

1917
Женева

Маленькая девочка — она,
Как голубка робкая, мила.
Я ее встречаю каждый день, —
Девочка с ума меня свела.

Кто она и где живет — не знаю,
И куда она идет — не знаю,
Но всегда, когда ее встречаю,
Вслед иду, куда б она ни шла.

1917
Женева

Мне сказали: «Давно умерла твоя мать,
Умерла твоя мать, сердце жизни твоей».
Мне сказали, что больше не встречусь с тобой,
Что покрыла тебя беспредельная мгла,
Что лицо твое кроткое — прах гробовой...
Нет тебя, той, что самую доброй была.

Но, я знаю, меня не покинула ты,
Где-то рядом со мною всегда ты стоишь —
От зари до зари, до ночной темноты.
Каждый миг сострадаю, печалюсь, любя,
В вечном страхе, в тоске, не жалея себя,
Смотришь, сына всем сердцем храня,
На меня устремляешь свой взор, не дыша,
Всё глядишь на меня, всё глядишь на меня,
Мать родимая, свет мой, душа...

1918
Люцерн

218. ЗАВЕЩАНИЕ

Я ухожу, мой мальчик дорогой.
А ты приходишь в мир. Счастливый путь!
Сошлюсь тебе на долгий опыт мой,
И этой правды ты не позабудь.

Жизнь — это тень от облака, мой сын,
А всё реальное — лишь миг один.
Хоть воля — верный молот для судьбы,
Но в жизни случай всё же властелин.

Но побеждает всё же чувство, знай,
А разум только преданный слуга.
И разума ты, милый, не теряй,
Он — щит стальной от всякого врага.

Не верь всегда обманчивым мечтам
И опирайся только на себя,
Встречая ненависть людей, ты сам
Лишь доброе для них твори, любя.

В счастливый день все близкие с тобой,
Как и друзья, достойные любви,
А в трудный день — таков уж род людской —
Ты даже не ищи их, не зови.

Всё в этой жизни, может быть, игра,
И, если проиграешь ты порой,

Не жалуйся — придет твоя пора
И сам ты посмеешься над судьбой.

Бесстрашно, гордо свой корабль веди
В безвестное, отважный мореход,
Без колебания вперед иди —
И будь что будет, что судьба пошлет!

Когда умру, меня ты схорони
В безвестном уголке родной земли,
Чтоб люди не узнали, чтоб они
Украсть могильный камень не могли.

*1918
Женева*

Пускай от родины вдали
Мне умереть дано,
В объятия матери-земли
Вернусь я всё равно.

Уснуть бы в тихом поле мне,
Под яблоней весной —
Пусть белым цветом в тишине
Качнется надо мной.

Чтоб летом девушки пришли —
Их песни так сладки, —
Румяных яблок натрясли
В подолы и в платки.

Дни осени, печальны вы,
Как сны любви моей.
Пусть ворох вянущей листвы
Осыплется с ветвей.

Потом молчальница зима,
Свершая свой полет,
Слезами снежными сама
Могилу занесет.

*25 мая 1919
Женева*

Был бы я ветерком,
Я у лучшей из роз —
Овевал бы тайком
Шелк душистых волос.

Был бы ланью лесной,
Ты — ключом ледяным —
Утолил бы я пыл
Поцелуем твоим.

Был бы я мотыльком,
Ты же светом, огнем —
Ах, спалила б меня
Ты в объятье своем!

9 июня 1919
Женева

Когда ты тесней
Приникнешь ко мне —
Я снова в моей
Родной стороне.

Твой смех молодой
Так чист и летуч,
Как там, под скалой,
Чуть плещущий ключ.

Твой шепот нежней,
Чем легкий листок,
Чем наших полей
Ночной ветерок.

Волос ты моих
Коснешься шутя —
И в грезах живых
Я снова — дитя.

23 июня 1919
Женева

Жемчуга на шее твоей, —
Их нежней и печальнее нет.
Жемчуга на шее твоей
Излучают неяркий свет.

Это слезы моей любви,
Ты их все нанизала в ряд,
Безнадежные слезы мои
Жемчугами на шее горят.

*23 ноября 1919
Женева*

Я часто захожу к тебе домой,
Обманчив вид невозмутимый мой.
Подолгу мы, как принято в гостях,
Беседуем о разных мелочах.

Вскользь о любви порою говорим...
Кажусь я безразличным и сухим.
Всё от тебя глаза я отвожу,
Хоть втайне за тобой всегда слежу.

И всё ж мне пламя страсти не унять.
Стремлюсь к тебе, хочу тебя обнять.
Как удержать мне бурных чувств порыв,
Не вспыхнуть вдруг, себя разоблачив?

Ноябрь 1919

224. ПЕРВЫЕ СЛЕЗЫ

Целует солнце землю весной,
Весь мир в изумрудный наряд одет,
Синие очи фиалки лесной
С улыбкою детской глядят на свет.

Подул ветерок и ей на ушко
Пошептал о чем-то — и улетел.
Цветной мотылек упорхнул легко —
Остаться с нею не захотел.

Фиалка по ним вздохнула, склонясь,
Но след их пропал — зови не зови. . .
Скатились с доверчивых синих глаз
Первые слезы первой любви.

1919

Вокруг и тишина, и мгла,
Мир словно отступил,
Вся жизнь куда-то отошла
И замерла без сил.

Но, приближаясь всё нежней,
Какой-то звук возник.
Не мать ли о судьбе моей
Вздохнула в этот миг,
В молитве помянув меня?
А может быть, меня тогда
Случайно назвала
Та, что в далекие года
Любимою была.

1919

С утратой того, что любимо,
Я в жизни не мог примириться.
Что властвует необходимость,
Я в жизни не мог примириться.
И мысль моя тщетно пыталась
Смирить непослушное сердце.
С действительностью преходящей
Я в жизни не мог примириться.

1921

Ресницы опустили тень
На бархат нежных щек,
В их сладостной тени весь день
Я грежу, одинок.

Подобно птицам золотым,
Твои ручонки вьют
Мечтам задумчивым моим
Для радости приют.

Ты — чистый аромат вина,
Дыхание садов.
Мне радостна твоя весна,
Я мир обнять готов.

1922
Венеция

Бесконечностью песен весна зацвела,
И предела для солнечной радости нет:
Будто век на поля не спускалася мгла,
Будто лес не бывал цветом смерти одет.

Разметавшись, спокойное море легло,
Глаз широко раскрытых сияет лазурь:
Будто в бездну суда не оно унесло,
Не оно бушевало свирепостью бурь.

Дети с песнями радостно пляшут, кружась,
И весеннюю зеленью дышат поля:
Будто кровь на земле никогда не лилась,
Будто слез и вражды не знавала земля.

1922
Венеция

229. В ПОМПЕЕ

Как и моя душа, безрадостна, мрачна,
В тьме мироздания, в котором нет границы,
Весь этот ком земли, несчастная страна,
Без цели, без пристанища стремится.
Куда слепую птицею она
Летит в провалы тьмы, где нет и дна?

Сосуд для крови, ужаса долина,
Где жизнь питает жизнь в глухой борьбе,
Мне ненавистна тайн твоих пучина.
Но умереть придется и тебе,
Как сон, что чуть родился и погас.
Корабль преступный, гибни хоть сейчас!

Жестокий, тайный умысел творца,
Ты создаешь, чтобы смести скорее
И Млечный Путь, и темень без конца,
Но я, песчинка, все-таки сильнее.

Я — сердце чуткое, я — духа взлет,
А ты — лишь тьма бессмысленной стихии,
Но месть свою — невыносимый гнет —
На плечи ты мои кладешь земные. . .

1922
Помпея

Все говорят, забыла ты,
Меня совсем забыла ты...
И если скажут обо мне,
Припомнишь смутно, как во сне.

Но та же ива что ни год
Во дворике твоём цветет.
Я обнимал в былые дни
Тебя в густой её тени.

Но не угас и не остыл
Меня испепелявший пыл.
Лишь назовут тебя — и вновь
Жжет сердце прежняя любовь.

Все говорят, забыла ты,
Меня совсем забыла ты...
И если скажут обо мне,
Припомнишь смутно, как во сне.

1923
Венеция

Я бы хотел, суровый,
Измученный пилигрим,
Когда предстану снова
Перед порогом твоим,
Увидеть твой образ прежний,
Что в сердце моем храним.

Чтоб в юном расцвете раннем
Прелесть твоей чистоты
Казалась любви обещаньем,
Чтоб свет излучали черты,
Чтоб голосом и улыбкой
Куда-то манила ты.

Чтоб мир был с тобой неразделен —
Роса, ароматы, зелень —
И мои золотые мечты. . .

*22 октября 1925
Венеция*

Народы шли к твоим, о море, берегам
И песни жалкие несли к твоим валам.

Но все они теперь умолкли навсегда,
Они, легендой став, исчезли без следа.

А ты, бесстрастное, шумишь и катишь гром
На древнем языке в просторе вековом.

Другие племена, здесь песни спев свои,
Исчезнут в свой черед в немом небытии.

Исчезнут без могил, без камней гробовых,
А память ничего не сохранит о них.

Всё так же будешь ты катить ряды валов
И петь свой грозный гимн бессчетный ряд веков.

Но всё ж твой час придет, о море, и тогда,
Как племена земли, ты смолкнешь навсегда.

*23 октября 1925
Венеция*

233. К РОДИНЕ

Из наших древних дымоходов
Клубится добрый дым,
Перед тобою — путь свободы,
Твой дух непобедим.

Летишь, как быстрый конь крылатый,
К созвездьям новых дней,
Храпя и мужество, и веру
Былых суровых дней.

Преградам и угрозам вражьи
Не удержать тебя.
И песню новую о мире
Поешь ты, жизнь любя.

Земля отцов, ты стала новой.
О мой народ, мой хлеб!
Отчизна — солнечная птица,
Твой дух в борьбе окреп.

*25 апреля 1926
Венеция*

234. МОЕЙ РОДИНЕ

Отчизна, к склону твоему
Весенней розой льну,
К родному лону твоему
Пшеничной нивой льну.

Я слышу твой любовный зов,
Цветистый твой язык;
Твой древний образ — светел, нов —
Передо мной возник.

Сверкает день грядущий твой,
Лучами осиян.
Обрел величье ты, родной,
Бессмертный Айастан.

*26 апреля 1926
Венеция*

235. В РАВЕННЕ

На глухой вершине Арарата
На мгновенье век остановился —
И ушел...

Острый меч сверкающей зарницы
Об алмазы яркие разбился —
И ушел...

Взор гонимых смертью поколений
Соскользнул по гребню исполина —
И ушел...

Наступил черед твой на мгновенье,
Чтоб и ты взглянул на ту вершину —
И ушел...

*9 июня 1926
Венеция*

236. АНИ

Здесь родина предков моих,
И плоть здесь с душою слита,
А в этих камнях вековых
Цветет воплощенной мечта.

Ани, ты не прах и не клад,
Ты — дух и ты — целый народ.
Здесь всё, что встречает мой взгляд,
И тайну, и смысл бережет.

Твой жребий теперь и в былом,
В одной из колонн узнаю,
Что в гордом величье своем
Смерть стоя встречает свою.

Я в шлеме, с колчаном, с копьем
На башне высокой твоей
Стою перед грозным вождем
Средь знатных и бедных людей.

Здесь варвары в страшные дни
Набегов, беды и разрух
Сломить бы хотели, Ани,
Крылатый твой, творческий дух.

Бесчисленных орд ураган
Веками в наш рвался предел,

Враг с воем раскидывал стан
В полях, где твой колос созрел.

Гремит боевая труба,
Льем кровь мы за землю свою.
В веках суждена нам судьба:
Лишь стоя погибнуть в бою.

Ани, вековечный твой враг
Не раз прорывался в наш дом,
Но древних обетов очаг
Горит негасимым огнем.

Ты знамя, ты славы алтарь.
У этой колонны живой
Я жду и сегодня, как встарь,
Призыва трубы боевой.

1926
Венеция

За что, за что ко мне ты зла,
И, словно утоляя месть,
Ты возвратила мой портрет,
Записки, письма — всё как есть.

И резко требуешь вернуть
Записки, письма и портрет.
Покорный прихотям твоим,
Не возражу тебе в ответ.

Но поцелуй — тайный жар,
Тебе и мне сжигавший грудь?
Ты их не можешь, не вольна
Ни взять обратно, ни вернуть.

Как я, ты будешь изнывать,
Испепеленная огнем,
Что не дает мне позабыть
О счастье горестном моем.

*1926
Венеция*

238. РОДНОЙ ДЫМ

Я в детстве вновь, я словно бы воскрес, —
Заманчиво для глаз моих ребячьих
Из вечности сверканье звезд горячих,
И снова мир стал чудом из чудес.

Веселой речки смех и перезвон, —
Друзьями с нею были мы когда-то,
И в зеркале ее зеленоватом
Я, как цветок весенний, отражен.

Безоблачен вечерний небосвод,
Запели птицы; ласковый, нестрогий,
По-прежнему знакомой мне дорогой
Отец куда-то медленно бредет.

Меня домой зовет, как прежде, мать, —
Ее любовь, которой нет предела,
Опять меня так ласково согрела,
Как только солнце может согреть.

У очага я вижу всю семью,
И ладану подобен запах дыма.
Волшебный сон мечтой неуловимой
Окутал душу детскую мою.

Мне этот дым дороже жизни всей,
И в нашем мире, мрачном, нелюбимом,

Я дорожу лишь этим нежным дымом,
Он лучше всех сокровищ, всех страстей.

Пока он не растаял, не исчез,
Дышать бы им, в свое вернуться детство,
На лица отошедших наглядеться,
Чтоб мир опять стал чудом из чудес.

1926
Ереван

Моей мечты последняя волна
Нахлынула к исходу дней последних,
В ладонях чаша пенная полна
Вином услад моих последних.

В струистой мгле твоих волос
Запутался мой путь последний,
С краями сердце налилось
Отчаяньем любви последней.

Ты видишь, кровью плачу я,
Склоняясь в трепете последнем.
Неутолима боль моя,
Ударом я сражен последним.

18 апреля 1927
Ереван

Черный пламень глаз твоих
Душу опаляет мне,
Черный меч волос твоих
Сердце рассекает мне.

Скорбь, как страсть, терзая грудь,
Страсть, как скорбь, перед тобой
Устилают мрачный путь —
Путь коварный, злой.

Это путь кровавый твой,
И идешь ты им —
К другим,
К другим...

1927

Лужайку вольной кроной осень,
Играет весело в лесной глуши
Тот гордый дуб, что гробом станет мне.

И смерть так близко, близко от меня,
Что слухом настороженным души
Я шорох листьев слышу в тишине.

28 мая 1928
Ереван

Заката ширь золотая, —
Среди цветущих полей
Молча один блуждаю,
И тихо в душе моей.

Песню, звенящую где-то,
Слушаю, сердцем смутясь, —
Не мной ли когда-то спетая
Снова ко мне донеслась?

Девушки, парни с цветами
Весело мимо прошли, —
Наша весна, наше пламя
Нынче их песню зажгли.

Откликнулись сердца струны, —
Я эту же песню пел,
Когда-то такой же юный,
Так же горяч и смел.

Песне знакомой внемлю,
Минувшее не мертво, —
Я вижу покинувших землю,
Ушедших из мира сего.

Угрюмый и нелюдимый,
Ночью в пустых полях
С призраками родными,
Тоскуя, брожу впотьмах.

1928
Ереван

«Что плачешь ты, бесценный друг? —
У друга я спросил. —
Коль ты рыдаешь обо мне —
Уже утешен я;
Коль о себе — устроим пир,
Рассеем скорбь твою.
О человеке плачешь ты?
О страждущей земле?
Так сядем вместе слезы лить
О вечном горе всех».

1928

Резвятся мальчик с девочкой
В раздолье луговом;
И в школу мальчик с девочкой
Торопятся вдвоем.

Под деревом встречались
Два сердца вновь и вновь —
Мечтали и печалились,
И к ним пришла любовь.

Бок о бок два надгробия,
И тень от тополей. . .
Резвятся мальчик с девочкой
В раздолии полей.

*9 января 1929
Ереван*

245. РОДИНЕ

На берегу волнующихся нив
Один стою, в раздумии застыв.

Ты ль это, гордая моя страна,
Была затоплена потоком орд,
И ливням стрел несметных предана,
И тысячами копий пронзена?
На каменном пути народных рек
Лежала ты, томясь за веком век,
Растоптана копытами коней.
И налетали коршуны как шквал,
Точили клювы об уступы скал,
Чтобы терзать тебя!

И много дней

И лет без счета протекло, — и вот
Теперь мой край ликует и цветет.
И мирно вновь над домом вьется дым,
Где сладко мать баюкала меня,
Сознание пробуждая, полоня
Мой дух могучим языком родным.
Пусть молодая рать твоих сынов
Твой будет древний чернозем пахать
И пусть гусаны будут воспевать
Расцвет твоих полей, страна отцов!
Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях, — древен и велик,
Сердечный, вечно юный твой язык!

*Июнь 1929
Ленинакан*

246. ДЕТСТВО

Солнце сияло нам с вышины,
К реке говорливой склонялись лозы,
Вокруг пламенел алый смех весны:
Алые маки, алые розы... .

Над нами жаворонки кружили,
Воздух струился, трепета полный,
Вокруг весны зеленые крылья:
Зеленые ветры, зеленые волны... .

Ребятчи крики неслись далече
По луговинам, росой окропленным.
Мы ликовали в мерцающей речке,
Насквозь пронизанной солнечным звоном.

*1930
Париж*

Весь этот беспредельный мир
С тяжелым грузом бытия
Висит на волоске одном:
Тот волосок — душа моя.

1932
Париж

Природе задал я вопрос:
«Чем стану я, покинув свет?»
— «Да тем же самым, чем ты был
И до рожденья», — был ответ.

1932

Разум трепещет, ликуют мечты,
В роще гуляешь с возлюбленной ты.

И, бесконечно ее полюбя,
Чувствуешь вечным, бессмертным себя.

А недалеко из чьих-то ворот
Следом за гробом выходит народ.

Женщины в черном рыдают, скорбя...
Так же, дай срок, понесут и тебя.

В роще же новых влюбленных четы
Будут встречаться, бессмертны... как ты.

*Январь — февраль 1933
Париж*

Когда-то в детстве с ребятами
За селом, в цветущих полях,
На деревянных конях
Уносились беспечно мы
В далекие сказочные миры
И бродили там
По всяким волшебным местам.
Взрослым став, полюбил я
Корабли, поезда...
Не раз уезжал бог знает куда,
Видел разные страны далекие —
Прелестные уголки, прекрасные города...
Но, увы, никогда
Не мог побывать в тех волшебных краях,
Где мы в детстве скакали на деревянных конях.

1935

Я был бы счастлив не родиться,
Не слышать
Гулких песен пастухов
И материнских слов святых не слышать.
Не знать лица прекрасного любимой.
И этого загадочного мира
Не знать. . .
Я был бы счастлив не родиться —
Не слышать, не видеть,
Не умереть.

1935

252. НАШИ ИСТОРИКИ И НАШИ ГУСАНЫ

*К тысячелетию народного эпоса
«Давид Сасунский»*

1

В уединенье темных келий, в глухих стенах
монастырей,
Историки, от скорби сгорбясь, перед лампадою своей,
Без сна, ночами, запивая заплесневелый хлеб водой,
Записывали ход событий на свиток желтый и сухой:
Нашествие орды кровавой, несчастья гибельной войны,
Врагов жестокую расправу, крушение родной страны.
Оплакивали Айастана жестокосердную судьбу
И уповали неустанно, что бог услышит их мольбу:

2

А в сельских хижинах убогих, у очага, перед огнем,
Гусаны наши пели песни и запивали их вином;
И в песнях славили победы и пели гимн богатырям,
Врагам предсказывая беды, и поражение, и срам.
В сказаньях этих величавых обрел бессмертие народ.
Они нам завещали славу передавать из рода в род,
Они для счастья нашей жизни сумели вольный дух
сберечь,
Учили охранять отчизну, держа молниеносный меч.

*3 августа 1939
Цахкадзор*

Гулял я, был день осенний погож,
И увидел трех молодых парней,
Проходя по окраине городской:
У речки, журчащей меж гладких камней,
Они двадцать ягнят пригнали с собой.
Простился ягненок один с головой,
Обливаясь кровью, бился другой.
А парень — ничем его не проймешь! —
Третьего резал, к земле прижав,
И трубку при этом спокойно курил,
А ягнята смотрели — и взор их застыл —
На несчастного брата, на острый нож,
И жалко дрожали всем телом они —
Особенно тонкие ноги их
Трясла, трясла ужасная дрожь. . .

18 сентября 1939

254. НОВОГОДНЕЕ УТРО

Едва в новогодний день
Проснулся я в ранний час —
Заветные вспомнил дни,
Припомнил, родные, вас.

Услышал мельничный шум,
Увидел наш сельский дом. . .
О запах хлеба в печи,
Как сладок он, как знаком!

Отец вернулся домой,
Подарки семье привез,
Сестренке моей и мне
Обновок цветных привез.

И, за руки взяв отца
И радостно лепеча,
Вприпрыжку мы шли гулять
Туда, где пел Арпачай.

Ах, вспомнил я грустный день —
Печальней мне не знать —
Я в край чужой уезжал,
Навек покидая мать.

Прижавши меня к груди,
Рыдала она в тоске.

О сердца шемаящий плач,
Слеза на моей щеке! . .

Понуро шагал мой конь,
Раздумью всадника в лад.
Далеко меня он вез .
От милых душе услад.

Вот мельницы сладкий шум,
Всё тише. . . за шагом шаг. . .
А матери скорбный плач
Звенит и звенит в ушах.

Увы, в новогодний день,
Очнувшись от забытья,
Я вспомнил, родные, вас,
И тихо заплакал я.

1 января 1940
Ереван

255. ПРИВЕТ ВСЕМ

Был апрель. Весна цвела.
Шел я в поле грусть прогнать,
И природа обняла
Средь полей меня, как мать.

Многоцветно, как огонь,
Утро зрело в тишине,
Как золотогривый конь,
Солнце ржало в вышине.

Птичий хор звенел, свистал,
Пели травы, лепестки,
Чтобы я веселым стал,
Чтобы я не знал тоски.

Как потешны и легки
Быстрые прыжки козлят!
Как пушисты и мягки
Шубки светлые ягнят!

А цветы! А мотыльки!
Запахи и ветерки!
Ласточки и шум реки!
Пенистые родники!

И, откуда ни возьмись,
Кто-то начал мне шептать,

Говорит: «Остановись,
Чтобы этот мир обнять.

Низко поклонись ручьям,
Ланям, птицам и кустам,
И деревьям, и стадам,
И высоким облакам.

Это всё родня твоя —
Братья верные твои,
Это кровная родня —
Сестры нежные твои.

Вон утес над пеной струй,
Мхом покрыт, суров, горбат.
Но его ты поцелуй,
Он твой добрый старший брат».

Весна 1940

Безмятежная ночь! Один я сижу
На вершине скалы. Кругом — тишина.
Я на спящее море молча гляжу.

Даже время прервало вечный полет,
Тишина без границ, молчанье растет.
Вся вселенная тишью сонной полна.

О мгновенье! Как ты блаженно молчишь!
Беспредельная и безмерная тишь!

И невольно я слушаю душу свою
И себя понимаю, себя познаю!

Август 1940
Севан — Ереван

Проснулся ребенок
И горько заплакал, —
Всё, чего сердцу хотелось,
Получил он во сне,
Проснувшись, всё потерял,
Привстал,
Потянулся в слезах ко мне.
Не плачь, дружок, погоди —
Прекрасной юности сон
У тебя еще впереди,
Долог будет и ярок он!
А как же, мой мальчик, мне,
Когда я утратил всё
Безвозвратно
И на этой земле,
В тюрьме угасающих дней,
Нет уже светлых снов.

1940

258. БИНГЕЛ

Раскрыла весна зеленые двери дня
И, точно струна, запела в ручьях Бингёла.
Один за другим верблюды прошли, звеня,
И яр поднялась на пышный яйлаг Бингёла.

Любви лезвие мне в сердце впилося — тоскую
По стану ее, по морю волос — тоскую,
По сладким речам — ах, сердце зажглось! — тоскую,
По лани, что там, на влажных лугах Бингёла.

Прохладны ключи, но губ не раскрыть спаленных,
Цветы — как лучи, но глаз не раскрыть бессонных,
Нет, яр не ищи — на склонах она зеленых,
Поют соловьи напрасно в горах Бингёла.

Я сбился с пути, ищу твой порог напрасно,
Всё чуждо вокруг, брожу без дорог напрасно.
Я, странник, в ночи устал и продрог напрасно.
Скажи мне, сестра, где путь на яйлаг Бингёла?

19 января 1941
Ересан

259. БОЕВОЙ КЛИЧ

Ночь. Тучами окутанная ночь.
Как бешеную бурю превозмочь?
Гремучий шквал из вражеской страны
Рокошет на просторах наших нив.
Встают в ответ моря, возмущены,
Исполнен гнева бурных рек разлив.

Э-эй, Масис, заоблачная высь!
Э-эй, земля родимая, держись!
Готовы ль молнии? Готов ли меч,
Чтоб ненавистных гибели обречь?
Все ль вы на страже, родины сыны?
Мы взяться за оружие должны —
Затихнет ветер, и заснет вода,
Но злобный враг не дремлет никогда.

Вы слышите тяжелый лязг цепей?
Тиран оковы тяжкие несет
В наш край лесов, нагорий и степей,
Он хочет обесчестить наш народ.
Вступайте в перекличку меж собой!
Все ль на ногах и все ль готовы в бой?
Да опояшет каждый стан броня,
Да опояшет воля гордый дух,
Да опояшет поясом огня
Великий гнев наш дружественный круг!

Шуми, шуми зеленой кроной, дуб!
Гремите бурей, зовы вещих труб!

Срывайся, ржанье, с жарких конских губ!
На бранный подвиг, братья, на борьбу!
Решаем сами мы свою судьбу.
За облака взлетай, победный стяг,
К бессмертью, побеждающему смерти!
Да будет уничтожен дерзкий враг,
Да будет усмирен свирепый смерч!
От наших виноградников и рощ
Гоните злоумышленников прочь!
Да будет вечной в солнечном краю
Давилен, житниц мирных тишина!
Свою отчизну отстоим в бою.
Э-эй, к победе, вольная страна!

26 июня 1941
Ессентуки

260—261. ПЕСНЯ ПТИЦ

1

Птички певчие наши,
В сиянье рассвета
Чистых сердец порывы
Вами звонко воспеты.

Ваши добрые зовы —
Эти нежные трели —
Мою скорбную душу
Исцелили, согрели.

Пусть, родные певуньи,
Вас беда не коснется,
Пусть иссохнет рука,
Что на вас замахнется.

*5—6 июля 1941
Ессентуки*

2

Однажды девочка, резвясь,
Играла средь полей,
А мотылек, зарей светясь,
Кружился перед ней.

Она хотела мотылька
Красивого поймать,
Но тщетно тянется рука,
Никак его не взять.

Тот мотылек неуловим,
Веселый, золотой. . .
И вот она, гонясь за ним,
Вбежала в лес густой.

Он закружился меж ветвей
И улетает прочь. . .
Она устала, а над ней
Уже темнеет ночь.

Забралась девочка в дупло,
Ей захотелось спать.
В лесу и утром не светло —
Дороги не видать.

Три дня она в лесу жила,
Ей ягоды — обед,
И так тепло на дне дупла,
Лишь тропки к дому — нет!

Но девочку пошли искать
Соседи и отец.
Счастливым день! Она опять
Среди родных сердец.

Мать, плача, целовала дочь,
Лелеяла ее:
«Скажи, тебя пугала ль ночь,
Сокровище мое?»

И дочка отвечает ей:
«Нет, ночь там не страшна.
Мне пели птицы меж ветвей,
Была я не одна».

*11 июля 1941
Ессентуки*

262. ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ С. Г. ЗАГИЯНА

С героями-друзьями ты, как пламя,
Как молния, врагов испепелял.
Великой правды нес высоко знамя
И смертью храбрых в жаркой битве пал.

В твоём краю свободном, беспечальном,
Что наделил отвагою бойца,
Склонились все в молчании прощальном,
И горе переполнило сердца.

Твое чело победа увенчала,
И в летописях славы ты живешь,
И тем, кого унынье посещало,
И гордость ты, и мужество даешь.

Наш гнев священный вдохновил героя,
И мы гордимся подвигом твоим.
Ты варвара поверг стальной рукою
И, словно щит, стоял, неколебим.

Покойся безмятежно в вечной славе,
Твои герои-братья мчатся в бой.
Армения цветет всё величавей,
И пламенеют розы над тобой.

4 апреля 1942

263. АРМЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Памяти архитектора Т. Тораманяна

Осень, осень. . . брожу по родным полям.
Свежий снег, синевой отливая, блестит
На плечах Арарата. Как солнечно там!
А внизу бьется ветер, упрям и сердит,
Неподатливый тополь сгибаая, как лук
Гайка-праотца. Холод, безлюдье вокруг,
Но в моем одиночестве я не один,
Преодо мною былое в обличье руин.
Здесь, бушуя, неслись ураганы времен
И оставили нам лишь обломки колонн.
Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожженной дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.
О, как верил народ мой страдающий вам!
В скорби светел душою и сердцем высок,
Видел он, припадая к замшелым камням,
В славе прошлого — будущей славы залог.
Величавые стены и своды! Вы с ним
Говорили на тайном наречье своем
Словом правды и доблести, вечно живым,
И гармонии чистой простым языком.
Очевидцы великие славы былой,
Созидающей силы, высокой мечты! . . .
Как сердца охраняла от участи злой
Неприступною крепостью власть красоты!

В этих сводах узорчатых видел народ
Воплощенье высоких стремлений своих.
В этих стенах бессмертная сила живет
Сокровенных мечтаний и дум дорогих.
В смертной битве не дрогнул мой добрый народ.
Вырос он и окреп в этой гордой тиши
И свободной отчизне, любя, отдает
Все богатства своей вдохновенной души.

2 ноября 1942

Пусть придет за мной
Смерть моя весной,
Пусть в последний час
Роза в первый раз
Расцветет в саду...
Пусть случится так
Прежде, чем уйду
В бесконечный мрак.

1942

265. ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

(9 мая 1945 г.)

Мы с честью вложили свой меч в ножны.
Победа великая, горю конец.
Враги наши смертные — поражены,
И песни льются из всех сердец.

На улицах толпы, народ шумит,
В ладони хлопают, смех кругом.
А вот перед домом и стол накрыт
С искрящимся золотым вином.

Хозяин зовет: «Входи, дорогой!
Братья, садитесь за стол живей!
Выпьем за сына, мой сын — герой,
Да и за ваших всех сыновей!»

Звенят стаканами. Торжество,
Улыбки. Льется вино рекой.
Один говорит: «За моего
Выпьем тоже... за упокой...»

Снимают шапки, стаканы берут,
В благоговенье тихо сидят.
Потом за погибшего молча пьют
И хлеб священный вином кропят.

1945

266. МОЯ НИРВАНА

Наедине с самим собой
Я живу в лесной тишине.
Моя хижина в самой глуши,
Где журчит прозрачный ручей.

Погруженный в раздумья свои,
Я живу в глухой тишине,
Где ликует душа, на сердце покой,
Где нет больше гнета страстей.

За пределами мира земного,
В безграничных просторах мечты,
Я живу в бесконечном и вечном,
Без горя и слез.

1945

Жизнь — краткий сон, прошла — и нет следа,
Всё преходяще — гаснет и звезда.
И человек — что горсточка песка.
Лишь скорбь его, как вечность, глубока.

9 ноября 1947
Ереван

268. АВИКУ

Пусть будет прям всегда твой путь.
Будь справедлив и честен будь,
Горячей, доброю душой
Люби весь этот мир большой.
Люби товарищей своих,
Всегда будь радостью для них.
В беде от друга не беги,
Ему, чем можешь, помоги.
И до конца счастливых дней
Будь предан родине своей,
Ее защитой верной будь.
И если ты когда-нибудь
Пойдешь на подвиг для нее —
Не возгордись, дитя мое:
Ты только долг исполнишь свой.
Иди ж дорогой трудовой
И с чистой совестью живи
Для мира, счастья и любви.
Когда ж умру я, ты один
К моей могиле подойди
И помолчи над ней, грустя,
Любимое мое дитя.

1954
Ереван

Страдал я в этом мире зла, печали
И много пролил слез из-за него.
Но те глаза, какие слез не знали,
Не видят в этом мире ничего.

1955

270. СКИТАЛЕЦ-СЫН

С посохом в руке дрожащей, удручен, согбен, уныл,
После долгих лет, скиталец, я завидел милый дол.
Перешел семь гор высоких, семь морей я переплыл.
Всё утратил, нищий странник, но до родины добрел.

Подходя к селенью с сердцем, переполненным тоской,
За околицею, в поле, друга детства повстречал.
«Старина, — вскричал, — бог помочь! Узнаешь, кто я
такой?
Изменился?» Мой товарищ поглядел и промолчал.

Мерю улицу клюкою. Вот и милый частокол.
И сама, с душистой розой, показалась у крыльца.
«Здравствуй, — молвил я, — сестрица! Бог нам свидеться
привел».
Отвернулась, отмахнулась от бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тын,
И старуху мать. «Хозяйка, гостю на ночь дай приют!»
Содрогнулась и всплеснула мать руками: «Как ты тут? —
И ко мне в слезах прильнула: — Сын мой милый! Бедный
сын!»

1902
Шуша

271. МАТЬ

(Ширакское предание)

Едва осенние леса
Продрогнут в сырости ночной,
Едва по вымокшим полям
Завьется ветер ледяной,
Всплывает в памяти моей
О старой матери рассказ, —
Ведь, может быть, как прежде с ней,
С другой обходятся сейчас.
И где-то страшные дела
Свершаются рукою зла.

Бог знает где, бог весть когда
У сына в доме мать жила.
Согнули старую года,
Слепа, глуха она была,
С советами не смела лезть,
Ходила тихо, словно тень,
Не дашь — так не попросит есть
И только молится весь день.

А вот невестке мать — беда:
«Свалить бы с плеч проклятый груз, —
Хозяйство гибнет, да куда —
Я за подол ее держусь.
Чем ни корми, всё плохо ей,
Хулит, клянет свое житье,
На шее сидя на моей.

Давно бы выдворить ее.
— «Но я ведь — кровь ее и плоть», —
Пытался спорить сын с женой. —
Не стерпит этого господь.
О боже, сжался надо мной».

Но с каждым часом злей жена.
Знай пилит мужа ночь и день:
«При доме злыдня не нужна,
Куда-нибудь старуху день».
То выла подлая как зверь,
То принималась косы рвать,
И как-то раз открыла дверь
И завопила: «Выбрось мать,
Не то уйду из дома я
И буду всюду день-деньской
Кричать, что гибнет, мол, семья,
А муж мой любитя с другой».

Несчастный сын, кляня судьбу,
Старуху затолкал в мешок
И к лесу на своем горбу
Мешок из дома поволок.
Понутив голову, он шел,
Всё думал, чем в беде помочь.
А путь был долог и тяжел,
А с черных туч спускалась ночь...
В лесную чащу, в глубину,
В кромешной тьме принес он мать
И там под деревом одну
Ее оставил умирать.
Был страшен посвист ветровой
И воя волчьего тоска.
Решился сын идти домой,
Но вдруг услышал из мешка:

«Господь с тобою, мальчик мой,
О камень не споткнись, сынок,
Да вот мешок возьми домой,
Еще сгодится вам мешок».

1907
Александрополь

272. ЛЕЙЛИ И МЕДЖЛУМ

Уснул Меджлум, и ему явилась во сне Лейли;
Он, снилось, ее полюбил, и его полюбила Лейли.
«Мать! Моя голова всю ночь по подушке мечется, —
Гурию рая вижу во сне.
Мать, благословляю груди твоих молоко, —
Но ухожу, прощай, поброжу по белому свету,
Найду, приведу Лейли» —
Так родимой сказал Меджлум и ушел.
Шел, шел и пришел к роднику Бингёл.
Екнуло сердце: остановись!

В полночь, в самую ночь
Пришли кочевые к горе Бингёл,
Пришли кочевые, разбили шатры у горы Бингёл.
Уснула Лейли и видела сон,
Что полюбила Меджлума, что ее полюбил и он.

Да разольется над вами утренний добрый свет!
И над Лейли разлился утренний добрый свет;
Встала, взяла кувшин, к роднику за водой сошла.
«Ах, здравствуй, Меджлум, — сказала, — привет тебе!»
— «Тысячу благ и тебе! — сказал Меджлум. —
Возлюбленная моя, Лейли!»

Как очарованный
Меджлум смотрел на Лейли;
Как очарованная
На Меджлума смотрела Лейли.

Глаза Лейли — полночное небо,
А в нем два солнца горят.
Кудри Лейли на белую грудь
Черного шелка потоки струят.

Семь дней, семь ночей
Простояли они,
А им показалось: минуто
Стоят они.

Семь дней, семь ночей прошли,
И сказала Лейли:
«Меджлум, любимый,
Сердца моего господин,
Повели мне сойти к шатру
Отца напоить.
Завтра приду поутру».

Слова Лейли — что медовые вина Ширази.
На прощание руку Меджлumu Лейли подала.
Меджлум заплакал, сказал:
«Лейли, мое сердце, не уходи!
Ты, не ранив, убила меня.
Я тебе подарю Гиндукуш
До самого Чинмачина.
Твой стан — золотая башня,
Черная родинка у тебя на щеке.
Лейли безжалостная,
Не уходи!»

Лейли зачерпнула воды, ушла.
Остался Меджлум, следил издалёка
Сам не свой, рука на груди.
Ушла Лейли, ушла — и что ж увидала?
Кочевые задвигались,
Верблюдов навьючили, —
И ушла Лейли за шатром отца.

Пусть к добру надо мной осенние листья падут!
Пусть к добру над тобой посыплется зимний снег!
Пусть к добру для меня раскроется мак луговой!
Пусть к добру для тебя распухнет роза весной!

Лейли однажды гулять пошла,
Увидала птиц в вышине,
Кликнула: «Птица, птица!
Ты, верно, летишь от Сипан-горы —
Значит, летела и мимо горы Бингёл.
Не видала ль Меджлума у родника Бингёл?»
— «Девушка, — птица ответила с неба, —
Да, я лечу от Сипан-горы,
Пролетала и мимо Бингёла.
У источника видела молодца-мертвеца;
Мясо его склевала, кости в кучку сгребла».

Косы Лейли распустила,
Волосы пеплом посыпала,
Пошла, подошла к роднику Бингёл,
Видит Меджлумовы кости среди цветов.
Плакала, плакала — и умерла
Над костями безжалостного
Меджлума.
Божьим велением
Оба звездами стали:
Не узнавший счастья Меджлум
И о счастье мечта — Лейли.
Одна засияла на южной,
Другая на северной стороне.
Божьим велением
Единожды в год
Сближаются звезды Лейли и Меджлума,
В тоске, в томленье
Целуются нежно.
И, расставшись, вновь переходят:
Лейли на место Меджлума,
Меджлум — на место Лейли,
На юг — Лейли,
На север — Меджлум.

1910
Казаранат

273. ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

1

Светозарен Тадмора дворец. Средь песков
Он, как марево, путника взоры манит.
На семьсот беломраморных стройных столбов
Опираясь, возносится башня в зенит.

А вокруг него — пальм легковейная тень,
Где, на ваях качаясь, печально поют
Чудо-птицы; журчат водометы весь день,
И цветы, все в росе, над бассейном цветут.

Эл Саман там на троне с царицей своей,
Стан царицы его обвивает рука.
На груди его косы ее, что пышной
Нунуфара-цветка на струях родника.

Бирюзовый прибой, что ласкает волной
Голубого Ливана скалистую круть,
Не сверкал, не сверкал еще пеной такой,
Снежно-белой такой, как царицына грудь.

Вкруг высокого трона веселой толпой
Златокудых прислужниц и слуг хоровод
В стройной пляске плывет под прохладой ночной
До зари и весь день. И всю ночь напролет.

Гаснут свечи. Дворец опочил в тишине.
 Как серебряный лебедь, в бассейн сквозь туман
 Месяц канул, плескаясь, ласкаясь в волне,
 И шептать начинает тогда Эл Саман.

Шепчет он светлолицей царице своей
 На ушко — и так нежно и ласково так,
 Что едва ли колонны ласкает нежней
 Луч луны, проникая в немой полумрак:

«Небеса высоки, о царица моя!
 Но любовь моя выше высоких небес.
 Корни гор глубоки, о царица моя!
 Но любовь моя глубже их огненных бездн.

И прекрасный мой замок в обломках падет,
 Их завет пустынь налетающий прах,
 И бездонное море Сидона придет
 И затопит пустыню и скроет в волнах.

И к исходу времен подойдут времена,
 Солнце дня почернеет, погаснет луна,
 Лишь любовь моя — неугасима одна,
 Бесконечна, безбрежна и вечна она».

Очарованный царь поцелуями пьян.
 Негу черпая словно в волшебном вине,
 Млеет, тает, горит и живет Эл Саман.
 Время — вечность и миг и течет как
 во сне.

А из черных узорных дворцовых ворот
 Сладко пахнут алоэ и мускус. И там
 Юных слуг и прислужниц идет хоровод
 И певцы прижимают свирели к устам.

Но разорвана смерти крылом тишина,
 Одиноко и грустно лампада горит.

Умирает царица, кротка и бледна,
Голова на груди Эл Самана лежит.

Умирает она, как роса в лепестках,
Как дитя на святых материнских руках,
И беззвучно рыдает над ней Эл Саман,
Шепчет он ей сквозь благоуханный туман:

«Я разрушу, низвергну небесную твердь,
Но не дам, но не дам я тебе умереть.
Прогоню, одолею угрюмую смерть,
Но не дам, но не дам я тебе умереть».

Только час отвоюет у смерти — и вновь
Гонит он ее силой меча и щита
И вдыхает дыханье свое и любовь
В помертвело-холодные милой уста.

4

Заходила луна, восходила луна.
И, обняв погруженную в сон гробовой,
Шепчет на ухо ей Эл Саман. И нежна
Его речь, как мерцанье колонн под луной.

И покинули в ужасе замок его
Сонмы слуг и прислужниц. И стали пусты
Залы замка. Безмолвно вокруг и мертво.
Вайи падают с пальм, умирают цветы.

Тихо плачет и всхлипывает водомет,
Меж колонн паутина густая висит.
Только ветер пустынный в пролетах поет,
Пыль над тронном взметая, злорадно свистит.

И холодной блестящей своей чешуей
Прах стирает змея с пожелтевших костей,
Но мертвец Эл Саман костяною рукой
Обнимает еще стан царицы своей.

Он склоняется к ней и, беззвучно почти,
Что-то шепчет оскалом из мертвой кости,

Шепчет вечно, беззвучно в ночной тишине,
Как седые колонны холодной луне.

И зачахли и высохли пальмы садов,
И обрушились своды, и свет их померк,
И руины завеял песчаный покров,
Только башни высокой не скрыл, не поверг.

Над унылой могилой в пустыне, одна,
Как свидетель, свой купол возносит она,
Чтобы дальние звезды узнали о ней,
О любви Эл Самана, что смерти сильнее.

Чтоб поведали миру о давней любви,
О могучей, бессмертной и славной любви,
Караваны и путники, что из дали
В даль безвестную благоговейно прошли.

27 ноября 1914
Берлин

274. ЛЮБОВЬ РЫЦАРЯ

Девушка — солнце в дворце золотом —
В давние годы жила и ждала
Друга души и о счастье вдвоем
Тайно мечтала, тиха и светла.

С войском несметным неведомый князь
Мимо дворца проезжал на коне.
Бросив поводья, он замер, дивясь
Девушке той, что стояла в окне.

«Светлое солнце! Полмира в борьбе
Завоевал я в подарок царю.
Лишь прикажи — и полмира тебе
Я за любовь покорю, подарю».

— «Дар твой велик, — отвечает она, —
Только любовью его не зови.
Сердцу иная отрада нужна.
Мир покорив — не докажешь любви».

— «Как же мне, солнце, уверить тебя?
Грудь лишь рассечь — остается одно,
Я тебе под ноги брошу, любя,
Сердце мое, что тобою полно».

— «Дар твой огромен, — ответ прозвенел, —
Всё же любовью его не зови.

Даже и трус от отчаянья смел, —
Смертью своей не докажешь любви».

Рыцарь в смятенье — он милой не мил.
Смотрит на девушку, боль затая.
«В мире никто горячее не любил.
Всё, что прикажешь ты, — выполню я».

— «Если ты любишь меня — уходи.
Жди — я приду, как исполнится срок...»
Девушка юноше розу с груди
Бросила, будто свиданья залог.

Юноша розу, что жарче огня,
К сердцу прижал, и, взглядом одним
С милой простясь, он пришпорил коня
И улетел, будто ветром гоним.

В замке своем, от людей отдалясь,
Тайных надежд не открыв никому,
Ждет, и мечтает, и слушает князь —
Не постучится ли счастье к нему.

Сквозь золотистый туман вдалеке
Милой улыбку он видит всегда.
В страстном безмолвии, в жгучей тоске
Ждет он, и мчатся на крыльях года.

Мчатся года, и потерян им счет.
Пламенный юноша стал стариком.
Всё еще ждет он и верит, и вот
В дверь его смерть постучалась тайком.

Будто запели в душе соловьи —
Гостью он встретил, восторг затая.
Розою веки прикрыл в забытьи...
Кончилась грустная сказка моя.

275. РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Жил некогда в пышных пределах Востока
Воитель, защитник родимой страны.
Врага не повергнув, бывало, до срока
Меча боевого не вложит в ножны.

О том, что копье знаменитого мужа
Далече вонзается, знали кругом, —
И року подобный, неслыханный ужас
И денно и ночью висел над врагом.

И вскоре правдивая лира народа
Широко прославила имя его,
Воспела победы счастливых походов,
Отчизны святой над врагом торжество.

Но царь, малодушный и слабый владыка,
Хвалами воителю был уязвлен.
Себя при лучах его славы великой
Ничтожным, униженным чувствовал он.

И, завистью мучим жестокой, бессонной,
Однажды в палатах за пиром своим
К безвестному воину он благосклонно
Снисходит, беседует ласково с ним,

Потом — полководца минуя коварно —
Близ трона сажает, улыбкой даря,

И, видя столь черную неблагодарность,
Все молча дивились поступку царя.

Наутро любимец и вовсе прославлен,
Владыка его опоясал мечом,
Начальником он над войсками поставлен,
Герой же — лишь телохранитель при нем.

Тогда возмутилась душа полководца
И войско разгневал царя произвол, —
И с теми, кто верным в беде остается,
Отважный воитель в изгнание ушел.

Он взялся за меч, и пошли они следом —
С мечом неразлучен отважных удел,
Он вскоре сразился с тираном-соседом
И князьим престолом его овладел.

И недруги злобные слышат, ликуя,
Что славный воитель, любимец побед,
Уже не вернется на землю родную,
Что буйным набегам препятствия нет.

Забуты страданья и ужас былого,
Труба протрубила тревожную весть, —
И недруг в пределы врага векового
Стремится — насытить кровавую месть.

Рубеж перешел он и вторгся глубоко,
Сжигая деревни, паля города, —
А царский любимец, воитель убогий,
Сбежал, бросив войско, исчез без следа.

На площади, словно вода в половодье,
Народ собирался густою толпой,
Кричали: «Где доблестный наш
полководец,
Защитник, спаситель отчины святой?»

Прочитан царю и его нахарарам
Суровый наказ, чтобы с просьбою шли

В соседний предел за воителем храбрым
И с честью и славой домой привели.

И царь по совету своих приближенных
Послов избирает из тайных палат —
Почтить полководца державным поклоном
И слезно просить возвратиться назад.

Путь долог и труден. Но вот к спарапету
Вошли и, почтительно с ним говоря,
Ласкают изгнанника царским приветом,
Ему сообщают о просьбе царя.

А князь пировал в беломраморном зале,
С дружиною верной делил он досуг,
Вином изумрудные чаши пылали,
Красавицы девы плясали вокруг.

И вот протянул он торжественно руку —
И музыка смолкла, затихла гульба.
Послы повествуют про горечь и муку,
Что родине бедной послала судьба.

Внимая печально, за родину мучась,
Всё ж тайную радость испытывал князь,
Что ныне царя унижительна участь, —
И в знак несогласья рука поднялась.

Смех, музыка залу наполнили снова,
И девы пустились в пленительный пляс.
Послы поднялись, не промолвив ни слова,
И тихо ушли, головами склонясь.

А царство зачехло от лязга оружия,
Носились там кони, посева топча.
Народ, потрясенный, повергнутый в ужас,
Бежал перед блеском чужого меча.

И вновь собралась нахараров палата.
Трех чтимых старейшин решили избрать
И общую просьбу вельмож и сената
Изгнаннику храброму вновь передать.

Путь долог и труден. Но вот к спарапету
Явились послы и, не прошены сесть,
Желанье совета с учтивым приветом
Ему сообщили, подбавивши лесть.

В то время, пируя, отрадные речи
С друзьями походными вел спарапет, —
В словах оживали минувшие сечи
И громкая слава их общих побед.

И вновь протянул он торжественно руку —
И пышный дворец погружен в тишину.
Послы рассказали про горечь и муку,
Про ужас, объявший родную страну.

С глубокою скорбью внимая рассказу,
В душе колебался взволнованный князь.
Но месть лишь дремала и вспыхнула сразу —
И в знак несогласья рука поднялась.

Всё глубже вторгались, как лютые звери,
Враги, рассевая грабеж и раздор.
Несчастный народ, оглушен и растерян,
Не ведал, как сбросить беду и позор.

Прислушалась родина к мудрым селянам.
Сказал старый пахарь: «Мужайтесь! Пойдем
Мы двое с любимцем народа гусаном
И прежнего друга домой приведем!»

И вот снаряжают, собравшись толпою,
Гусана и пахаря в дальний поход.
«Несите любовь и привет наш герою,
Забуть он не может свой верный народ!»

Отправились. Пахарь у самой границы
Взял горстку земли и насыпал в кошель.
Горячие кони помчались как птицы, —
И вот показалась желанная цель.

Уж поздний был вечер. С узорчатых сводов
Струилось сияние паникадил.

Охвачен тоскою, сидел полководец,
За пиром товарищей мрачно следил.

И, сбросив с плеча звонкозвучную лиру
И взором окинув торжественный зал,
Ударил гусан с вдохновенною силой
И струн золотых языки развязал.

Напевы старинные родины древней
Журчали, как вешних ручьев разговор,
Гусан вдохновенный запел задушевно
О вечном величье сияющих гор,

О зове орла на вершине утеса,
О ярком смарагде волнистых хлебов,
О скоке газелей по горным откосам,
О мирных стадах на просторе лугов,

О ржанье лихом на дорогах знакомых,
На пыльных дорогах родной стороны,
О золоте гроздьев, о пенистых жомах,
О дымах над кровлями в час тишины,

О девушках-розах, так любящих кротко,
Его призывающих в горькой тоске,
О славе воителя, — слишком короткой! —
Сияющей солнцем, увы, вдалеке!

И, с дрожью в руках, с омрачившимся духом,
Со взором, вперенным в видения грез,
Он песню впивал очарованным слухом,
И вдаль уносился, а пенье лилось.

Он слушал, и с думою дума боролась.
Был родины скорбен и ласков язык,
Он звал. . . И покойницы матери голос
Немыслимой сладостью в сердце проник.

И влажные веки отер он ладонью, —
А старый крестьянин неспешной стопой
К престолу подходит и молча, спокойно
Кладет перед князем мешочек с землей.

И, пристальный взор устремив, не мигая,
На землю родную изгнанник глядит, —
И с сердцем земля говорит дорогая,
И сердце с землей дорогой говорит.

И так упоительно, неодолимо
И манит, и тянет родная земля, —
Беседует с ним об отчизне любимой,
Безоблачным детством мечту веселя,

Земля, что его родила и вскормила,
Где стали землею и мать и отец.
Народа бессмертного, родины милой
И предков — начало она и конец.

И мнится, он слушать вовек не устанет
Народа взывающий голос вдали.
Как страстно влечет, как властительно манит
Глубинная сила родимой земли!

И руки простерлись, и благоговейно
Он поднял кошель со слезами в очах
И подлинно верил, что в это мгновенье
Сокровище мира он держит в руках!

Он плачет, и сердце набухло слезою,
Склоняет могучую голову князь —
И трижды подряд с беспредельной тоскою
Родимую землю целует, склоняясь.

И на ноги встал. Огнегривого вскоре
Подводят ему, — и, не помня о зле,
С друзьями, с кем ведал и славу и горе,
Он мчится к священной родимой земле.

276. СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ

Мать вырастила четырех
Любимых нежно сыновей.
Один — ученый, в краткий срок
Прославился в стране своей.
Второй священный принял сан.
В торговле третий преуспел —
В делах размах, набит карман.
Блуждал четвертый по земле,
Нужду и горести терпел.

В час смерти испросила мать
У бога милости: узнать,
Когда она глаза смежит, —
Чем каждый сын ее почитит.
Прочел ученый дифирамб,
Монах молитву произнес,
Купец пожертвовал на храм,
Скиталец же, последний сын,
Ей сердце скорбное принес.

*25 июня 1926
Венеция*

277. МЕЧ АТТИЛЫ

1

Неистовый, яростный меч
Давно, на рассвете времен,
Огузами был погребен
Под дубом в каспийской степи.

Шли гунны орда за ордой,
Копытами степь бороня,
Но дедовским грозным мечом
Не смог овладеть ни один.

И только Аттила во сне
Увидел могилу меча, —
С корнями он вывернул дуб
И меч отыскал в глубине.

По темной каспийской волне
Рассыпала молнии сталь,
Когда обладатель меча
На запад мечом указал.

И Тибр, и Босфор, и Дунай,
И Рейн потемнели, когда
На Каспии мрачном вода
Неведомым блеском зажглась.

«О Запад, дрожи и молись!
Под яростным вихрем моим

Змея-Византия умрет,
Погибнет неистовый Рим.

Огню и мечу я предам
И троны лукавых владык,
И крепости, и города,
И школы, и монастыри.

Любой ваш закон — западня,
Все ваши писания — ложь,
Обычай на женский похож,
А боги — корысть и грабеж.

Склонятся пред грозным мечом
Владыка, вельможа, монах. . .
И волк прикаспийских степей
Завоет у вас в городах.

Повсюду, где ступит мой конь,
Повсюду, где ляжет мой путь,
Травинки и той не взрастит
Растленная ваша земля!» —

Аттила сказал. На коня
Взлетел без узды, без стремян
И, вскинув его на дыбы,
На запад мечом указал.

Взревев, как весенний поток,
Тьмы воинов к морю стеклись,
И стало за волнами их
Не видно каспийской волны.

Аттила же вздыбил коня
И, волка степного подняв,
На запад мечом указал, —
Завыл потревоженный волк.

Ревела, вопила орда,
Шла посуху, шла по воде,

В лесах оставляла лишь пни,
В селениях трупы одни,
Европу трусливую скрыв
За дымом костров кочевых.

2

В то давнее время, когда
В иссохшей каспийской степи
Под дубом Аттила нашел
Огузов неистовый меч,
Как жаждой палимый язык,
По крови тот меч тосковал.
Сверкал, извивался змеей,
Шипел у Аттилы в руке.
Входить не хотел он в ножны,
Не мог он смириться в ножнах,
И рвался он вон из ножен,
Чтоб крови напиться живой.

Сжимая неистовый меч,
Как буря Аттила прошел
По скифским, по дакским полям,
Смирил Танаис и Дунай.
Поил свой чудовищный меч
Он кровью степных пастухов,
И пахарей, и горожан,
И важных вельмож, и владык.
Окрасилась кровью земля,
Окрасилась кровью вода, —
Но жаждал по-прежнему меч.
До Галлии кровь разлилась,
Европа тонула в крови,
Народы ее меж собой
Стравил кровожадный меч.
На Каталаунских полях
Уж вороны споры вели,
А тени бесчисленных бойцов,
Что там по полям полегли,
В дыхании ветра кружась,
Еще продолжали резню...

Атила меж тем повернул
К венедам, на берег морской,
Могучей, кровавой рукой
Он в прах Аквилею поверг, —
Но жаждал по-прежнему меч.

Неистовый, яростный меч,
Безудержной жаждой томим,
Атилу заставил забыть
В ту пору про сон и еду,
Входить не хотел он в ножны,
Не мог он смириться в ножнах,
И рвался он вон из ножен.
Сверкал, извивался змеей,
Шипел у Аттилы в руке.

И вот среди Паннонских равнин,
Одежды порвав на груди,
Усталый Атила метнул
Неистовый меч в небеса.
Со свистом взлетел и упал
Сверкнувший как молния меч.
Упал он Аттиле на грудь,
Рассек он могучую грудь,
Коснулся он сердца в груди...
И вечную жажду свою
Сполна наконец утолил.

1932
Париж

278. ВЛЮБЛЕННЫЙ НАДО

Гнал скакуна Надо-храбрец
В кочевье, на крутой подъем.
Гнал и пригнал, пригнал и стал
У Гюлизар перед шатром.
Сошел с коня, за повод взял,
К столбу, что справа, привязал,
А слева, в склон, воткнул свое
Стальное, острое копье.
Потом, надменен, горделив,
Идет он, руку положив
На золотую рукоять
Клинка, что храбрецу под стать.
И так, с оружием у бедра,
Отважный, входит в глубь шатра
Без промедления — и вот
Перед красоткой предстает.

Храбрец Надо и Гюлизар
Слепой гордыни образцы,
И друг от друга сердца жар
Они скрывали, гордецы.
Она ждала, что, укрошен,
Он первый в ноги ей падет,
Желал в своем упорстве он,
Чтоб было всё наоборот.
Не поклонившись, хмур и зол,
Такую речь Надо повел:

«Кто тебе сказал,
Ах, колдунья ты,
Будто о тебе
Все мои мечты?
Кто тебе сказал,
Ах, колдунья ты,
Будто день и ночь
Изнываю я
В путях красоты?»

Нет, любовь мой взор не застлала мглой,
Ни долин, ни гор не застлала мглой.
Есть ли что в тебе,
Ах, колдунья ты,
Чтоб страдать в плену
Горькой маеты?

Правда, сорок кос, все длиной до пят,
Вдоль твоей спины вьются и скользят.
Но в них блеска нет, перелива нет,
Хоть и сорок кос, всё же дива нет!

Правда, притаясь, точно две змеи,
Глубиной манят всех глаза твои,
Но они огнем не озарены,
Как душа твоя и глаза черны!

Правда, ты стройна, ростом высока,
Высока, стройна, в талии тонка,
Но ведь тополь всё ж гибче и стройней,
А волна в реке — не сравнишься с ней!
Ты не столь гибка и не столь нежна,
Как реки Араз легкая волна.

Разодета ты в бархат и атлас,
Но румянец щек не ласкает глаз.
На лице твоём родинки рядком,
Но сравню ль щеку с алым лепестком?
Мне любви туман взор не заволок,
Золотых долин, гор не заволок.

**Знай же, убедись, вздоха не издам,
Не колеблясь, я от тебя уйду,
Я пойду бродить по горам, долам,
Брошусь в бой с врагом, смерть в бою найду.
Упаду в траву, на туманный луг.
Имени, каким нарекли тебя,
Не произнесу в час предсмертных мук.
И не буду, знай, я желать, любя,
Чтобы надо мной в тот последний час
Твой склонялся лик, речь твоя лилась».**

Промолвив так точь-в-точь,
Надо уходит прочь.
На речи молодца
Она — ни полслова.
Покинул гость жилье,
Он выдернул копье,
Узду с прикола рвет,
Ускачет прочь вот-вот.
И вдруг... стерпеть не смог,
Упал он на порог.
Коленопреклонен,
Пощады молит он:

«Ах, ангел, пери, неба дар,
Любовь моя, ах, Гюлизар!
Бог видит, видишь ты сама,
Что лгу я, лгу, сошел с ума.
Смертельный не снести удар,
На части сердце рвется, яр.
Красотки в мире не сыскать,
Которая тебе под стать.
Изранена моя душа.
Ты хороша, так хороша,
Так хороша!»

*1934
Париж*

279. ЕВРЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Чтоб первый человек был сотворен,
Господь земли взял с четырех сторон,
Он юг и север, запад и восток
Соединил, — смешал их землю он,
Чтоб человек, куда бы ни забрел,
Везде бы дома чувствовал себя.
Когда же смерти прозвучит глагол,
Провозглашая, что всему конец,
Все люди получали б на земле
В ее объятиях покой сердец.

*11 июля 1935
Париж*

280. СОКРАТ

Мудрого Сократа к смерти злой
Трибунал афинский присудил:
Бичевал мудрец неправый строй
И к порокам беспощаден был.

Им коварный отменен завет.
Высоко над миром поднял он
Силу мысли, вечной правды свет,
Слово совести, любви закон.

Вот в темнице смертного конца
Скованный Сократ спокойно ждет,
И к себе известного певца
Он по делу важному зовет.

Перед ним прославленный певец.
«Мой привет Сократу, — он сказал. —
Чем я это заслужил, мудрец,
Что меня ты вспомнил и позвал?»

— «Милый брат, прошу тебя помочь
Мне законы музыки познать,
Краток век, долга незнанья ночь,
Не хочу я случай упускать».

— «Но ведь ты... О друг великий мой...» —
И продолжить речь певец не смел.

«Да, но всё же в час последний свой
Я б искусства смысл постичь хотел».

И когда благоговейно был
Истолкован музыки закон,
Дух Сократа радостно парил,
Мудростью бессмертной озарен.

31 октября 1936
Афины

281. НАРОДНАЯ ЛИРА

Сербская легенда XVIII века

Над Сербией блещет кривой ятаган
И каркают вороны, пьяные кровью.
Исхлестанный воздух горяч и багрян.
И ветер разносит рыдание вдовье.

Тиран Абдулла, кровожадный паша,
Пирует в Белграде, победою пьяный.
Ослушников войско во прах сокруша,
Он счастлив богатой подачкой султана.

Замученной Сербии лютый палач
Сидит на резном перламутровом троне.
Шербет, словно кровь непокорных, горяч,
И золото чаши пылает в ладони.

Кругом янычары, что рады и впредь
Разбойничать, лишь бы платили сполна им. . .
На блюдах дымится обильная снедь,
Струится шербет полноводным Дунаем.

Зловещий подсчет веселит янычар:
По многу ль голов они в битве отсекли?
Бахвалятся, спорят— чей крепче удар,
Бранятся, хохочут, как дьяволы в пекле.

«Эй, старого Мирко введите-ка в зал!
Его четырех сыновей мы забрали.»

Отвагу мятежников он воспевал,
Властителей славу воспеть не пора ли!»

И Мирко-гусляр входит словно во сне,
Он слышит застольный прерывистый гомон,
Присев на скамью ото всех в стороне,
Глазами незрячими водит кругом он.

«Послушай, старик, — возглашает паша, —
Во прах уничтожил я Сербию вашу,
Но знаю, что песня твоя хороша,
Твой редкостный дар по заслугам уважу.

Не зря приведен ты на праздничный пир:
Прославь меня песней на вечные годы.
Пускай меня помнит и чествует мир,
Покуда есть небо, и суша, и воды».

Наградой паша соблазняет певца:
Алмазами, золотом — жизнью богатой,
Но Мирко молчит, не поднимет лица,
И зал замирает, смущеньем объятый.

«Эй, Мирко-гусляр, начинай поживей!
В свидетели я призываю аллаха:
Верну тебе всех четырех сыновей,
И вместе домой вы пойдете без страха!»

И чудится Мирко, что с ним сыновья
Домой возвращаются живы-здоровы...
Но горько молчит он, печаль затая.
На пиршестве пышном не слышно ни слова.

Разгневанно смотрит на Мирко паша,
И властью, и кровью, и яростью пьяный,
А Мирко-слепец, через силу дыша,
Молчит и темнеет, как в бурю Балканы.

«Проклятый гяур, я сказал тебе: пой!
Не то берегись — как бы ты не заплакал!
Коль будешь упрямитесь, дурень слепой,
Сейчас посажу сыновей твоих на кол!»

И чудится Мирко: ведут сыновей,
На кол сажают, — и в горестной муке
Пытается гусле наладить скорей,
Но жалко дрожат непослушные руки.

Касается струн переливчатых он,
Мерещатся старому стоны страдальцев,
Но спрятался в гусле серебряный звон,
Не слушают струны немеющих пальцев.

О, как же спасти ненаглядных сынов?!
Измучилось сердце от тайных страданий,
Душа не находит угодливых слов,
И голос певца замирает в гортани.

Всё чудится: блещет кривой ятаган
Над Сербией милой, над вольною волей,
Пьют вороны кровь из бесчисленных ран,
Багряный туман поднимается с поля...

И Мирко вскочил — не стерпелось душе,
Он гусле отбросил — струна зазвенела,
Открыто, бесстрашно кричит он паше
Правдивое слово, что в сердце горело:

«Пытайте, казните, — в вас нету стыда,
Убийцы безвинных, позорище мира!..
Но помните вы, что народная лира
Не лжет никогда!»

1937
Ереван

282. МУЛЛА И ДЕТИ

На минарет мулла седой
Взошел по лестнице витой
И, руки приложив к ушам,
Вознес молитву небесам.

Вот о перила оперся,
Глядеть на город принялся.
«Как мал внизу весь этот люд!
Не люди — куры там спуют».

В саду полуденной порой
Ребята тешились игрой.
Кричат: «Взгляните поскорей —
На минарете воробей!»

1910

283. ВОЛК И СОЛОВЕЙ

Все знают — много зла еще на свете...

Однажды на рассвете,
Забывшись сном в тени ветвей,
Попался в лапы к Волку
Соловей.

В предчувствии ужасного конца,

От страха смертного и муки
Из горла бедного певца

Неслись совсем не сладостные звуки.

«Так вот, — воскликнул Волк, — как ты поешь!

Хрипишь, гнусавишь, как шарманщик,

Меж тем певцом прославленным слывешь...

Да ты, брат, попросту обманщик!»

Вспылил наш Соловей от этих слов

И так ответил, позабыв о боли:

«Да, я певец! Но я пою на воле,

И песнь моя не для Волков!»

1915

Женева

284. ВЕПРЬ И ЛИСА

Однажды Вепрь на скалах у реки,
Не зная устали, старался —
Оттачивал по одному клыки,
А сам лукаво улыбался.
Тут подошла Лиса: «Признайся мне,
Мой храбрый брат, чего ты так хлопчешь?
Никто не говорит ни о какой войне, —
Зачем же зря ты бивни точишь?
Вспотел, измучился, чудак!»
А Вепрь ей отвечает так:
«Слывешь ты хитрою по праву,
Ты заслужила эту славу,
Но только твой умок, сестра,
Не шире птичьего двора.
Обязан воин
В срок
В дни мирные оттачивать клинок.
Тогда бывает он спокоен,
Что отстоит страну».

Знай: ржавчина родит войну.
А ежели народ заране меч отточит,
С ним враг и драться не захочет.

*14 августа 1922
Венеция*

285. ВОПРОС

Воскресным утром под церковным сводом
Приходский поп вещал перед народом:
«Не счесть господних нам щедрот!
Бог создал мир, как блюдо вкусной снеди,
Чтоб люди, птицы, и зверье, и скот, —
Ну, словом, все, кто дышит и живет, —
Небесной благодати дивясь,
Всегда обильно ели, пили
И, сытной пищей усладясь,
Творцу хваленья возносили».

Вдруг из толпы, что до сих пор молчала,
Такое слово прозвучало:
«Святой отец, прошу меня простить,
Желал бы получить я разъясненье:
Кто предназначен богом для съеденья —
Хваленья тоже должен возносить?»

1922
Венеция

286. ВСЕГО ДОРОЖЕ

С глубокою раной лежал над ручьем
Подбитый охотником Голубь лесной,
И жажда его опаляла огнем,
И кровь из груди растекалась струей!

Волшебница пери с приходом зари
Склонилась над Голубем на берегу
И шепчет: «Ценнейшее мне подари —
И жизнь молодую твою сберегу!»

Но Голубь подумал: что жизни ценней?
Земные вовек не воротятся дни —
И молвил: «Коль жизни ты хочешь моей —
Ее отбери и назад мне верни».

Волшебница рану омыла росой,
И Голубь глаза изумленно раскрыл,
Воскликнул он: «Как расплачусь я с тобой?»,
Взмывая просторными взмахами крыл.

«Отдай свои крылья за помощь мою!»
— «Но как же взвьюсь я в сверкании дня
К седым облакам, где парить я люблю!
Без крыльев и жизнь не мила для меня. . .»

— «Лети же! Открыт для тебя небосклон! —
С улыбкой сказала Волшебница вод. —
Пусть ведает тот, кто навек заточен,
Что жизни дороже свободный полет!»

*20 февраля 1924
Венеция*

287. МЕДВЕДЬ И ЗМЕЯ

С Медведем дружбу завела Змея —
Водой не разольешь: одна семья!
И клятву верности друзья друг другу дали,
И с этих пор они
Совместно проводили дни —
Гуляли, ели, ночью рядом спали.
Душевно, чинно и без пререканья,
Друг к другу преисполнены вниманья,
Они дружили долгие года,
Да только вот Змеи немое пресмыканье
Не нравилось Медведю никогда.
Случилось как-то раз, на берегу высоком
Стоял Медведь дыханье затая,
И вдруг увидел он, увидел ненароком,
Как, словно вор, тайком к ручью ползла Змея.
Сомнение Медведя охватило,
В груди его волнение поднялось:
«Нет! Будь ты друг иль брат — сдержаться я не
в силах!
Моей душе противно и постыло
Всё то, что движется ползком и вкривь и вкось!»
И, вмиг разделавшись с пятнистым, мерзким гадом,
Медведь расправил лапой труп Змеи
И сбросил со скалы в ручей, бегущий рядом,
В холодный блеск его прямой струи.
И, глядя вслед Змее, чей труп, воде послушный,
Тупой стрелой мелькал среди камней,
Медведь заметил так: «Быть надо прямодушной.
Отныне прям твой путь! Вот так-то, друг, верней!»

1927

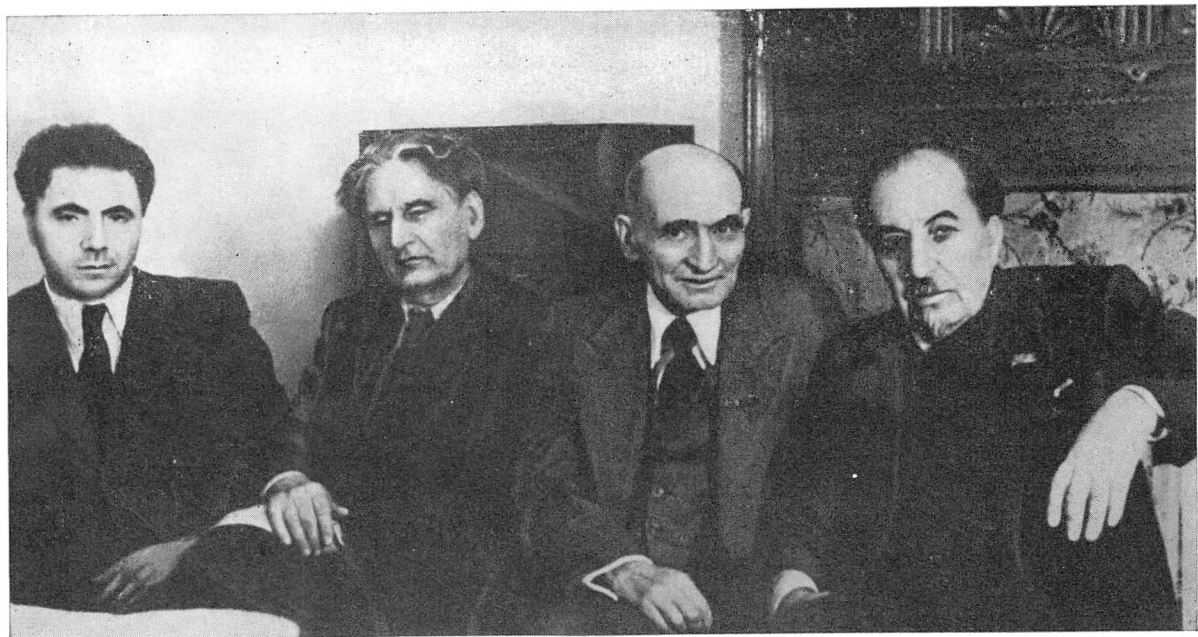
288. ГОЛОДНАЯ КУРИЦА

Голодной курице приснилось,
Что куча проса перед ней.
Избравши зерна покрупней,
Она глотает всё быстрее,
Клюет, клюет — и пробудилась.
Глядит кругом, удивлена:
Нет проса, а под нею вместо
Ее прельстившего зерна
Сухое дерево насеста.

16 сентября 1932
Париж

289. ОСЕЛ И КРЕСТЬЯНИН

Однажды летнею порой
Мужик навьюченного гнал Осла.
Перевалив через подъем крутой,
Мужик был весь в поту...
Тропа на мельницу вела.
Так жаркой летнею порой
Мужик с горы устало брел,
С поклажей тяжелой шел Осел,
Был каждый изнурен...
О счастье! Близ дороги той
Среди ветвей
Журчал ручей,
Вода прохладна и чиста,
В ней сладко омочить уста.
Мужик от счастья сам не свой,
Воды напился ключевой,
И вот почти иссяк родник...
Затем Мужик
С Осла поклажу тут же снял,
На пышный луг его погнал
И лег под сенью дуба сам, —
Мгновенно сон слетел к глазам,
Его в блаженство погрузил...
Когда же вновь глаза открыл —
Увидел пред собой двоих,
Был дик и страшен облик их,
Пред ним стоят они, грозны
И оба вооружены.

Мужик от страха стал дрожать,
Кричит Ослу: «Эй ты, дурак!
Вставай скорей, пора бежать!»
— «Хозяин, что ж пугаться так?
Пылает солнце, тяжек зной.
Не лучше ли остаться тут?»
— «Грабители пришли, урод!»
— «Что за беда? Пришли — уйдут».
— «Но ведь тебя же уведут!
Скорее! Время-то не ждет!»
— «Мне наплевать! Спешу ты сам,
Мне всё равно — быть здесь иль там,
Таскать поклажу — жребий мой.
Покой мне дорог. Не хочу
Брести в жару, я изнурен!» —
Осел воскликнул, осмелев...
И, повалясь под сень дерев,
Он в сладкий погрузился сон.

1932

Париж

290. БЕДНЯК И КАРАВАН

За верблюдом верблюд
Вереницей длинной мерно идут.
Подперты горбом вьюки с добром:
Мешки с янтарем, в тюках парча,
Ларцы с алмазами, с жемчугом.
Ползет караван по склону вверх,
Ползет караван по склону вниз,
И пройден дол, и снова подъем;
Колокольцы качаются, лепеча,
За верблюдом верблюд,
Нагружены тяжко, идут, идут.
В пустынном ущелье, во тьме, в глубине,
Где сдвинулись горы стена к стене
И только утесов глыбы висят,
Караван в засаду нежданно попал:
В блеске сабель предстал из-за голых скал
Разбойников горных лихой отряд.
«Погонщики, прочь! Верблюды, стой!
Мешки долой! Тюки долой!»
Не нажиться купцам на своем добре,
На парче узорчатой, на янтаре,
На алмазах искрящихся, на жемчугах, —
Стонут, плачутся: ох да ах.
А между тем был один, кто не плакался, не стонал.
Не тронут никем,
Подостлав мешок, он прилег, утомлен,
Спокойно лег
Без мук и тревог.

То был бедняк. И думал он:
«Хоть сила и деньги правят всем,
Выходит так,
Что всё же на час изведать смог
Покоя сладость и нищий бедняк».

1932
Париж

291. СПОР ПЕТУХОВ

Меж двух драчливых петухов
Из-за хохлатки спор возник,
А может быть, из-за зерна
Поднялся петушиный крик.

Шум, суматоха
На ранней заре
В мусорной яме
На птичьем дворе.

Клюют друг друга петухи,
И перья пестрые летят,
Рвут друг у друга гребешки...
Кудахчут курицы не в лад.
И вот — расправа недолга —
Один драчун сразил врага,
Крыло влача, другой петух
Уполз и спрятался в лопух.
А победитель славит вслух
Победу и запел над тыном.
Ликует в нем геройства дух.

А хищник
Взглядом ястребиным
Окинул двор
С мирком куриным,

Пленился пеньем петушиным,
На петуха упал с небес,
Схватил его и с ним исчез.

1935
Париж

292. КОЗЕЛ И ВОЛК

Козел над скалой,
Отвесно крутой,
Стоял в вышине.
А Волк всё блуждал у подножия скал,
Тропинки искал на крутую скалу, —
Напрасны труды.
Козел разъярен,
На Волка, рога наставляя, глядит,
С угрозою он
Ему говорит:
«О, как бы, обжора, доволен я был,
Когда бы рога тебе в брюхо всадил!..»
Тут Волк неожиданно ласковым стал
И нежно Козлу-хвостуну отвечал:
«А я б еще больше был счастлив, дружок,
И час тот счастливейшим в жизни назвал,
Когда б ты с рогами мне в брюхо попал».

27 июля 1939
Цахкадзор

293. ВОЛК И ЛАНЬ

Волк молодую Лань поймал.
В одно мгновенье
Клыками тело нежное порвал,
Затем неторопливо, с упоеньем
Зализывать ей раны стал.

Несчастной оставалось жить недолго.
Она заговорила с Волком:
«Свалил меня ты вдруг,
Как враг, неожиданно, —
Теперь мои врачуешь раны,
Как друг. . .
Что у тебя в душе? — скажи мне толком».

28 июля 1939
Цахкадзор

294. САТАНА И ЕГО ДОЧЕРИ

Средневековая армянская басня

Трех дочерей имел всеильный Сатана,
И, кроме трех, была еще одна.
Дочь старшую за князя выдавая,
«Ты будешь Гордостью! — ей Сатана сказал. —
Ты будешь Жадностью отныне, дочь вторая,
Тебя купец богатый в жены взял.
Ты, третья дочь моя, уходишь в дом к поэту,
Ты будешь Завистью навеки с этих пор.
Других имен вам трем отныне нету!» —
Так прозвучал отцовский приговор.
А дочку младшую с горячей, пылкой кровью,
Что ближе всех всегда была ему,
Рогатый Сатана в сердцах назвал Любовью
И отдал человечеству всему.

18 января 1945

Ереван

ПОЭМЫ

295. ПЕСНИ АЛАГЯЗА

*Мое сердце — мир твой: знай,
Там любовь найдешь, о яр...
Сжался, не терзай его, —
Ты же в нем живешь, о яр!*

МОЕЙ СУДЬБЕ

В эту сладостную ночь
Сон от глаз моих бежит.
Мук души не превозмочь,
Память раны бередит.

Долго, много плакал я,
Мирный сон забыл давно.
Горькой страстью, яр моя,
Насмерть сердце пронзено.

Мне ни сна, ни дремы нет,
В целом мире дома нет.
Ни гнезда, ни милых рук,
Ни души знакомой нет.

ПРОЛОГ

Под алмазным венцом
Среди звезд — Алагяз,
Выше гор, выше туч
Он на троне сидит, развалиясь.

Я помчусь за алмазным венцом
На крылах райской птицы Синам,

К тем звездам обращусь я лицом,
Сердце снам и виденьям предам.

В сердце — рай, там поют соловьи,
Куши роз, о любви плачет саз...
О Заро! Нас объятъя мои
На алмазный умчат Алагяз!

АРАГАЦУ

Ты, Арагац, алмазный щит
Для молнийных клинков.
Хрустальный твой шатер стоит
Приютом облаков.

Гнездо орлов — утесов круть,
Озера — бирюза.
Ручьи твою объемлют грудь —
Златые пояса.

И днем и ночью родники
Друг с другом говорят.
Бегут в долину ручейки
С твоих шелковых пят.

Как сонм летающих цветов,
Пылают мотыльки —
То от шелков волшебных снов
Взлетают лоскутки.

Ты — царь, одетый в пурпур, ты —
Благоуханный мир.
Тысячецветные цветы
Сошлись к тебе на пир.

МАНТАШУ

Манташ, долина — греза ты,
Смарагдовая колыбель.

Как пестрый шелк — твои цветы,
В их аромате сладкий хмель.

Хрустальный звон твоих ручьев,
Твоих напевов чистый звук
Несут забвенью бед и мук,
Тих ветерка дремотный зов.

Жар-птицы блещут серебром,
Кораллов клювы их красней.
Своим волшебным языком
Щебечут сказки меж ветвей.

Меня, как мать, всю ночь без сна
Река баюкает — на-на,
Журчанье песенке сродни,
Поет она — на-на, на-ни.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

В горы поднялся весь крестьянский люд,
С ним овец гурты и стада коров.
Зелены весной, щедры склоны; тут
Вырос целый стан хижин и шатров.

По крутым холмам чабанов отряд
Далеко стада гонит вверх с утра,
С грузом молока гонит их назад
В полдень, как доить подойдет пора.

А подпаски — те возле родника
Молодняк пасут, песни их звенят,
Игры заводя посреди лужка,
Носятся они порезвей ягнят.

Женщины тонир накалили в срок,
Лаваша пекут, как заведено.
Вот уж в кадках, глянью, масло сбито впрок,
Запахом цветов отдает оно.

Гаснет день. Дымок потянулся ввысь,
Он, как вечер, тих, умиротворен.
Ужинать в шатры горцы собрались,
Уж вот-вот сойдет на усталых сон. . .

2

На крутизне горы Манташ,
На склоне цветущем том,
Вдали белеет твой шалаш,
Овеянный ветерком.

Толпа твоих ягнят, козлят
Навстречу тебе бежит,
И блеет жалобно вослед,
И вниз со скалы глядит,
Когда в ущелье за водой
Сойдешь, где родник шумит.

8

Моя прекрасная Заро,
Подобно солнцу, ты придешь.
Улыбкой сумрак разогнав,
Подобно солнцу, ты придешь.

Цветы пылают на груди,
И на ногах роса блестит,
И ветер волосы твои
Дыханьем легким шевелит.

Приди же, лань моя, Заро,
Неслышной поступью приди,
Румянцем робким заалев,
Склонись, прильни к моей груди!

4

Заро в ущелье забрела,
Из ярких роз венки сплетая.
Вдруг на губу ее пчела,
Жужжа, садится золотая.

«Меня, красотка, не сгоняй,
Не то ужалю ненароком.
Скорее всласть напиток дай
Мне губ своих медовым соком.

Алее пышных роз стократ
Девичьих губ хмельное пламя.
Сравнится ль розы аромат
С благоуханными устами?»

Увы, влюбленных доля зла,
Куда удачливей пчела!

5

Ты там, где плещет водопад,
Смоль кос твоих в каплях рос.
Смеется нежных губ гранат,
И щеки — румяней роз.

А волосы вокруг плеч и рук
Обвились множеством змей,
Я мотыльком кружусь вокруг,
Вокруг любви своей.

Твои глаза синее вод.
Пусть в них свежей, светлей,
Чем небосвод, любовь блеснет.
Я жажду любви твоей.

О, взглядом разум мой затми!
Грудь затопи через край;
Дай сердце мне, мое — возьми,
Уста гранатные дай.

И губы кубком мне дала
Злаченным, с янтарным дном.
И, как безумцу, обожгла
Мне душу любви вином.

6

Твой поцелуй был так хорош,
Так сладок, словно мед.

В каких земных краях найдешь
Такой же сладкий плод?

Еще мне подари один!
С ним обойду весь свет.
Пусть усладит он все сердца,
Которым счастья нет.

7

Здесь птицы яркого пера
Порхают на лугах.
Тоски пора, любви пора —
В их звонких голосах.

И аромат
Вновь принесли
Ветра небес
Лугам земли.

Вокруг цветущих сказок сад,
Текут вином ручьи.
Твои лобзания звучат
В душе, как соловьи.

И, опьянясь
Тобой, тобой,
Песнь полилась
Сама собой.

8

Глаза твои — море бездонной лазури,
А косы волнистые — горный поток,
Сердце — что лодка, любовь — словно буря,
Прихоти милые, как ветерок.

Ночью ты — сон. Он горит не сгорая,
Как обжигающий пламень святой.
Днем ты в объятьях моих, дорогая,
Как улетающий сон золотой.

Эй, Арагац! От солнца алый,
 Куда стремишься, отзовись!
 В душе моей берешь начало
 И, словно песня, рвешься ввысь.

Твои цветы мне подарили
 Благоухание любви,
 И песни петь меня учили
 Певцы пернатые твои.
 И в песнях, что тебе слагаю,
 Звучит краса твоя живая.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

Шар солнечный с востока плыл,
 Прохладный ветер веял с гор,
 И с песней жаворонок взмыл,
 В цветах благоухал простор.

Ручей в уборе пенных риз
 Пещеры звонко окликал,
 Заро, как лань, спускалась вниз,
 Под шагом милым луг сиял.

Раздвиньтесь, скалы, перед ней,
 Дорогу, роза, укажи,
 Ее, терновник, не держи.
 Иди ко мне, Заро, иди.

Сверни свой пенный плащ, ручей,
 Пусть я прижму Заро к груди.

2

Собрались сотни павлинов тут,
 Всё озарив кругом,
 Как будто холмы и поля цветут
 Огромным живым ковром.

И птицы, не ведая смерти злой,
Поют о любви своей,
Они поют о своей дорогой,
Упиваясь песней о ней.

Словно касаясь легкой струны,
Ветер ласкает цветы,
Его дуновенья чисты и нежны,
И слышится песня мечты.

8

С моей Заро, рука в руке,
В ущелье мы спустились с гор.
Плеснули волны вдалеке,
Сверкнул печалью милый взор.

Взгляни, средь зелени густой
Лазурию озеро блестит.
Там ива плачет над водой,
Качаясь на ветру, стоит.

Пастух заснул там вечным сном,
Шумит листва, над ним склоняясь.
Преданье есть у нас о нем —
Послушай горестный рассказ.

4

Пери озера

Молодой пастух у воды сидел,
В зыбь озерную, наклонясь, глядел.
Дул в свирель свою, и к нему со дна
Чудо-девушку принесла волна.
Ярче золота у нее коса,
Глубже озера у нее глаза.
Говорит она: «О красавец мой,
Любовалась я сквозь волну тобой,
Пенье слушала, и отныне я
Отдана тебе, я раба твоя. . .
Дай же руку мне, и пойдем вдвоем
В глубину, на дно, в мой хрустальный дом.

Подарю тебе, благородный друг,
Огневых коней и покорных слуг,
Обнимаясь, мы будем пить вино,
Счастье вечное будет нам дано.
Обними меня, я тебя люблю,
Поцелуй меня, я тебя молю. . .»
Скрылась девушка в глубине, на дне,
Прыгнул юноша и исчез в волне. . .

5

Плывет, уплывает наш челн
Дорогою сна моего.
Лилейными крыльями волн
Качает, качает его.

Над синью озерной струи
Далекие звезды горят.
Склонясь на колена твои,
Вдыхаю я звезд аромат.

Волос твоих веющих прядь
Легко мне целует чело. . .
Но ветер дохнул — и опять
Их прочь от лица отнесло.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1

В вечерний час в простор полей
Пастух стада сгоняет с гор,
Вослед за ними к подруге моей
Спокойный сон слетает с гор.

Сегодня с лучами играла джан,
Светилом тешилась золотым,
Подобно солнцу, играла джан
Перстами-лучами с сердцем моим.

Перстами-лучами, рукою-цветком
Долго с сердцем играла моим,

Теперь устала, настигнута сном,
Как лань, под крылом задремала моим.

Усталое стадо бредет в поля,
Подруге моей навевает сон,
Шепот цветов, шорох ручья,
Шелест полей навевают сон.

2

Небо чистое, звезды горят,
Над долиной луна сияет,
Слышишь, нивы шуршат, шуршат,
Свежий ветер вздыхает.

Стайка птиц в простор высоты
Пролетает над нашим садом.
О, как тихо! Давай я и ты
Сядем, джан моя, рядом.
Сходит звездная ночь на поля,
Сердце пахаря отдыху радо,
Задремала во тьме земля,
И в ущелье спустилось стадо.
Слышишь песню птицы ночной?
Это песни твоей продолженье...
Пой, Заро, красавица, пой,
Пусть звучит твое сладкое пенье...

3

Песня Заро

Закрылись веки темноты,
И дол и горы сном объяты.
Над головою только ты
Сверкаешь солнцем без заката.

Я черных глаз читаю цель.
Твой взгляд, играющий агатом,
Меня за тридевять земель
Уносит царством тридесатым.

Мой друг, блаженство выше сил.
Я под собой земли не слышу.

Вели — огнем ночных светил
Тебе кушак алмазный вышью.

Ударил ветер в темноту,
И всё очнулось. Мой хороший,
Давай я косы расплету
И ветру их навстречу брошу.

4

Поцеловала нежно ты меня,
На миг, исполнена любви, прильнула, —
То не крыло ли соловья
По моему лицу скользнуло?

5

Помню, мне, мальчонке, бабушка-старушка
Сказывает сказку — сплю я без забот, —
Сон мой не приходит, расскажи мне сказку,
Сказку мне расскажешь — сон ко мне придет.

6

Сказка

Ты дремли, к плечу прислонясь,
Слушай сказку. . . В стране одной
Жил когда-то богатый князь,
А у князя — сын молодой.

И однажды княжеский сын
На охоту друзей созвал
И, отстав, среди поля один
Каждый куст обшаривать стал.

Вдруг он видит — лань из кустов,
Как стрела с тетивы, сорвалась,
И, прикрикнув на свору псов,
Вороного пришпорил князь.

Лань к избушке лесной спешит,
Вот в дверях исчезла она. . .
На пороге дева стоит,
Как цветок пурпурный нежна.

«Эй, охотник, коня придержи!
Лань моя проворней ловца. . .»
— «Ты колдунья иль пери, скажи,
Если лань твоя ловит сердца?»

Знай, что княжеский сын пред тобой,
Дай мне руку, сойди с крыльца,
Как невеста войдешь со мной
Во дворец моего отца!

Будешь жить ты в сердце моем,
И носить одежды из звезд,
И вдыхать в саду золотом
Ароматы пурпурных роз. . .»

Дева молвит: «На что мне трон?
Мой жених — пастух этих гор.
Мне дороже алмазных корон
Жениха влюбленного взор!»

— «Не пойдешь — тогда не пеняй!
Будешь силой приведена. . .»
— «Ты могуч и силен, но знай —
Лишь любовью любовь сильна!»

Молит, просит князь молодой:
«Я единственный сын у отца,
Сжался, гордая, надо мной,
Или горю не будет конца. . .»

Дева молча глядит на восток,
На зеленые склоны гор. . .
Князь трубит в охотничий рог —
Слуги мчатся во весь опор.

И сказал им князь молодой:
«Эта хата — дворец мой и трон,
Так возьмите коня с собой,
Мне не нужен отныне он.

Здесь разбейте шатер у окна
И скажите отцу о том,
Что, пока не полюбит она,
Не вернусь я в родимый дом. . .»

Дремлет Заро на плече у меня,
 Сонного не поднимает лица. . .
 Так и не кончилась сказка моя —
 Сказка любви не имеет конца. . .

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Монастырь стоит на горе,
 Мохом он порос и травой,
 Вкруг него на влажной заре
 Собрался народ кочевой.

Ныне празднуют Вардавар,
 На горе разбили шатры,
 Джигитовки самый разгар,
 Удальцы ловки и быстры.

Закипает мясо в котлах,
 И костры пылают-горят,
 Жены варят священный матах,
 Чтут они старинный обряд.

2

Пируют парни в холодке,
 Уж так заведено.
 Шипит шашлык на огоньке,
 И пенится вино.

С утра гремят зурна, даул,
 Их голос дик, могуч.
 Стоит в ущельях шум и гул,
 Дрожат подножья круч.

Сорвался с места молодец,
 Пустился в буйный пляс,
 И горы из конца в конец
 Ладоней плеск потряс.

Смолкла зурна. . . Над подругой своей
 Сладко рыдает покинутый рог, —
 Словно над розой склонясь, соловей
 В песнях печальных своих изнемог.

Юноша страстной любовью сражен,
 Голову в сладкой истоме склонил, —
 Словно в дремоте томительной, он
 Грустную песню о милой сложил.

Песня юноши

Дорогая — ты одна,
 В мире, знай, — лишь ты одна.
 В жертву жизнь тебе отдам.
 Расцветай же — ты одна.

Не приветишь — кровь прольешь,
 Не ответишь — кровь прольешь,
 Если сердце разобьешь —
 Семикратно кровь прольешь.

Колос ты, что в поле рос,
 Роза между алых роз.
 Я семь лет любовь таю,
 Сто заноз мне в грудь впилося.

Щедро ковер на ковер
 Здесь Арагац разостлал,
 В пышный одеты убор
 Склоны и выступы скал.

Чаши озер глубоки,
 Светится чистое дно,
 Пенятся, бьют родники,
 Как золотое вино.

Шумно на празднике роз,
Розы усеяли склон,
Много сюда собралось
Девушек смуглых и жен.

В воздух бросают они
Белых как снег голубков
И друг на друга в тени
Плещут водой родников.

Птицы поют в вышине.
Щебет их кто разберет?
Тот, кто влюблен, кто во сне
Птицей порхает, лишь тот.

Девушки розы дарят
Ярче весенних зарниц
И о любви говорят
Песнями огненных птиц.

6

Песни девушек

1

На вершине горы снег блестит первозданный, —
Опалил мое сердце ты страстью своей,
Я на снежные кручи взойду, мой желанный,
Станет жаркое сердце мое холодней.

Передай ему, ветер, мои пожеланья,
Он теперь вдалеке от жилья моего,
Целый год уже длится мое ожиданье,
Я умру за того, кто увидел его.

Я завидую вам, изумрудные птицы,
Изумрудным бы мне сповидением стать,
Чтобы тихо на ложе его опуститься
И бессонные очи его целовать.

Соловью, что в саду моем ночью поет,
 Я поведала сердца печаль,
 Чтоб умчался он с ней, чтоб унес ее вдаль,
 В край, где милый живет.

Ручейку, что в соседней долине течет, —
 Мои слезы, слезы мои,
 Чтоб с волнами струились, струились они
 В край, где милый живет.

Ветерку, прилетевшему с горных высот, —
 Моя вера, надежда моя,
 Чтоб умчал их, умчал за леса, за моря,
 В край, где милый живет.

У старого монастыря
 Сидит в тени слепой ашуг,
 С печальным сазом говоря,
 И плачет саз, и ранит слух.

Сказ ашуга

Стояла крепость с давних дней,
 В ней дева юная жила, —
 Сама красавицей слыла,
 А сердце — камня холодней.

И кто б с волнением в крови
 К ее ногам ни припадал —
 Лишь смерть в награду получал,
 Изнемогая от любви.

Все шли и шли сюда в тоске,
 Не уходя отсюда прочь,
 И всех от дома вдалеке
 Ждала безвестной смерти ночь.

Лишь раз на скакуне лихом
 Промчался мимо удалец,

Но на владычицу сердец
Не кинул взора и тайком.

В слезах, в тоске, не зная сна,
«Вернись!» — звала она, но нет.
Он не вернулся, канул след...
И в бездну бросилась она.

Стояла крепость на скале,
В ней дева юная жила, —
Она красавицей слыла,
А сердце — роза на стебле.

8

Всласть молодежь веселится,
Шумный ведет хоровод.
Девушка парня сразиться
В споре любовном зовет.

В спор тот включаютя тоже
Все их подружки — гляди! —
Бьют они громко в ладоши,
Розы у них на груди.

9

Плясовая

П а р е н ь

Девушка-краса,
Длинная коса,
Покажись дружку,
Не вгоняй в тоску.

Х о р

Джан Вардавар,
Вардавар,
В золоте
Стройный чинар.

Д е в у ш к а

Парень ты шальной,
Не тебе ль весной

На ковре из роз
Задремать пришлось?

Х о р

Джан Вардавар,
Вардавар,
Пой, соловей,
Песню чар.

П а р е н ь

Девушка-мечта,
Сладкие уста,
Сжался, жажду я
Сладкого питья.

Х о р

Джан Вардавар,
Вардавар,
Розу сорвал
Милой в дар.

Д е в у ш к а

Что ж ты, парень, джан,
Жаждой обуян?
Песней соловья
Разве ты не пьян?

Х о р

Джан Вардавар,
Вардавар,
Смелее будь,
Умчи яр!

Пришел любовным играм срок —
Веселье, смех, что ни игра.
Хлопки и песни, топот ног
Не затихают до утра.

10

Прекрасна эта ночь в горах!
С высоких звезд струится мед,

И ветра каждый вздох и взмах
О дальней стороне поет.

Щебечут птицы. К клюву клюв
Прижав, спешат в цветах уснуть.
Подобно им, и мы, уснув,
Прижмем теснее к груди грудь.

Мы будем пить небесный мед,
Когда среди цветов уснем,
Глядеть на звездный хоровод,
Когда с тобой меж звезд уснем.

Обняв друг друга, я и ты
На крыльях ветра полетим
Со звезд на звезды — я и ты —
В тот искрометный звездный дым!..

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Как беспощадно туча звезды прячет,
Как беспросветна эта злая ночь,
В моем пустынном сердце кто-то плачет
Кровавыми слезами в эту ночь.

Безжалостная роза грудь закрыла,
А все шипы открыла в эту ночь
И сердце соловьиное дарила
Кровавыми слезами в эту ночь.

И в эту ночь таинственной печали
Скатилась с неба яркая звезда.
Ах, той звезды прекрасней не видали —
То сердца моего была звезда.

2

Я к Заро на рассвете пришел,
У порога любимой стою.

Двери заперты крепко, Заро
На мольбу безответна мою.

Но за дверью ягнята ее
Откликаются, плачем звеня.
Иль понятно им горе мое
И, быть может, им жалко меня?

Ей скажите, чтоб дверь отперла,
Сжал мне сердце мучительный страх.
Этой ночью мне снилась Заро
В безутешной печали, в слезах.

3

Мне озеро привиделось во сне,
Сверкающее золотой волной,
И милая моя, и рядом с ней —
Красавец юный в лодке золотой.

У милой на груди цветы полей,
Лишь розы нет — счастливцу отдана.
Мои сомненья, ветерок, развей,
Скажи, что мне любимая верна.

Но юноша жемчужин светлых нить
На шею милой весело надел. . .
О нежный ветерок, не может быть,
Чтоб он ее душою овладел!

В его объятиях любовь моя,
И поцелуев лепет над водой. . .
На берегу мертвец, и это я,
И только ива плачет надо мной.

4

Буду жертвой твоей, только дверь мне открой,
Перед домом твоим я, задумчив, стою,
Пусть сиянье твое заблестит предо мной,
Черен мир над поникшей моей головой.

Ты сожгла мое сердце огнями очей —
Дай хоть каплю воды истомленным устам,

Ты изранила сердце мечами бровей, —
Дай лекарство для раны жестокой моей.

На вершинах для тучи приветливый дом
И пещера скалистая — ветра приют,
Но куда же деваться мне в горе таком,
Дверь открой, я умру на пороге твоём.

5

Из сердца моего ты унесла
Свою любовь, и рана в нем зияет...
Безжалостная, навсегда ушла, —
Теперь меня ничто не исцеляет.

Зачем не вырыла могилу ты,
Как эта рана, темной и глубокой
И прах мой не зарыла у воды
Озерной, под чинарою высокой?
В могиле тесной, черной, словно ночь,
Похоронив меня, ушла бы прочь...

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ

Где жизнь есть, там и горе есть,
И снадобье от горя есть, —
Моих же бед не перечечь,
Я в черный день рожден на свет.

Где яр есть, там и радость есть,
Приют в любимом сердце есть, —
Моим же грезам не расцвечь,
Моей любви приюта нет.

Заря согрела наш порог:
«Открой мне дверь, голубка-мать,
Твой сын от горя изнемог,
Ах, поспеши его обнять!»

1895—1917
Мангаш

296. АБУЛ АЛА МААРИ

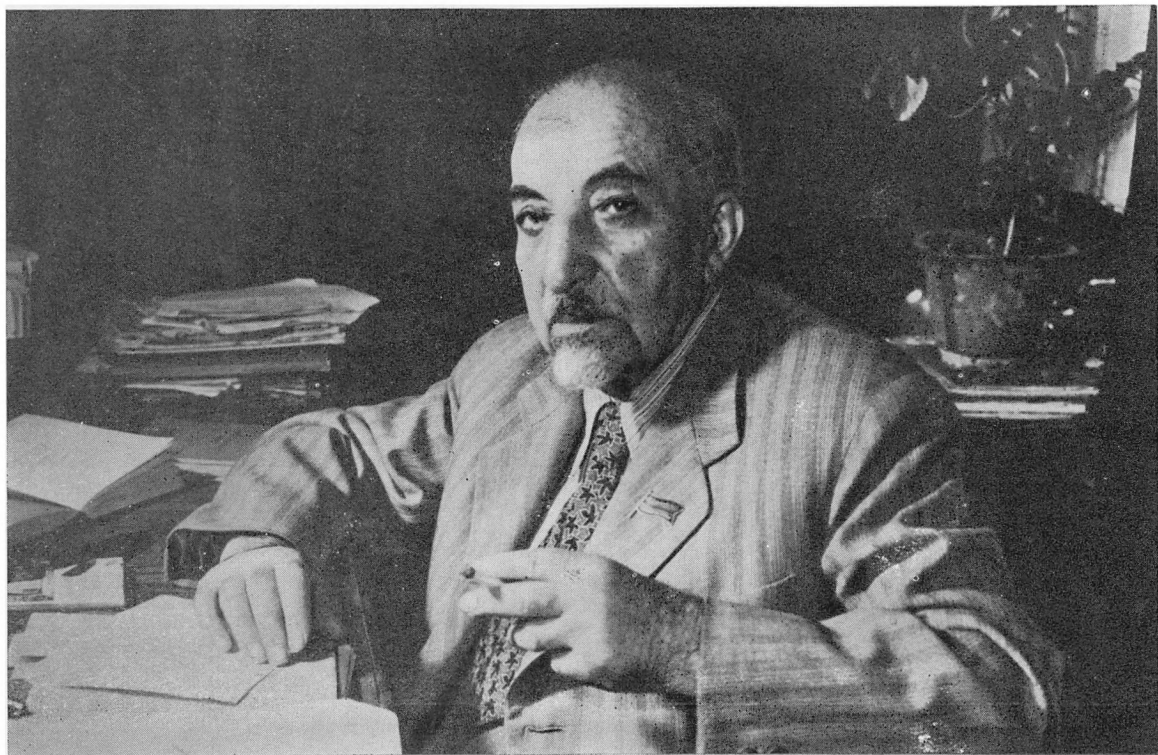
Касыда в 7 сурах

ВСТУПЛЕНИЕ

Абул Ала Маари,
Поэт знаменитый Багдада,
Прóжил три раза десять лет в великолепном граде
калифов,
Прожил в усадях и в славе;
У вельмож и богатых садился за стол,
С учеными и с мудрецами вступал в разговор,
Друзей любил и изведаль,
В землях разных народов бывал; смотря, наблюдал и
людей и законы, —
И его пронизательный дух постиг человека, постиг и
глубоко возненавидел.
И так как он не имел ни жены, ни детей,
Нищим он роздал богатство,
Собрал караван из верблюдов, взял несколько старых,
испытанных слуг,
Взял припасы в дорогу и ночью, когда
Под сладострастные шелесты пальм в сон погрузился
Багдад на берегах, кипарисами убранных, Тигра,
Тайно из города вышел.

СУРА 1

И караван Абул Алы, как ручей, что, журча, бежит средь
песков,
В дремотной ночи неспешно шагаль, со звяканьем нежным
больших бубенцов.

Ահա - շալա մեկարհ:

Քարեր:

Ահա - շալա մեկարհն,

Պաշտարանս Բաշտարհն Բաշտարհն.

Առանձնակ քարերն ապրտյ յաւրթաւնիս հոյակոյ իւրաքան.

Ապրտյ փառքի և լաւիսի սր.

Պաշտարհ և Տրտարաննիս հիտ սրան զարտ.

Քարանձիս և իմարաննիս հիտ լիսի իսր.

Պարտ և փորձի լիսիսիս.

Ելա ուրիշ-ուրիշ ապրտիս հոյակոյնիս,

Արտա և արտիս իւրտիս և օրտիս:

Եւ զարտ իւրտիսն ուրտիս իւրտիս.

Տարտիս և իւրտիսն ապրտիս իւրտիս և զարտ օրտիս:

Եւ արտիսն լաւիսիս և իւրտիս.

Իր իւրտիս հոյակոյնիսն Բաշտարհն ապրտիս.

առաւ իր փորձիս իւրտիսն իւրտիսն և իւրտիսն.

Եւ իր արտիս իւրտիսն Բաշտարհն իւրտիս և իւրտիսն

հոյակոյնիսն ապրտիս -

Բաշտարհն Բաշտարհն - իւրտիսն...

Размеренным шагом путь совершал ночной караван,
висясь как змея,
И звон сладкозвучный лился, затоплял погруженные в
сон немые поля.
Облелеянный негой, в дремоте Багдад был истомой объят
райски-пламенных грез,
В гелистанах газели пел соловей: песни сладкие страсти
пел сладко до слез.
Водометы смеялись, роняя вокруг алмазный смех,
ясный смех без конца;
Благовонных лобзаний лился фимиам от кристальных
киосков в преддверьях дворца.
Ароматом гвоздики рассказывал ветер сказки древних
времен, сказки Шехерезад;
Кипарисы и пальмы в изнеженном сне у старой дороги
качались в ряд.
И караван, висясь как змея, назад не глядел, звенел
дальше во мглу,
Неизведанный путь неисчетностью чар манил и ласкал
Абул Алу.
И другой караван — бриллиантовых звезд — свой путь
совершал по небесным путям,
И торжественно-ясный, божественный звон звенел
в беспредельных просторах и там.
Был полон весь мир, очарован во сне беспредельным
напевом, перезвоном с небес,
И душой ненасытной Абул Маари неумолчным внимал
перезвонам с небес.
«Иди, всё иди ты, мой караван! шагай всё вперед,
остановок нам нет!»
Так в душе сам с собой говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«В пустыню веди, к безлюдным краям, свободным,
святым, в изумрудную даль,
К солнцу стремись, торопись! будет мне в сердце солнца
спалить свое сердце не жаль!
Вам «прости» не скажу я, могила отца, материнская
люлька под кровлей родной,
С былым мое сердце в ссоре навек: с тобой, отчий дом!
память детства, с тобой!
Когда-то любил я сердечно друзей, и далеких и близких,
не всех ли людей,

Но стала любовь ядовитой змеей и огненной мучит отравой своей!
Я всё ненавижу, что прежде любил, что в душах людских мой взор подсмотрел:
Тысячу зол я в людях обрел — отвратных и черных, позорных дел!
Но тысячу первым гнушаюсь я злом — лицемерием гнусным, что хуже всех зол,
Я бегу от него, ибо красит оно человеческий лик в святой ореол.
Язык человека! души его ад в покров убираешь ты, в сотню прикрас,
В лазурный намет, в поцелуй, в аромат, — но правдивое слово сказал ли хоть раз?
Язык человека! Отравленный дрот! Мед струя, ты мне сердце пробил, как стрела.
В сердце умерло небо любви и надежд, и, как солнце заходит, в нем вера зашла.
В пустыню иди ты, мой караван! в безлюдный, и в дикий, и в знойный край!
Под грозной стеной медно-рыжих скал там сделай привал, меж зверей отдыхай!
Где гнезда ехидн, разобью свой шатер! разобью свой шатер, где спит скорпион!
Вдали от людей будет в тысячу раз безопасней, покойней, прекрасней мой сон!
Безопасней, чем в дни, когда я преклонял главу утомленно другу на грудь,
Ах, другу на грудь, под которой всегда разверстая бездна готова сглотнуть.
Доколе Синая седую главу суровое солнце будет палить
И желтые груды в пустыне нагой, как волны морей, волноваться и бить, —
Я не захочу увидеть людей, друзей былых и кровных родных,
Я не захочу услышать о них, об их делах, ничтожных и злых!»
В последний раз Абул Маари, обратясь, на Багдад уснувший взглянул,
Свой морщинистый лоб с отвращеньем отвел и к шее верблюда любовно прильнул,

Со сладостной лаской поэт целовал горячим лобзаньем
верблюда в глаза,
И одна за другой палящей росой по ресницам поэта
стекала слеза.
Со звяканьем нежным, качаясь в песках, спокойно,
размерно шагал караван,
По пустыне вперед совершал свой поход к голубым
берегам неизведанных стран.

СУРА 2

И тот караван, вивсь как змея, меж пальм горделивых
свой путь совершал.
И песок поднимал, песка караван, и ветер игривый ту
пыль разведал.
«Вперед, караван! что кинули мы, чтоб глядеть, сожалея,
на жизнь прошлых лет?»
Так в душе сам с собой говорил с тоской Абул Маари,
великий поэт.
«Что за нами осталось, о мой караван! чтоб вернуться
назад, в отчизну свою?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родных
и семью?
Покинули мы людей и народ? закон, справедливость,
отчизну, права?
Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цепи, обман
и слова!
Ах! женщина что? кровожадный паук, коварный и
лживый, тщеславье без дна,
Что любит лишь хлеб твой; и, яд в поцелуй вливая,
другому она продана!
На ветхой ладье лучше в море плыви, чем женщине,
клятве преступной, поверь:
Устами ее Иблис говорит! о блудница, в красивом
обличии зверь!
О лилии чистой, лучистой звезде ты мечтал, ты желал
спать под светлым крылом,
Ждал, что будет она бальзамом для ран, над страдающей
жизнью сияющим сном, —
Ты грезил о песне, как песнь родника, что влечет и поет
в голубых берегах.

Жаждал сладостных слез на небесной груди, бессмертной
росы на прелестных очах!
Но жаждущим душам женщин любовь только горечь
сулит, как морская вода.
В сладострастном томленьи ты тело лобзал, не насыщенный
и с новым желаньем всегда!
О бесстыдное тело женщин! змея! преступленья и зла
сатанинский сосуд!
Упоения горьки, палящие плоть, и на солнце души они
тучу несут!
Ненавижу любовь, этот буйный прибой обжигающих
больно, палящих пучин,
Этот сладостный яд, опьяняются чем и жалостный раб,
и царь-властелин!
Ненавижу любовь, что жестока, как смерть, что рождает
повсюду зло без узды,
Неисчерпаемый ключ, что струит на весь мир постыдную
тину вместо воды!
Ненавижу я женщин, лобзания их, гнушаюсь коварств,
оскверняющих нег,
От порочного ложа ласки бегу и родильницы одр
проклинаю навек!
Вас, жестокие роды и боли, клянусь! порождаете вы стаю
хищных вилер,
Что, клубясь, шипят и друг друга язвят, чадной
страстью сквернят звезды выпретенных сфер!
Тот бесчестен, себя превратил кто в отца, из блаженного
сна вызвал новый росток,
В жизни сей стебелек на страданья обрел и над ним
бытия геенну зажег!
«Согрешил мой отец в былом предо мной, но я ни пред
кем греха не свершил!»
Напишите так на могиле моей, если мне суждено ведать
радость могил.
Доколе вокруг изумрудных берегов Геджаса гремит
прибой удар —
Желать я не буду женской любви, искать я не стану
обманчивых чар.
Скорей возжелаю терновник ласкать, его куст целовать,
что дик и колюч,
Скорей на скалу главу положу, ланитой прильну на
камень горюч!»

И караван, стозвучно звеня, свой путь продолжал, вился
как змея,
Спокойно и стройно к пустыне нагой он шел всё вперед
в золотые поля.
Казалось, рыдали в ночи бубенцы и звонкие слезы
по капле лились,
Как будто рыдали о том, что в былом любил Маари,
и твердили: «Вернись!»
Свирели зефиров пели во мгле так сладко, нежней, чем
напевы шарги,
Про раны любви, про тоскливую скорбь, про тихие сны
и мечтанья тоски.
Были сумрачны думы Абул Алы, и грусть его снов —
без конца, без границ,
Как путь, что угрюмо тянулся средь мглы, вился меж
песков без конца, без границ.
В душе тосковал Абул Маари, безнадежной тоской было
сердце полно,
К созвездиям нежным он взор устремлял, с безбрежным
путем сливаясь в одно,
Но назад не глядел на пройденный путь, и душа не
горела забытым былым,
Отвечать не хотел на приветы других и приветов не
слал караванам другим.

СУРА 8

И караван Абул Алы, как ручей, что журчит посреди
тишины,
Спокойно и стройно шел всё вперед при сладостном
свете смиренной луны.
И луна, словно грудь юной девы — из тех, что мечтают
в дженнате, прозрачна, светла,
То стыдливо скрывалась во мглу облаков, то зыбко и
нежно по небу плыла.
В благовонную дрему укрылись цветы, из алмазов надев
несравненный убор,
Птицы, с крыльями радуг, ласкались, дрожа; доносился
их щебет как радостный хор.
Ароматом гвоздики нашептывал ветер сказки древних
времен, сказки Шехерезад;

Кипарисы и пальмы в изнеженном сне у старой дороги
качались в ряд.
Сказкам ветра внимая, Абул Маари сам с собой говорил,
знаменитый поэт:
«Вся вселенная — сказка, полная чар, где нет конца и
начала где — нет.
Кто же сплел эту сказку, роскошный рассказ, сплел
с ней вместе созвездья, бессчетность чудес?
Говорит беспрестанно с таким волшебством на
бессчетность ладов, говорит, но исчез?
Возникают народы, уходят во мглу, но никто разгадать
смысла сказки не мог.
Лишь поэты порой, что-то в ней угадав, бессмертный
напев оставляют в залог.
Начала ее не слышал никто, не услышит никто ее конца,
Но веками живет каждый жизненный звук, без начала
живет, живет без конца.
Для каждого, кто приходит в сей мир, прекрасная
сказка также нова,
Начинается с жизнью, до смерти звучит, пока жив
человек, эта сказка жива.
Вселенная — сказка, жизнь — некий сон, народы —
прохожий в пути караван,
Идущий вперед с пламенеющим сном к недвижным
могилам неведомых стран.
Слепцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля
той сказке святой,
Вырывают с борьбой друг у друга куски, друг друга
толкают к могиле с борьбой.
Мы создали сами законов ярмо; паук нам расставил
губящую сеть;
Волшебную сказку мы сами мертвим и снам не даем их
огнем пламенеть.
Злосчастные люди! всё будет лишь прах: ваши злые
сердца и дела ваших рук.
Безучастное время сотрет все следы кровавой расправы,
и славы, и мук!
И ветер беспечный будет свистеть над плитами ваших
забытых гробов,
Ибо вы не сумели упиться вполне этой сказкой
волшебной, целебностью снов!»

Меж тем караван бриллиантовых звезд свой путь
совершал по небесным путям,
И торжественно-ясный, божественный звон звенел
неумолчно в просторах и там.
Был полон весь мир, очарован во сне беспредельным
напевом, перезвоном с высот,
И душой ненасытной Абул Маари неумолчным внимал
перезвонам с высот.
«Иди, караван мой! сплетая свой звон со звоном
небесным, нетленным, иди!
В материнское лоно природы веди, развей мои стоны,
назад не гляди!
В тот светлоодежный, неведомый край, к одинокой,
далекой, безвестной стране,
Где есть мой оаз, где грез моих ключ звенит, освежая,
в святой тишине!
Молчаливое небо! со мной говори языком твоих звезд и
меня утешай!
Ты сердце мое, что мир уязвил, что ужалили братья,
в тиши обласкай!
Свободен мой дух! над собой не терплю я ни силы, ни
власти, всё — воля моя:
Нет для меня ни блага, ни зла, ни суда, ни закона,
я сам — свой судья!
Над моей головою быть не должно ни защиты, ни крова
от вечной Судьбы;
Пусть вне жизни моей как в темнице темно, пусть
там, где не я, цари и рабы!
Быть хочу вне пределов, не ведать владык, долга не
знать, забыть божество:
Быть свободной безмерно, безгранно во всем — душа
моя жаждет лишь одного!»
Караван всё вперед совершал свой поход, и сияли над
ним — так смеется дитя —
Очи вечно свободных, сверкающих звезд, в тверди синей
над тихой пустыней блестя.
Росою волшебной в дремотной ночи весь искрился путь
в бирюзовой дали;
В бирюзовую даль, в безмятежную даль верблюды,
качаясь, размеренно шли.

Как гигантская птица, черная ночь широко простерла
 крылья свои;
 Огромные крылья нависли, покрыв караван, всю
 пустыню, оазы, ручьи. . .
 И от дали до дали сумраки туч разостлали по небу,
 чернея, кайму;
 Луна и созвездья утратили свет, и казалось, что тьма
 окутала тьму.
 Налетали сурово ветры, стена, словно кони, сорвавшись
 с узды иль с цепей;
 В урагане кружились, крутились в борьбе облака и
 песок сожженных степей.
 Смертоносную дрожь вызывали, свистя, и на сто голосов
 завывали вокруг,
 Словно звери на воле, от боли рыча, из железных
 затворов ринулись вдруг.
 Вились по ущельям, с весельем вопя, листья пальм по
 оазам крутили, шурша,
 И скорбный псалом запевали потом, словно чья-то в
 пустыне рыдала душа.
 «Иди, караван мой! стойко иди! против ветра вперед!
 остановок нам нет!»
 Так в душе сам с собой говорил с тоской Абул Маари,
 великий поэт.
 «Войте, лютые ветры! ревите кругом! обвевайте вы,
 вихри, главу мою!
 Вот, робости чужд, с непокрытым челом, я, буйные
 ветры, пред вами стою.
 Нет, я не вернусь назад в города, где ликует, бушует
 мутная страсть,
 Не вернусь никогда я в те города, где людская царит
 кровожадная власть.
 Нет, я не вернусь, бездомный, домой! я сам погасил свой
 отчий очаг.
 Горе тому, кто живет в доме, кто не смеет, как пес,
 отойти ни на шаг!
 Налетите, о ветры, на отчий мой дом! Расшатйте устои,
 разрушьте в нем всё!
 Развейте по свету безбрежному пыль! Дорога без края —
 мое жильё!

Уединенье — отчизна моя! отчий кров мне теперь —
в звездах небеса!
И караван — теперь мне семья, и мой покой — пустынь
голоса!
О чудесный мой путь, неизвестный всегда, вечно полная
жизни отчизна моя!
Уводи меня вдаль! сердце, полное слез, уводи в те края,
где один буду я!
И куда б ни привел — и оттуда спешу: на пути
остановка — новая боль!
Добрый путь, уводи, дай исчезнуть, пропасть, дай
скрыться от всех, затеряться позволь!
Что осталось за нами, о мой караван, чтоб вернуться
назад, в край близких моих?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, семью
и родных?
Людей и народ покинули мы? закон, справедливость,
отчизну, права?
Иди всё вперед! покинули мы лишь оковы и цепи, обман
и слова!
Что слава? Сегодня возносят тебя, именуя, ликуя, к
последней черте,
А завтра с презреньем камнями бьют и топчут,
повергнув в своей слепоте.
Что честь или что уваженье людей? чтут золото только,
из страха нас чтут,
Но чуть поскользнешься — стал честен другой, над
тобой же свершают безжалостный суд.
И что же богатство? им каждый глупец покупает и
власть, и талант, и любовь.
Богатство — то трупы убитых людей, и слезы сирот,
и пролитая кровь.
Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле брани и злобы,
где правит толпа,
Где тиран беспощадный во славу свою в пирамиду
слагает жертв черепа!
Ненавижу отчизну! она богачам тучным пастбищем
служит для всяких потреб,
А пахарь бесправый кровавой земли голый камень
грызет, взирая на хлеб!
Ненавижу я чернь! раболепна, тупа, она повторяет
любой глупый толк.

Но, духа гонитель, насилья упор, она, власть почуяв,
свирепа, как волк!
И общество что? только лагерь врагов, где всё неизменно
в презренном плену.
Оно не выносит паренья души, стремленья свободной
мечты в вышину.
Общество — обруч, сжимающий дух! ужасающий бич,
свистящий под смех,
Ножницы жизни, что режут людей, чтобы равными
сделать, похожими всех.
Ах! что и законы? самими людьми в руки сильных
дается отточенный меч,
Чтобы сильных хранить, чтобы слабых губить, чтобы
голова бедным безжалостно сечь.
Я ненавижу, во гневе святом, людские законы, права
и суды.
Где властен закон, там бедняк угнетен; где не дремлют
суды, там свобода вражды.
Путь неведомый мой! бесследно укрой меня вдалеке от
кровавых прав!
Пусть лучше меня растерзает тигр, чем в силу закона
буду я прав.
Меня уведи, о мой караван! ехиднам доверь, под песком
схорони!
Шаг в пустыню направо, от закона избавь! да в великой
свободе пройдут мои дни!»
А в ярости буйной огнистым мечом руки молний рубили
по мглистости туч,
Дробились в упор о выступы гор, и гром грохотал,
непокорно-могуч.
Ветры вопили в оазах вдали, кипарисы и пальмы
шумели, треща,
И караван под звон бубенцов безудержно, быстро
бежал, трепеща,
Бежал он, летел он под звон-перезвон, песчаным плащом
покрывая свой путь,
Как будто гонимый незримой рукой, от грозной погони
спеша ускользнуть.

СУРА 5

Благоухали в полдневном жару нарцисс и затор, дыша,
все в цвету,

И караван, затерян в пыли, подвигался вперед, утомлен
и в поту.

«Иди, караван мой! сквозь бурю и зной, в пустыню
войди, остановок нам нет!»

Так в гневе, с тоской говорил сам с собой Абул Маари,
великий поэт.

«Пусть встретит меня обжигающий ветер, след в горячих
песках пусть сотрет он навек,

Чтоб меня человек не нашел никогда, чтоб рядом со
мною не дышал человек.

От людей я в пустыне буду спасен, так кого же еще мне
бояться теперь?

С громким рыканьем в песках на меня пусть нападает
яростный зверь!

Уже вижу я львов рыжешерстных вдали, что глядят на
меня, тая свой порыв,

И ветер свегает тысячу искр на желтый песок с их
желтеющих грив.

О придите, взываю, я не бегу! придите пожрать
уязвленную грудь!

Я назад в города не вернусь никогда, в людское жилье
не войду отдохнуть.

Быть должно с людьми на страже все дни, с оружием
в руках озираться вокруг,

Чтоб тебя не обидел, не растерзал, накинувшись вдруг,
и недруг и друг.

Что люди? под маской — дьявольский лик! у каждого
коготь и жало найдешь,

Копыто и клык; их лживый язык всегда ядовит и колет,
как нож.

Что люди? Им любы крохи твои! Взирает их взгляд, где
от денег ключи.

Готовы отречься, готовы предать, что стая лисиц,
палачи, палачи!

Все низкопоклонны, продажны все, малодушны
и лстивы во дни нищеты,

Все немилосердны, мстительны все, во дни богатства
кичливы, пусты.

Обозревши пески, если счесть все шаги, что мой караван
по дороге прошел,

Несчетность шагов не сравнится с числом в единые сутки
свершаемых зол.

И вот говорю я: услышьте меня, ты, Север и Запад, ты;
Юг и Восток!
Чьи враждебные ветры внемлют теперь правдивым
словам, что путник изрек!
Услышьте, развеите жгучую речь, пусть от моря до моря
узнает весь свет,
Что хуже, постыдней, чем человек, что жесточе его —
создания нет.
Люблю я шакала и с жалом змею, и лишь к человеку
во мне нет любви.
Кто столь же нещадно мучил меня? чьи алчные руки
столь же в крови?
Доколь над пустыней в синей выси огневует созвездий
за взглядами взгляд,
Доколь, воздымаясь, волны песка под ветром шумят и
как змеи шипят, —
Я не захочу человека узреть, не вернусь к прежней
жизни в отчизне, как в плен,
Пусть вихрь огневой встает предо мной, пусть мне
угрожают зубы гиен!
Беги, караван мой! от шумных пиров, безумных,
развратных, бесстыдных всегда,
От гнусных базаров торговли и лжи, от мерзостных
скопищ без капли стыда!
От женщин беги и беги от любви, от дружбы и мести
беги целый день.
Мне ненавистно всё, что с людьми, мне ненавистна
людей даже тень.
Иди, караван мой, иди, попирай копытами землю, права
и закон
И пылью пути своего покрывай как добро, так и зло, —
беги дальше под звон!»
Выпрямив выи крутые свои, верблюды бежали, как
ветер легки,
Бежали под звон, и по их следам, как другой караван,
клубились пески.
Бежали под звон — по сожженным степям в даль
неведомых стран, к золотистой дали,
Оазы, деревни, деревья, поля исчезали за ними в
песчаной пыли.
Словно испуган, Абул Маари бежал неустанно всё к
новым местам,

Как будто бы люди, женщина долго гнались беспрестанно
за ним по пятам.
Под звон-перезвон проходил караван безвозвратно, не
глядя, чрез множество стран,
Мимо сумрачных башен больших городов, где наживой
и страстью люд алчущий пьян;
Мимо скорбных строений глухих деревень, столетья
объятых довольством тупым;
Бежал неустанно к пустыне нагой, с постоянной тоской,
по степям золотым.
Караван всё бежал и ночи и дни свой путь совершал,
вясь как змея,
И в душе размышлял Абул Маари, нахмутив чело и гнев
затая,
Он плакал без слез, и в сердце впилась немая тоска без
конца, без границ,
А путь его рос, дорога вилась по равнинам песка без
конца, без границ.
Не хотел он взглянуть на пройденный путь, и прошлого
было не жалко ему,
Без ответа приветы других оставлял и приветствий не
слал по пути никому.

СУРА 6

И караван Абул Алы, врат пустыни достигнув, стал,
утомлен.
Аравийской великой пустыни предел пред ним
простирался, солнцем сожжен.
Берега кругозора над далью песков загорались один за
другим, в свой черед;
Черно-бархатный плащ поднимала мгла;
в фосфорическом блеске дрожал небосвод.
И близ каравана Абул Ала, одинокий, спокойный,
задумчивый, сел,
Главу приклонив на златистый утес, он пристально в
даль голубую смотрел.
«Как свободен, свободен безбрежно я!
ужель берега пустыни сполна
Вместят, заключат свободу мою, обнимут свободу без
граней, без дна?»

Не достигнет рука человека меня, не подсмотрит никто
моих пламенных грез.
О свобода! ты — светлый, святой аромат роскошных, в
раю расцветающих роз!
Венком этих роз меня увенчай, свой факел зажги
в потемках души!
Ты, свобода, бессмертный, святой Аль-Коран соловьев,
что в раю распевают в тиши!
Царица пустыня! ты — мир золотой одиночества!
здравствуй, святое жильё!
Благословен непорочный край, где люди людей не
терзали еще!
Протянись, расстели мятежных песков безбрежное море
во все концы,
Покрой всех людей, упокой города, селенья, сады,
лачуги, дворцы!
С драконами бурь пусть вольность твоя повсюду отныне
над миром царит,
И, пронзая лазурь, пусть солнце, горя, свободу пустыни
везде золотит!
Волшебством неисчетным, чарующим сном, всё пылая
огнем, воздвигает чертог.
Над вселенною Солнце, раскинув власы, — встало Солнце,
встал Шемс, кто сильнее, чем бог!»
И пышное Солнце встало, горя, над великой пустыней,
как шар заалев,
Засверкали, зажглись золотые пески, как восставший
гигант, титанический лев.
«Салам тебе, Солнце! шюкр без конца! материнское
лоно, бессмертная мать.
Только ты есть добро, милосердо лишь ты, лишь тебе
вся любовь! свят, свят, свят, благодать!
Ты бессмертным восторгом наполнило грудь Зороастра-
пророка когда-то давно!
Завязь, полная жажды, здесь сердце мое: пурпуровое
влей в мое сердце вино!
Ты — нетленная чаша вселенной, в тебе — золотых
опьянений и радостей хмель,
Ты — бездонная чаша негаснущих чар, ты — бессмертных
и чистых восторгов купель!
Опьяняй же меня! опьяняй же меня! неисчерпным вином
опьяняй меня!

Чтоб забыть навсегда скорбь, и зло, и людей, и ночи
обман, и насилие дня!
Ты сзываешь весь мир на немолкнуший пир, ты —
вселенной добро, и сумрак — твой враг!
Необорный противник, сражаешь ты мглу, ты сильней,
чем бог, ты — праведный стяг!
Опьяняй же меня блаженством твоим, твоей светлостью
вечной меня опьяняй!
Всё, что ранит в былом, да канет навек в благовонный,
бессонный, бездонный твой рай!
Только ты есть добро, милосердо лишь ты, — ты
бессмертная мать, благодать, свят, свят, свят!
Поправшее смерть, ты — мать весны, ты выше чудес,
ты прекрасно стократ!
Тебя я люблю! тебя я люблю! жги, язви, опаляй меня
среди пустынь,
Палящей любовью меня обласкай и золото косм мне на
душу кинь!
Мне уста окровавь, на них наложив, как палящий пожар,
золотой поцелуй!
Мне объятья раскрой, чтоб с блаженной тоской я кинулся
в бурю пламенных струй!
Эй, верблюды, пора! поднимайтесь! — вскричал, обратясь
к каравану, Абул Маари. —
От копыт отряхните проклятую пыль прежних, рабских
дорог в свете новой зари!
И в последний раз внимлите словам: я вас ненавижу,
люди земли,
Ваших вер не хочу, гнушаюсь я всем, и злом и добром,
всем, что вы обрели!
Лишь цепи кует, создает человек лишь тюрьмы рабам
каждый день, каждый час.
Я вас ненавижу навек, навек! о, в последний раз
ненавижу я вас!
Пусть оглохнет мой слух, чтоб его не смущал
ненавистный шум, человеческий шум,
Пусть ослепнет мой взор, чтоб вовек не желал
оглянуться назад, на людской самум!
Вперед, караван мой! веками лети! веками мчись к
Солнцу, взвивайся, как пух,
Чтоб в светлых огнях, в пьяных лучах осолнчился я,
обессмертил свой дух!

О Солнце-родитель! пурпурным плащом мне плечи
покрой в моей новой судьбе,
Чтоб я, победитель, лазурным путем стремился мечтой
всё к Тебе, всё к Тебе!»

СУРА 7

И златистые челны — верблюдов ряды, прорезавши
волны огнистых песков,
Помчались, качаясь, взрывая следы, в златистую даль
под звон бубенцов.
Никакие самумы палящим крылом не догнали бы их
меж песчаных долин,
И их не догнал бы звенящим копьем, на быстром коне
летя, бедуин.
И пальмы оазов, как пери светлы, лобзанья дарили Абул
Маари
И пламенной сказкой, приветом любви услаждали его
от зари до зари.
Но он не внимал нежным шелестам их, приветам любви,
что шептала заря,
Он к Солнцу, он к Солнцу упорно летел, сам Солнцу
подобен, как Солнце горя.
За ним расстилалась пустыня одна, залитая светом,
лишь светом одним,
А знойное Солнце в сапфире волос, пронизанных
светом, горело над ним.
Недоуздок на воле, мчался верблюд бесшумно, безумно,
рьяно вперед
В желто-пламенном поле, не ведая пут, безраздумно,
бездумно и пьяно вперед.
Под пылающим сонмом небесных лучей над верблюдами
словно горели венцы,
Немолкнушим звоном вольней, веселей, свободней
звенели везде бубенцы,
И, пурпурным плащом одет, Маари летел, погружен
в божественный сон,
Лазурным путем от зари до зари всё к Солнцу, всё к
Солнцу летел, опьянен.

297. МГЕР ИЗ САСУНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Встал храбрый Давид, князь Сасуна, — и вот
На Мысыр он войной идет.
И вот за уходом Давида вслед
Хандут-госпожа
Завершила круг —
Принесла на свет
Младенца, чтоб мощь унаследовал он,
И земли Сасуна, и джоджанский трон.

И, как стародавний обычай велит,
Пришли все старейшины дома Джоджанц,
Не в пеленки младенца они облекли,
А цепями от плуга его оплели,
И сказали старейшины дома Джоджанц:
«Если мальчик железные цепи порвет,
Значит, воли он хочет, ее обретет,
Он — нашего рода: отец его — лев».

А мальчик руками, ногами сучил,
И звенья раздались, и цепь он разбил.
И вестник к Давиду сквозь войско спешит.
И к Хандут свой наказ отправляет Давид:
«Чтобы сыну, чтоб львенку имя сыскать,
Ты отца моего имя возьми.
Надо Мгером его назвать».

Над нашей страной владыкою должен он стать.
Кто ломает железо, тот управляет людьми».
И горестный день пришел:
Скончался могучий Давид.
Боль сердца убила Хандут,
И Мгер одинок и сир
Остался, вступая в мир.

И тогда брат Давида — Чинчхапорик —
Над могучим Сасуном владыкой возник.
Всё добро, все сокровища брата он взял,
И растить и выхаживать Мгера он стал.
Хоть малым ребенком был еще Мгер,
В Сасуне для всех он был силы пример,
Осанкой — в отца, с высоким челом,
Взор — орлиный, душа не знакома со злом.
Кудри — огонь,
Стан и руки что сталь — опасайся, не тронь!
Снедь семи человек поедал он зараз,
Все растут по годам, он растет по часам.
Непокорен он был, дерзновенен и яр,
Жил в нем пламенный жар.
А рассердят его — помрачнеет он тут,
Что вершина Немрут.

Горы грузно ступнями стоят в пропастях,
По вершинам их — молнии прыщут в ветрах,
Сила Мгера за молнией Мгера гнала,
Он выщипывал перья из крыльев орла.

И дядя однажды Мгеру сказал:
«Наши гряды, луга — всё, что я сберегал, —
Пастухи потравили; пойди погляди,
Ты за дело примись, дома зря не сиди».

И Мгер спозаранок вставал,
На плечо надевал
Суму буйволиную с хлебом, с питьем,
По просторам сасунским сновал, по горам,
Охранял он сасунские нивы, луга.
На сасунских горах много есть родников,

И серебряной, буйною гривой львов
По уступам простерся их пенный покров.
Садился Мгер у воды,
Сразу весь хлеб съедал,
Голодным весь день блуждал.

Он, домой возвратясь, дяде вечером говорил:
«Сегодня опять я не ел ничего».

— «Сынок, отчего?

Банджары да синдзы ты можешь в лугах
нарвать,

Собирай их и ешь, зачем голодать?»

Поднимался Мгер,
По теснинам сновал,
Диких пчел
Благородные соты сбирал,
Съедал, набирался сил.
Карабкался между скал,
По грозным гнездовьям орлов
Яйца сбирал.

И кремнистые глыбы друг о дружку он бил,
Из огромных камней огонь высекал,

Разводил костер, пек
Яйца орлиные,
Съедал, набирался сил.

Охотничал он, бродил
В тростниках у реки Ангех,
В дремучих, в темных лесах
Без дорог, без тропы, без вех.
Вперегонку с ветрами бежал,
Перепрыгивал через ров,
Преследуя по пятам
Стада кабанов.

На вершину горы Мгер взбирался порой,
На вершину, встающую острой стрелой.
На уступах тех скал
Он порою стоял,
Где газель удержать своих ног не могла,
Там, где птичьего не было видно крыла,
И кричал с дерзновенною силою в дол,
Словно вольный, гордый орел.

С вершины Андока, гром рождая и звон,
Глыба страшная сорвалась,
И крутилась она, неслась
На овец, на джоджанский загон.
Мгер подбежал, могучую спину
Подставил под глыбу, глыбу сдержал.
И до этого дня
Всё висит задержанный Мгером обвал.

Мгер, домой возвратясь, дяде вечером говорит:
«Сасунские камни — словно ножи. Взгляни —
Разодрали в клочки мои лапти они».

Чинчхапорик молвил в сердцах:
«Почини! Носил их не много дней!»
Мгер заворчал и бесстрашно напряг
На дядю он лук бровей.

«От этого дэва скоро настанет беда,
Он — бес исполинский, страшный вишاپ.
Увещаньям не внемлет, не слышит угроз», —
В страхе большом
Чинчхапорик молвил жене.
И порешили:
Так или эдак от Мгера себя упасти;
Мгера, прочь прогоняя
Из дома, из края,
Направить по гибельному пути,
Навек из Сасуна выгнать его.
А Воробышка-крошку, сынка своего,
Что в стенах монастырских Марута за грамотою
сидел,
Сделать властителем, чтобы наследовал он
Земли Сасуна
И джоджанский трон.
И вот снаряжают они
Отрока Мгера, снеди ему дают.
В Капуткох направляют,
К отцу Хандут.
«Твой дед престарелый, —
Дядя сказал, —
Не видел тебя долгий срок.»

Отправляйся, людей повидай, белый свет
Исходи.
Научись хоть чему-нибудь, сынок».

В путь отправился Мгер, в Капуткох пришел,
В землю деда пришел.
В доме дедовском пробыл он ровно семь лет.
Наездничал с дядьями он,
По охотничьим взгорьям скакал на коне,
Со старшими наравне
В схватки вступал в латах, в броне.
Но час настал, и скончался дед,
И Тева-Торос, дядя старшой,
Мгера позвал, с усмешкой сказал:
«Глупый Мгер! Иль тебе не приходит на ум,
Что в наследье ты б мог получить Сасун?
Твой отец имел бурдюки, золотую в них россыпь
храня,
Он села, он доли, он грады имел,
Меч-молнию,
Огненного коня.
Пристало ль тебе обивать, как бездомному,
наш порог?
Твой дядя добром овладел, расправляется с ним,
А ты на чужбине совсем изнемог!
Эй, сумасброд Джоджанц! Да не иссякнет твой
дым!»

Мгер тут вскочил и расправил грудь.
Палицу — в руки,
Под ноги — путь.
Пошел и пришел в престольный Сасун.
А как прибыл в Сасун — на колени он встал,
Землю края родимого поцеловал.
И стрелою помчался в Арюцаберд,
В старинный очаг Джоджанц.
Он в замок отцовский под вечер вошел,
Он, от гнева сгорая, речь с дядей повел:
«Как ты князя Сасунского мог
Заставить чужой обивать порог?»

Еще говорил он, — Чинчхапорик
Топнул о землю, взлетел
Его грозный крик:
«Проклятье тому, кто сирот
Под крылом своим бережет!»
Мгер за палицу взялся вмиг,
Да рука на дядю не поднялась.
Разъярился Чинчхапорик,
Люто взревел
И дубину взял,
Мгера избил, из дому прогнал.
Мгер обернулся, взбешен и яр,
Да не послушалась снова рука,
Сдержал он удар.
И в путь он пошел, слезы горькие лил,
Над могилой родителей плечи склонил,
Попросил он прощенья, пошел он, — и вот
Уж не видно ни взгорий сасунских, ни вод.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И Мгер, обездоленный, голодом, жаждой
Гонимый, ТОМИМЫЙ,
Даль в глаза свои взял,
Путь он под ноги взял,
И пошел, и пришел в Чапахджура поля.
И только пришел в Чапахджура поля,
Увидел он: в летний, в полуденный зной
Под сладостной тенью, под темной листвою
Сидит богатей, сидит он с женой,
Яичницу ест, попивает вино.
«Привет! На здоровье! —
Сказал ему Мгер. —
Я голоден, дай-ка мне хлеба поесть».
Промолвил богач: «Ступай в мое поле, работка
там есть.»
Очисть от камней его да прополи.
Попотей, хлеба дам, — голод свой утолишь».
Мгер пришел к батракам,
Глядит: батраки
Ногтями упорной, сильной руки

Камни выдергивают; их рука
Поля очищает от сорняка.

Встал Мгер на колени, и тяжек был труд:
Лучи огневые, полдневные жгут,
Согбенную спину покрыл ему пот.
До вечера страждал в труде он, — и вот
Вечер пришел.
И он с батраками, понурый, в поту,
В землянку, как в нору, должен был влезть
И с ними гурьбою в потемках лежать.
Кус черствого хлеба дали поесть,
Подстилку дырявую дали поспать.
И лег он на землю, и ноги поджал,
Да очи смежить было невмочь.
О житейских делах думал всю ночь
Мгер Джоджанц:
«Те, что знают лишь труд, —
Всухомятку едят.
Те, что бедных гнетут, —
Сытно, сладко едят».
И утро пришло;
Батраки поднялись,
За работу безропотно принялись.

И терпел он день, и терпел он два,
А на третий день
По челу его пробежала тень;
И на ум ему в этот час пришло:
«Тут не жизнь, а смерть! Только смерть и зло!
Я не воду, нет, в этом злом краю —
Яд змеинный пью!»
В руки палицу взял,
Путь он под ноги взял
И пошел — и пришел он в город Востан,
И к пекарю Мгер
В услуженье пошел.
Весь день он дрова да воду носил,
И ночью работать уж не было сил:
В ночь муку он просеивал, тесто месил,
Склонялся к подушке. . . век еще не смежил,
А уж вскакивал на ноги:

Доля хлеба для Мгера была мала,
И долю другую он взял со стола.

Хозяин увидел,
Сердито сказал:
«Эй ты, ненасытный!
Всё ты хочешь пожрать!
Вишاپ из Сасуна!
Чем же мне торговать?»
У Мгера в очах тут огонь засверкал,
И пекарь увидел и в страхе смолчал.

Хлеба под замок пекарь убрал.
Пальцем запоры Мгер отбивал,
Хлеба поедал.
Хозяин опять рассердился, сказал:
«Мгер! Зачем ты замки отбиваешь,
Хлеба поедаешь?
Иль закона не знаешь?
Хлеб чужой, не тебе предназначен он!
Есть кара! Есть кара!
И закон! Закон!»

И Мгер тут стальными плечами пожал,
Удивился, сказал:
«Кара? Закон? Про какую твердишь вину?
А это — закон?
Я — трудную лямку тяну,
Ты — вкушаешь сладость одну
Да сколачиваешь казну!»

И с мрачной душой в путь отправился Мгер.
Из Востана дэрога его увела.
И вот подошел он к земле Латар,
У какого-то встал села.

И Мгеру работу дал старшина,
Как батраку, за харчи,
Велел с рассвета начать,
Гонял его в поле под яростные лучи
И в виноградники богача.

Уж свет дневной уходил,
Крестьянин поле скосил,
Снопы увязал, сложил,
Заскирдовал на току
Золотую пшеницу.

Дорога гусана к скирдам привела,
Лира гусана — череп вола.
Три меж рогами струны
Туго натянуты, прикреплены.

Он отдал поклон, на сноп он присел,
Он по струнам ударил и складно запел,
Насущному хлебу он славу воспел.

«Да славится хлеб —
Благо народа!
Нужнее, чем хлеб,
Только свобода!

Мы хлеборобам от чистой души
Пожелаем долгие дни.
Насыщают, питают мир
Хлеборобы одни.

И о вас мы поем, о том,
Что труды ваши святы, поем.
О хлебе святом поем,
О свободе вашей поем».

Пернатые стаи слетелись с небес,
Зашебетали кругом
Их голоса.
Взяли долю они, взвились в небеса.

И князь появился — он полем владел, —
Он половину пшеницы унес.
А после и староста к току пришел,
И лавочник к хлебу дорогу нашел,
Мешками, в охапку пшеницу влекут,
Они золотую пшеницу влекут.
В счет побора, за долг, за налоги берут.

Ничего не осталось крестьянину тут —
Только зернышки на току.

И как только всё это увидел Мгер,
Не знал он, как пламень души превозмочь.
Он ахал весь день, он ахал всю ночь,
Думал, нахмурившись, Мгер:
«Простолюдин под гнетом ярма
Наполняет давилъни и закрома,
Чтобы стали еще полней
Амбары князя и богачей.
А сам он — голодный, а сам — не одет,
Всё такой же нагой, как родился на свет».
И Мгера позвал старшина, сказал:
«Ну, подать свою подай,
Подушную подать царю подай!»
— «Какая тут подать? Пред кем я в долгу?
Что за царь?
Он мне в долг не давал, что он просит с меня?» —
Так молвил отважный Мгер.
Закричал старшина, и вот всё село
Пришло — работники, батраки,
На плечах у них змеи жгутов ременных,
Дубинки в руках у них.
«Вяжите, — сказал, — руки-ноги ему!
В железо закуйте! Бросьте его
В тюремную тьму!»
«Эх, рабы скудоумные!
Не защитой вы стали мне в этот час,
А я с душегубом вашим борюсь!
Оружие вы взяли,
Пошли на меня,
Как будто я — не за вас!
Эй! В сторону все!
Пускай старшина придет,
Подать царю берет!» —
Так вымолвил Мгер
И великой твердыней
Стоял.

Порешили они
Мгера схватить.

Мгер нахмурил чело,
Палицею взмахнул.
Ударила палица о ступу,
Взлетела ступа,
Крутясь, понеслась —
Доселе летит.
И ветер от взлета ступы,
Словно молнии взмах,
Распластал старшину села:
Он лежал как смердящий прах.
И люди взглянули — и вмиг всё село
Точно бурей смело.
И с мыслью смутной,
С печальной душой
В путь он пошел
И увидел в пути:
Над лугами зелеными гор,
Над ключами, бегущими с гор,
Дикае стаи веселых птиц
Реют, поют,
С лепетом-щебетом в небе снуют.
И к ним обратился Мгер и сказал:
«Блаженные, дикае птицы!
У неба вы в милости — прокляты люди, —
И вольно, беспечно,
Как дружные братья,
В любви вы живете, не зная забот.
Владелец полей вас не гнетет,
Поборов и даней с вас царь не берет,
Блаженные, дикае птицы!»

И Мгер огневой
До Медного города добрался.
Медного города стены, врата
Медночеканные были крепки.
Меднолитые своды моста,
Башни над крепостью были крепки.
И долго бродил он и взад и вперед
По маленьким улицам и по большим,
И он, удивленный, на площади встал
Возле богатых палат.

И слышит он: мастер с высокой стены
Громко кричит:
«Эй! Камней!
Эй! Раствору да щебня давай!»
Работники, на спины глыбы взвалив
Да ведра огромные, по ступеням
Узеньких лестниц
Кверху и вниз
Снуют, колена трясутся у них,
Тяжко вздыхает грудь.
И Мгер увидел: рабочий-юнец,
С камнем тяжелым высоко взойдя,
Рухнул на землю и раскроил
Череп. . . и брызнул мозг.

И когда эту гибель увидел Мгер —
Гневом пылая, вскричал:
«Эй, люд подневольный, чей тягостен труд!
Весь век строишь ты для князей, богачей
Давильни и погреба,
А для себя искони
Ты строишь тюрьмы одни?
Незавидна твоя судьба!
Пойду и построю я крепость — одна
Вам только и станет защитой она.
Отцовские латы возьму, и коня,
И сасунцев, полных огня,
И выйдем на бой,
И мир победим корыстный и злой,
Во прах сокрушим,
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтоб труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И, с пламенем схожий, кинулся Мгер,
Полетел и взлетел
На гору Сасуна — Сасун и на Сим:
Сасуна гора громоздилась пред ним.
И взбиралась до неба, горда, высока, —

Точь-в-точь голова быка,
Что, фыркая, лютую стужу несёт
И вихрей круговорот.
По ущельям сасунских рек
Огневые кривые клинки —
То подножия Цовасар, чьи снега
К звездам возносят свои берега.
Без устали Мгер блуждал
От реки Ангех до Сехан-горы,
От Маратука до Цицмақакит.
Он для крепости места искал,
Он утесов искал, отвесных скал,
Удобных, пригодных скал.
И раз в непролазной чаще одной,
В теснине лесной,
Тигр огромный
Прянул на Мгера и заревел
Яростным ревом.
Размахнулся палицей Мгер,
Лютому тигру череп рассек,
Мясо поел, шкуру набросил
Себе на чело, разметал по плечам,
Словно гишт и халам.

Устрашающую скалу
Мгер отыскал
В извилинах Маратука —
Словно высокий трон
Из железных руд.
Тут взирали со всех сторон
Провалы бездонные, пропасти темные,
И раскинулась тут
Для твердыни пригодная россыпь огромных
каменных груд.
И тогда Мгер Джоджанц палицу взял
И помчался, примчался в Таронский лог.
Лог Таронский большую реку имел,
Глубокую, многоводную,
По прозванию Арацани.
Сто сорок ручьев, ручейков
Друг с дружкой сливались, и вместе они
Сплетали реку Арацани.

И увидел Мгер — вода поднялась,
Поднялась, понеслась,
Размывая поля и жильё.
Вот все пашни зальёт
Селянина!
Сжалился Мгер,
С сердцем ужаленным на Каркё он взлетел,
Необъятную глыбу
С базальтовой сбил скалы,
Сдвинул и потащил,
Волоча, волоча,
Грохоча, грохоча,
Протащил — и в реку поверг.
На две ветви он глыбою реку разбил,
Эта — влево легла, та — направо пошла,
И спала вода,
И веселыми вновь
Увидел жильё и поля
Селянин.
Как таронцы увидели силу его,
Испугались, диву дались.
Побежали, вбежали
В Арэв-Арринч, город торговый, большой,
В латунные стены Вишапаберд
И ворота латунные Вишапаберд
На сорок замкнули замков.
Мгер подбежал, палицей он
Семь раз по воротам прогромыхал,
По латунным воротам прогромыхал,
Он топнул о камни стальной ногой —
Будто горный взгремел обвал,
Загремели скрепы, замки
На воротах латунных Вишапаберд.
«Эй, таронская знать! Князья!
Вот воля моя:
Собрать, созвать, мне передать
Сто мастеров, чтобы камни тесать,
Сто мастеров, чтобы стены класть!
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, железо ковать,
Десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы землю копать, свинец расплавлять!

Созвать их, мне передать — иль ваше жильё
Я в прах превращу,
На ветер пущу!»

С челобитной ко Мгеру пришли,
Хлеб и соль принесли
Знатные города Арэв-Арринч.
Купцы, богачи
В этот же миг
Серебра да еды поспешили дать,
И сто мастеров, чтобы камни тесать,
И сто мастеров, чтобы стены класть,
И десять сотен рабочих, носильщиков дать,
Чтобы камни таскать, свинец расплавлять.

И забрал мастеров и работников Мгер,
К краю повел своему,
В высокий Сасун повел,
В край огромных, высоких скал.
На скале устрашающей с ними он воздвигал,
Словно щит непробойный, крепость и вал;
Из могучих камней, из базальта, кремней
Бойницы, проходы и своды слагал.
Не известь лили они — свинец
В основанье стен;
Не щебень клали они — свинец
Меж камнями стен.
А башню они возвели под конец
На вершине, где только орла
Крыло
Ее задевать могло.
Стальной был затвор,
Стальной был запор
На огромных воротах.
Построили пышные своды они
Высоких палат.
И окнами грозно
Палаты глядят
На извилистые пути,
На близкий путь и на далекий путь.
И сказал он: «Название крепости есть —
„Мгерова месть“».

И гремит это имя до нашего дня —
Вооруженный и строгий
Страж.

И, быстро ступая, отправился Мгер
В престольный город Сасун.
Спросонок заря раскрыла глаза,
А небо — морем пурпурным текло,
Словно туча, вздымался дым
Из очагов и труб.
Этот день был воскресный день,
Обедни служили в церквах.

И вошел он в Арюцаберд,
В свой джоджанский дом.
Златокованный пояс Давида взял,
Семь запоров с ларя сорвал,
Доспехи, кольчугу Давида взял,
Панцирь нагрудный скрепил он у плеч,
В родительский шлем смог чело он облечь,
Он к бедру привязал меч Авлуни —
Молнию-меч.

Он в ворота конюшни ударил ногой,
В десять запоров на них, — и вот
Железные створы ворот .
Распались, осколками прозвения.
Мгер Давидова вывел коня,
Огневого коня, за гриву держа,
Положил ему руку на шею, чтоб сесть.
Из церкви вышел Чинчхапорик,
Нахмурился, закричал,
За локоть Мгера схватил:
«Чтоб не стало тебя,
Мгер беспутный и злой!
Твой увидеть бы гроб!
Провалиться б тебе!»

Локотком оттолкнул
Неугомонного дядю Мгер.
Локоток по зубам прошел, —
И всех-то зубов лишил
Неугомонного дядю Мгер!

Вскочил на коня солнцеродный Мгер,
Разгорячил, да не дал увлечь,
Как домчался до площади, встал.
В правой руке — тысячелучный Молния-меч.

Как в Андокских горах громыхает гром,
Над городом голос гремит,
Мгер горожанам кричит:
«Эй вы, сасунские храбрецы,
Эй, селяне, работники и рабы!
Все, кто может владеть копьём и стрелой,
Все, кто может владеть дубьём, булавой,
Оружье берите,
Идите за мной!
Разрушим навеки мир темный и злой
И строй трудовой установим в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам».

И голос Мгера прогромыхал
По ущелью Сално сквозь Ворота Цопац,
Чапахджур пробежал, в даях Муша звучал,
К скалам Хута взбежал, на вершину Гыргур —
И вернулся опять,
Чтоб стоголосо звучать
Над Сасуном.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Все главы Джоджанц, весь могучий род:
И Горлан-Оган, да и Хор-Гусан,
Тар-Воробышек, с ним и Хор-Манук,
И Вжик-Мхо, да и Брнац-Курик,
Да и Джодж-Вирав, да и Чох-Вирав,
И придворных рать, и сепухов тьма,
И свободных тьма, и подвластных ряд,
Под защитой лат, со щитом, с копьём,
Со стрелой, с мечом,
Пред собой гоня
Много множества из окрестных мест

Голытьбы, рабов, тьму людей простых,
Их в броню одев, давши латы им,
Камни, лук, пращу, —
Рьяно ринулись и сгрудились все, против
Мгера встав,

И вопят ему:
«Эй, дьявол Мгер!
С коня ты сойди! В церковь иди!
Восплачь, взмолись, отвернись
От наущения сатаны!
А биться хочешь — не сетуй:
Рубя,
С вековыми костями смешаем
Тебя!»

Мгер молчит, недвижим,
Что гора, недвижим,
Все зараз подались назад;
Все зараз застыли. . . стоят.
Все зараз о камни ногой
Громко ударили — раз!
Сомкнули ряды; призывая в бой,
В щиты кулаками ударил строй —
И ринулся рьяно,
Крича и гремя,
Словно буря рванулась вперед
Волна за волной.
До небесных высот
Тучу пыли взнесли,
Налегли,
Напряглись,
Кулаками грозя,
Подпирая друг друга, рвались, неслись,
добрались

До Мгера — рвать его
И топтать.
Пришпорил Мгер огневого коня,
Ворвался в толпу,
На две стороны бросил врагов,
Направо — одних, налево — других.
К востоку — одних, к закату — других.
Отбросил, погнал, и настиг, и сдержал.

И встал он лицом к лицу
С князьями, со знатью
И с людом дворцовым, —
И меч Авлуни он схватил, обнажил,
И меч Авлуни, словно молния, бил.
Словно пламень могучий меж темных туч,
Всё кромсал он, бросал,
Сжигал и топтал,
А тех, кого меч острием не пронзал, —
Тех пламень, бегущий с меча, поражал,
И паводком кровь текла.
Кто целым остался — в страхе бежал.
Словно хворост сухой, рассеялись все.

Князья, священники, старшины
Со звонницы церкви подняли звон,
И дряхлые старцы со всех сторон,
И мать и дитя, и бедняк и богач
К церкви стекались, — и толпы росли,
Словно волны морские шли.
Запрудили церковь со всех сторон
Князья, священники, старшины,
Стекался весь город шумливый —
Сасун!

И прокляли страшного Мгера они:
«Проклятье тебе,
Злохитростный Мгер!
Ты с антихристом схож!
Ты бушующий дэв!
Ты, восставший на мир, —
Чтоб ты жаждал всегда, чтоб голодным
блуждал!
Чтоб ты был без детей, без наследников был!
Чтоб ты смерти взыскал, да ее не сыскал
До поры, как придет Иисус
Суд вершить над тобой!»

И проклятье дошло, поймало
Мгера.

И земля не могла — не держала
Мгера.
По колена ноги коня
Погружались в прах.
С великим трудом
До могилы родителей Мгер добрался,
Обнял могилу, молвил в слезах:
«Отец, поднимись!
Мать, поднимись!
Укажите исход
Вашему Мгеру».

И вот из могилы голос идет,
На плач ответ подает:
«Отправься, сынок, на взгорье
Тоспан,
В Воронову пещеру,
Порыдай, пострадай,
Покайся в слезах,
Чтоб Христос тебя пожалел,
Даровал избавленья».

И родная земля не держала
Мгера.
И солнце, что взор умирающих,
Меркло
И тускло взирало, не согревало
Мгера.
По колена ноги коня
Погружались в прах.
И с великим трудом Мгер поплелся
И добрался до озера Ван.
Отомкнулась Воронова пещера,
В объятья свои приняла
Мгера с конем.
И замкнулась Воронова пещера,
Как пустила Мгера с конем.

И Мгер-исполин
В пещере живет.
Тусклый мреет огонь
Дни и ночи над ним.
На день — кружка воды,
Хлеба в день — три ломтя.

Пред конем — сноп трилистника
Вечнозеленой травы.
И, бессмертный, думает Мгер
О жизни людей,
Мирские дела змеей
Обвивают сердце его,
И не плачет, не кается он,
Чтоб Христос его пощадил
За его злые дела.
И плывут
Тучи, полные пламенем, влагой,
С величавой вершины Масиса,
С увалов Синапа, с моря Ципан,
Пламенем бьют
В нагую Воронову пещеру,
В закрытый за Мгером вход,
Громяхают, сверкают,
Убывают, себя истощив.
А в недрах пещеры, в глуби скалы,
Гневом исполненный, Мгер
Грозно кричит.
Топочет и ржет
Взнузданный конь, огненный конь.
Потрясают и Мгер и конь
Мир до его основ.

И в день Вознесения каждый год,
Когда небо к земле с лобзаньем идет
И воду целует огонь,
В день Вознесения каждый год,
Когда все раздвигают створы ворот,
Опасаются в селах и в городах:
Распахнется Воронова пещера,
Появится Мгер.
И горожане, селяне
В слезах
Молят Христа:
Злого Мгера связать, не выпускать,
Чтоб не вырвался он, землю не разорил.
И в одно Вознесенье, когда Мгера врата
Вновь разомкнулись, в пещеру проник
Старый пастух, и пред старцем возник

Кто-то могучий, подобный скале.
На его голове был шлем,
Он сидел на коне огнем,
Молнию он держал —
Так он старцу предстал.
«Кто ты?» — молвил старик.
«Я — Мгер, сын Давида.
Ты откуда пришел, старик?»
— «С белого света», — молвил пастух.
«А мир изменился иль нет?» —
Спросил его Мгер.
«Мир всё такой же, как был», —
Молвил старый пастух.
«И по-прежнему люд простой изнывает в труде
И добычу свою отдает другим,
Сам голодным живет?» —
Спросил его Мгер.
«Да, всё по-старому, Мгер Джоджанц.
— «Ну, возвращайся в свой злобный мир»; —
Сказал возмущенный Мгер.
«Когда же ты выйдешь на белый свет?» —
Мгера спросил старый пастух.
«Когда нож до кости
Дойдет
И Мгера народ
Позовет», —
Грозный ответил Мгер.
Из пещеры вышел пастух,
И замкнулась Воронова пещера.

И до этого дня
Мгера пещера таит.
Он сидит на могучем коне
В броне,
Молния в правой руке,
Щит на левой руке,
На голове его — шлем.
Слушает. . . мир окружающий — нем.
Слушает. . . глухо, темно.
Вся душа его в слухе,
Ухо
К народу обращено.

эпиграф

Даль времен велика, миновали века
С той поры, как любящий бедных Мгер
Был замкнут в пещерный мрак.
Злобных тысяча лет прошло,
Снова тысяча злобных лет,
Унылых, свирепых, тягостных лет.
И простой народ, подневольный раб,
Что животное вьючное, изнывал,
Страдал, тяжело грудь вздымал,
Поля заседал, города воздвигал
На потребу жадным, скупым
Князьям да владельцам,
Царям, богачам,
Повсюду, во всех краях
Изнывал, умирал в трудах:
В пустыне морей, меж бурных зыбей,
Под жаром полдневных лучей,
Меж вьюг ледяных.
И вечно он жил, и вечно бродил
Голодным, нагим —
Таким,
Как родился на свет.
И права не знал, и воли не знал.
И день изо дня да из года в год
Злоба господ,
Насилия гнет
Тяготили
Народ.
И нож до кости дошел,
До сухой народной кости,
А как нож дошел до кости,
Не выдержал, крикнул народ,
Из поселков и городов,
С берегов озер и морей,
От кузнечных огней —
Подневольный бедняк, обездоленный раб
И работник любой —
Все, к смерти готовые, вышли
На бой.

И кричали, взывали, звали
Грозного Мгера.
И, пылая что пламень, со всей земли
Тысячи, тысячи зовов неслись,
И зовы, что буря, что буйный прибой,
Воронову пещеру нашли, и пришли,
И постучали в скалу.
Слышит в пещере Мгер:
Пылающих кличей тысячи тут!
Тут к смертному бою зовы зовут!
Десницу железную выпрямил Мгер,
Безмерно зыграло сердце его,
Грозно заржал конь огневой,
До основ потрясли они мир земной,
И рассекли скалы они.
Молнии бьют с меча Авлуни,
Ужас рождают, срывают они
Путы, затворы; затворов — уж нет:
Мгер появился, вышел на свет.
Потекли бедняки, появились, пришли,
Тысячи, тысячи, тысячи их,
Подневольных рабов и рабочих любых!
Обступили морем безмерным,
Бурнодышащим
Мгера —
И грянули враз
И ринулись
На царей и князей,
Грозно грянули враз,
Злой разрушили мир
И строй трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтобы труженик стал хозяином сам
Труду своему и своим хлебам.

1919—1937

Женева — Ереван

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые русские переводы (двух стихотворений) из Исаакяна появились в 1899 г., через два года после выхода в свет первого сборника «Песни и раны». Они были опубликованы (в переводе А. Грен) в киевской газете «Россия и Азия» (1899, 26 ноября). В последующие два-три года еще несколько образцов из лирики Исаакяна (в переводах К. Горбунова, Ив. Белоусова и Ап. Коринфского) были напечатаны в журналах «Живописное обозрение», «Вестник иностранной литературы», «Образование». В 1903 г. в Москве под редакцией Льва Уманца и Аракела Дервиша (Микаеляна) вышел сборник «Современные армянские поэты», куда были включены переводы более двадцати стихотворений Исаакяна. Подавляющее большинство переводов принадлежали Л. Уманцу и С. Головачевскому. Раздел, посвященный Исаакяну, открывался биографической справкой Аракела Микаеляна, где впервые в русской печати была дана и краткая характеристика личности и творчества армянского поэта в таких общих выражениях, как «самобытный лирик», «крупное, разнообразное дарование», «певец тоски и печали», «любимец народа» и т. п.

Переводы из Исаакяна печатались также в «Армянской музее», изданной под редакцией Ю. Веселовского и Г. А. Халатянца (М., 1907), где впервые был опубликован перевод Ив. Бунина стихотворения «Моя душа объята тьмой полночной...».

Вслед за выходом в свет «Армянской музы» в том же 1907 г. была предпринята попытка издания русских переводов стихотворений Исаакяна отдельной книжкой: «„Цветы Араза“». ¹ Выпуск первый. Аветик Исаакян. Песни. М., 1907, издание Бориса Кеворкова, обложка работы Всеволода Крандиевского (с портретом Исаакяна). Все переводы были выполнены П. Сухотинным и Л. Зиловым, за исключением одного стихотворения («Ночь ясна...» в переводе Е. Выставкиной). Оба переводчика, как и автор вступительной статьи П. Н. Макинцяц, были из ближайшего окружения Ваана Терьяна, что дает основание предполагать, что первое русское издание Исаакяна было осуществлено усилиями его московских друзей.

В сборнике «Цветы Араза» были отдельные, по сравнению с

¹ Организаторами сборника было задумано, как явствует из предисловия, издание под общим заглавием «Цветы Араза» избранных стихотворений виднейших армянских поэтов отдельными выпусками.

прежними переводами, удачи не столько с точки зрения поэтических достоинств, сколько с точки зрения большего смыслового соответствия армянским оригиналам. К этим удачам следует отнести: «Ночь ясна...» (в переводе Е. Выставкиной), «Скорбен духом и беден, с кодрявой клюкой...» (в переводе П. Сухотина), «Черные, мрачные тучи...» (в переводе Л. Зилова).

Но качественно новой ступенью в истории переводов Исаакяна на русский язык явился сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», в переводе русских поэтов, под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова (М., 1916).

Один из выдающихся мастеров поэтического перевода, М. Лозинский, касаясь деятельности В. Я. Брюсова-переводчика, редактора и организатора сборника «Поэзия Армении...», писал: «Наш долг — почтить благодарным словом память русского поэта, который больше чем кто-либо иной сделал для того, чтобы русскому народу и всем, кто читает по-русски, раскрылись во всем блеске неисчерпаемые сокровища армянской поэзии. Этим поэтом был Валерий Брюсов» (М. Лозинский, Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасунского». — В кн.: «Мастерство перевода», М., 1959, с. 389).

Благодаря усилиям, организаторским способностям, личным связям В. Я. Брюсова, в создании сборника «Поэзия Армении...» в качестве переводчиков приняли участие виднейшие русские поэты того времени (А. А. Блок, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, Вяч. Иванов и др.). Не было ни одной более или менее значительной проблемы по изданию подобного типа антологии, которая не была бы поставлена редакцией: принципы отбора авторов, произведений, проблема исторического и эстетического критерия, содержание и характер вступительного очерка, состав справочно-поискового аппарата, принципы составления подстрочников и транскрипции армянских текстов, воспроизводящей ритмическую и звуковую сторону оригинала, и, наконец, проблема квалифицированной консультации. Для этой цели была создана авторитетная комиссия, куда входили видные армянские ученые-филологи. Особо следует отметить роль П. Н. Макинцян, который был консультантом и А. А. Блока при его работе над переводами из Исаакяна.

В раздел, посвященный Исаакяну, вошло двадцать одно стихотворение, наиболее характерные образцы его лирики, и поэма «Абул Ала Маари». Все переводы были выполнены заново (исключение составили перевод Ив. Бунина стихотворения «Душа моя объята тьмой полночной...» и перевод Л. Зилова стихотворения «Черные, мрачные тучи...»). Большинство переводов (тринадцать) было выполнено А. А. Блоком, пять стихотворений переведены Вяч. Ивановым, три стихотворения и поэма «Абул Ала Маари» — В. Я. Брюсовым.

В. Я. Брюсов поставил перед переводчиками труднейшую задачу. «Стихотворный перевод, — писал он, — должен не только верно передавать содержание оригинала, но и воспроизводить все характерные отличия его формы». Брюсов требовал обращать внимание «на соблюдение звуковой стороны стиха» и давать такой перевод, который соответствовал бы «метру и ритму армянского подлинника» («Поэзия Армении...», с. 16). Каждый из русских поэтов стремился

по мере своих индивидуальных возможностей приблизиться к решению поставленной творческой задачи.

В основу всех переводов был положен буквальный подстрочный перевод и правильная транскрипция армянского текста, знакомившая переводчика с ритмической и звуковой стороной оригинала. Лучшие переводы в сборнике «Поэзия Армении...» принадлежат В. Я. Брюсову и А. А. Блоку. По этим переводам русский читатель впервые получил возможность составить представление об армянской поэзии как в целом, так и об ее отдельных видных поэтах.

А. А. Блок перевел из лирики Исаакяна всего двадцать стихотворений, из них тринадцать в сб. «Поэзия Армении...», пять в «Сборнике армянской литературы» под редакцией М. Горького (Пг., 1916).

Много усилий потребовалось от В. Я. Брюсова, чтобы получить согласие Блока, который 2-го января 1915 г. писал редактору сборника: «Дорогой Валерий Яковлевич. Сейчас говорили мы с Павлом Никитичем Макинццианом,¹ он дал мне много ценных и интересных сведений и предложил несколько текстов, из которых я непременно возьму несколько. Думаю пока о Кучаке и Исаакиане; оба пленили меня» (А. А. Блок, т. 8, с. 449).

Известно, как скуп был Блок на переводы. Тем знаменательнее выбор Исаакяна. Следует заметить, что между переведенными Блоком стихотворениями армянского поэта имеется внутренняя органическая связь, обусловленная определенным кругом мотивов и настроений. Это показывает, насколько последовательным был Блок в самом отборе произведений, работая над переводами с армянских оригиналов. 30 ноября 1915 г. Блок писал И. М. Брюсовой:² «Очень извиняюсь, что так долго задерживаю стихи Исаакиана; это происходит не оттого, что я ими не занимаюсь; напротив, я бьюсь над ними часто, но этот прекрасный поэт невероятно труден для передачи. Пока у меня сделано вчерне около десяти стихотворений, я все недоволен переводом. Постараюсь на этих днях прислать все, что отделаю хоть приблизительно. Если вы дадите мне еще немного времени, я сделаю еще кое-что» (А. А. Блок, т. 8, с. 450). Блок над переводами из Исаакяна работал с увлечением, добиваясь максимальной близости к подлиннику. Черновые пробы Блока испещрены множеством исправлений как отдельных слов, так и целых строк и строф. Взыскательный художник не всегда удовлетворялся достигнутыми результатами. Были случаи, когда он прекращал трудиться после первой же пробы. Так было со стихотворениями «Небо — сердце мое...» и «Что ты над огнем варишь, мать?». Бывало и так, что после неоднократных проб, чувствуя невозможность передачи того или иного стихотворения Исаакяна формами русского стиха, он отказывался от дальнейших попыток. Так было с переводом сти-

¹ П. Н. Макинцциан несколько раз бывал у Блока. Его имя дважды упоминается в дневниках Блока, в записях от 2 и 3 ноября 1915 г.: «Сплошные дела: П. Н. Макинцциан...» (Александр Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М.—Л., 1963, с. 274).

² Иоанна Матвеевна Брюсова — жена поэта, была помощницей, как называла она себя в переписке, «секретарем» Брюсова в его работе над сб. «Поэзия Армении...».

хотворения «Я в мире — дивная тварь...». После того как Блок трижды пытался найти соответствующие оригиналу ритм и размер, он на первой пробе написал: «Непосильный труд — всех слов в этот размер не уместить. 20.XII» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. А. Блока).

К концу ноября 1915 г. работа Блока над переводами Исаакяна была завершена. Посылая свои переводы Брюсову, Блок 1 декабря 1915 г. писал: «Вот мой перевод тринадцати стихотворений Исаакяна. Если удастся что-нибудь дополнить или исправить, я сделаю это в корректуре, которую поэтому особенно прошу прислать. Относительно одного стихотворения у меня есть недоумение (написано на полях рукописи)... Стараясь держаться как можно ближе подлинника, я имел, однако, в виду, что рифма у Исаакяна занимает не первое место, поэтому или опускал ее, или добавлял от себя (впрочем, не часто); соблюдать аллитерации стремился, стараясь не играть ими, памятуя, что поэт — крестьянин и пандухт.

Слово «джан» не только сохранял, но еще и от себя прибавил кое-где; очень уж хорошее слово. Обойтись без лишних слов, конечно, старался, но, к сожалению, не всегда мог обойтись без них» (А. А. Блок, т. 8, с. 450—451).

Работа Блока над переводами сопровождалась беседами с членами редакции сборника и, возможно, с некоторыми армянскими поэтами. На обложке черновиков переводов из Исаакяна есть его помета: «Сколько подстрочников, разговоров и писем было» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. А. Блока). Это предположение подтверждается ценным свидетельством М. А. Бекетовой, которая довольно подробно говорит о процессе работы Блока над переводами, и в частности для горьковского «Сборника армянской литературы»: «По возвращении в Петербург Александр Александрович получил очень интересный заказ от М. Горького, который собирался издавать сборники литературы всех народов, входивших в состав Русской империи. Он предложил поэтам выбрать для перевода то, что им нравится. Блок взялся переводить армянских, латышских и финских поэтов. Для этого он просил М. Горького познакомить его или с поэтами, или с другими знатоками языков избранных им народностей. У него перебывали представители четырех наций, в том числе и шведской, так как один из финнов писал по-шведски. Александр Александрович не удовлетворился одним подстрочником, он просил читать стихи вслух, чтобы запомнить их ритмы. При этом он выказал поразительную память, запомнив не только ритм, но и целые строфы стихов на совершенно незнакомых ему языках. Ему очень нравилось декламировать их нам с матерью. Переводами этими он увлеклся. Все они хороши, но лучше всего удалась ему переводы прекрасных стихов армянского поэта Исаакяна. Когда вышел армянский сборник (май 1916 года), Александр Александрович получил из Москвы телеграмму от кружка армян, которые благодарили его за перевод и выражали ему свою горячую симпатию» (М. А. Бекетова, Александр Блок. Биографический очерк, изд. 2-е, Л., 1930, с. 204—205).

В годы первой империалистической войны об Армении писали много. Блок отметил в дневнике: «В 1916 году, под влиянием войны на Кавказе, мода на армян, поддерживаемая Брюсовым, выучившим

армянский язык и составлявшим и московскую «Поэзию Армении» и петербургский «Армянский сборник» «Паруса» (с Горьким), стал выходить в Москве «Армянский вестник» (1916 г. — 48 номеров и 1917 г. — 52 номера). Статейки Брюсова об армянской поэзии, воспроизведения памятников армянской старины, переводы отрывков поэтов и прозаиков» (А. А. Блок, т. 7, с. 414). Из этой краткой записи можно сделать вывод, что Блок и после работы над переводами из Исаакяна продолжал интересоваться Арменией и армянской литературой.

Переводы А. А. Блока и В. Я. Брюсова Исаакяна вошли в золотой фонд переводов из армянской поэзии. Они и в наши дни украшают русские издания сочинений Исаакяна.

Иная была судьба переводов Вяч. Иванова. Они не выдержали испытания временем. Особенность их заключается в том, что эти переводы больше характеризуют личность переводчика, нежели переводимого им автора. Это какой-то особый жанр вольного перевода, где перевод утрачивает существенные элементы как содержания, так и стилистические особенности оригинала. В советские годы переводы Вяч. Иванова из Исаакяна были заменены новыми, более близкими к подлиннику.

В послереволюционные годы Исаакяна переводили многие видные поэты и переводчики: А. Ахматова, П. Антокольский, Б. Брик, Д. Бродский, Ю. Верховский, А. Глоба, В. Державин, В. Звягинцева, М. Зенкевич, К. Липскеров, С. Мар, С. Михалков, Л. Озеров, М. Павлова, Н. Павлович, М. Петровых, Б. Пастернак, Вс. Рождественский, О. Румер, Б. Садовской, Т. Спендиарова, Н. Тихонов, С. Шервинский и др.

Произведения поэта издавались на русском языке неоднократно: «Избранные стихи», М., 1945; «Избранные произведения», М., 1952; «Избранное», Ереван, 1952; «Избранные сочинения в двух томах», т. I. Поэзия, М., 1956; «Стихотворения и поэмы», М., 1960; «Избранное», М., 1970.¹

В основу настоящего издания при определении состава положены армянские издания: прижизненное издание «Стихотворений и поэм» Исаакяна (Ереван, 1955), посмертное издание Сочинений в четырех томах (Ереван, 1958—1959) и первые два тома из шеститомного издания (Ереван, 1973—1974), в котором на основе изучения архива поэта уточнена датировка, даны сведения о первой и последующих публикациях текста, а также краткие реальные комментарии. В примечаниях к настоящему сборнику частично используются некоторые фактические сведения из комментариев (составитель первых двух томов к этому последнему изданию Исаакяна и автор комментариев А. Инджикян).

Настоящее издание по сравнению с прежними изданиями поэзии Исаакяна является более полным. При его составлении учтен и пересмотрен критически весь существующий фонд переводов (включая дореволюционные переводы) произведений армянского поэта.

Впервые представлены переводы около пятидесяти стихотворений, шестьдесят стихотворений переведены заново с целью достиже-

¹ См.: Л. М. Мкртчян, Аветик Исаакян на русском языке. Библиография переводов и критической литературы, Ереван, 1964.

ния большей близости к оригиналу, более точной передачи поэтической мысли автора.

Композиция и жанровые разделы в настоящем сборнике восходят к структуре прижизненного издания Исаакяна «Стихотворений и поэм», Ереван, 1955.

В примечаниях сообщаются сведения историко-литературного, биографического и реального характера. Если слова типа «саз», «джан», «яр», «пери», «гусан» и т. п. и некоторые географические названия (Алагяз, Араз, Ани, Казарпат, Манташ, Харич и др.) встречаются в текстах неоднократно, то они объясняются при первом их упоминании, без последующих отсылок.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. *Казарпат* — село в Армении (ныне Исаакян), в котором Исаакян провел свое детство.

2. *Яр* — милая (милый), возлюбленная (возлюбленный). *Эчмиадзин* — город в Армянской ССР, близ Еревана, знаменитый своим древнейшим собором (построен в 303 г.), ставший религиозным центром всех армян и местопребыванием главы армяно-грегорианской церкви (католикоса).

6. На слова русского текста стихотворения написана музыка С. В. Рахманиновым (см. вступит. статью, с. 27). По сведениям музыковеда Р. Терлемезяна, свыше восьмидесяти стихов Исаакяна переложено на музыку. Краткий, неполный перечень см. в приложениях к кн.: Аветик Исаакян, Избранные произведения, М., 1952, с. 352—354.

7. Первое печатное стихотворение Исаакяна (журнал «Тараз» — «Национальный наряд», 1892) написано в годы пребывания в семинарии Геворгян (в Эчмиадзине). Исаакян писал тогда стихи преимущественно любовного содержания и свои первые опыты представлял на строгий суд своему учителю и наставнику поэту Ов. Ованисяну (1864—1929). За стихотворение «Едва расцветший цветок...» начинающий поэт заслужил похвалу своего наставника. «Однажды, в 1892 году, — пишет Исаакян в своих воспоминаниях об Ованисяне, — я показал ему новое стихотворение:

Едва расцветший цветок,
Я рос на склоне горы.

Он прочел стихи, перечел еще раз, ласково улыбнулся и сказал, легонько ударив меня по плечу: «Молодец! Теперь ты поэт». Восторгу моему не было конца. Я крепко пожал ему руку и помчался к товарищам» (Ав. Исаакян, Избр. соч. в двух томах, т. 2, М., 1956, с. 159—160). Армянский текст переложен на музыку композитором Алемшахом (Париж).

8. Стихотворение, изобилующее непередаваемыми идиоматическими выражениями, написано в духе народных колыбельных песен. Последние три стиха отсутствуют в армянском каноническом тексте стихотворения. Блок перевел первоначальный текст (сб. «Песни и раны», 1897). *Люль-люль, дар-дар, да-да* и другие восклицания — звукоподражательные, подобно «бай-бай» в русских колыбельных песнях, и определенного значения не имеют. *Джан* — эпитет, выражающий ласку (ласкательное обращение); собственно, означает «душа».

9. Поется в народе. Композитор неизвестен. Это, как и некоторые другие стихотворения («Оплачь мое горе, сымбул-трава...», «Ты устал, любимый мой...», «Вот я какой увидел сон...», «Я любил, но любимую увели...» и др.), при первой публикации было обозначено автором как «народное баяти». В сборнике «Песни и раны» (1897) и в более полном дореволюционном издании лирики Исаакяна (1908) наметилась тенденция к циклизации: «Песни обездоленного народного певца», «Мечты и боли», «Звездочка и цветок», «Звоны», «Из дневника», «Воспоминания любви», «Смешанные песни». Впоследствии эта тенденция исчезает. *Апаран* — город в Армянской ССР.

14. При первой публикации (альманах «Аракс», 1894—1895, кн. I) входило в цикл «Из баллад Ширака». *Пери*, гури-пери (персидск.) — гурии, феи. *Ширак* — область в Армении. *Аргина* — село близ города Карса (Турция).

15. Армянский текст переложил на музыку композитор М. Мирзоян. *Харич* — село в Армянской ССР.

21. Поется в народе. Композитор неизвестен. *Бингёл* (турецк.) — дословно: тысяча озер. *Хорут-морут* — богиня цветов в древнеармянских сказаниях. *Шохик-хури* — фея, русалка, морская царевна.

23. При первой публикации в сборнике «Песни и раны» (1897) было напечатано «Вместо предисловия».

25. Армянский текст переложил на музыку композитор Г. Арустамян. По свидетельству самого Исаакяна (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 1, с. 391), стихотворение написано в связи с известием о замужестве любимой им Шушик Матакян (1876—1944). Ее имя встречается и в ряде других стихотворений Исаакяна («Извивается дорога...», «Был бы на Аразе у меня баштан...» и др.). Биографические сведения о Ш. Матакян см. в статье М. Нарьяна: «Кто же воспетая Исаакяном Шушик?» («Гракан терт» («Литературная газета»), 1974, 27 сентября).

27. Поется в народе. Композитор неизвестен.

29. Армянский текст переложил на музыку композитор Г. Арустамян.

30. При первой публикации («Тараз» — «Национальный наряд», 1893, № 31) входило в цикл «„Персидские мотивы“ (Отрывки из Хафиза)».

32. В сб. «Песни и раны» (1897) в качестве эпиграфа к циклу «Из воспоминаний любви».

38. *Ани* — см. примеч. 236.

41. Армянский текст переложил на музыку композитор Р. Атаян.

43. Армянский текст переложил на музыку композитор Г. Сюни.

47. Армянский текст переложил на музыку композитор А. Тигрян и итальянский композитор Фр. Дичиадини (английский перевод).

58. Поется в народе. Композитор неизвестен. *Алагяз* (Арагац) — гора в Армении.

62. Поется в народе. Композитор неизвестен.

67. Поется в народе. Композитор неизвестен. По поводу этого стихотворения Исаакян сказал: «Не писал его, а цел в одесских полях на один из народных мотивов, а затем только записал» (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 1, с. 400).

70. *Сарыкамыш* — город в северо-западной Турции.

80. Армянский текст переложил на музыку композитор Д. Казарян.

83. *Кюснахт* — местечко в Швейцарии.

84. *Саз* — народный музыкальный инструмент.

85. Патриотическая песня Исаакяна перекликается со стихотворением Христо Ботева «Хаджи Димитр», посвященным памяти вождя одного из болгарских народных отрядов (чет), сражавшегося за освобождение родины от турецкого ига и героически погибшего в 1868 г. Как песня Исаакяна, так и «Хаджи Димитр» Ботева, весьма возможно, навеяны стихотворением Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). *Сално* — горная местность в Западной Армении.

91. Поется в народе. Композитор неизвестен.

94—96. В армянском оригинале в разделе «Народные баяти». Баяти — протяжные печальные мелодии. В переводе даются три первых из шести четверостиший.

100. *Басен* — город в Западной Армении.

101. *Араз* — народное название реки Аракс (Ерасх), важнейшей реки Армении. На ее берегах разыгрались крупные события армянской истории. С рекой Аракс связано множество народных легенд и сказаний. Аракс — символ Армении (см. стих. Рафаела Патканяна «Слезы Аракса» (1856). — «Поэзия Армении...», М., 1916). Стихотворение Исаакяна отражает трагические события конца XIX в., когда мирное население Западной Армении переживало кровавые дни резни, когда озверелые полчища султана, не щадя ни детей, ни стариков, истребляли армян.

102. Поется в народе. Композитор неизвестен. *Арпачай* — река, впадающая в Аракс.

104. *Ахалцих* (Ахалцихе) — город в Грузинской ССР.

108. Поется в народе. Композитор неизвестен. *Двуцветная тесьма*. При обряде венчания на шею жениха завязывалась зелено-красная тесьма. *Балахани* — город в Азербайджанской ССР.

109. При первой публикации (журнал «Мурч» — «Молот», 1902, № 2) с примечанием от автора: «Наш народ приход весны приветствует словами: «Добро пожаловать, зеленый брат», а наступление зимы — „Добро пожаловать, белый брат“» (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 1, с. 409). *Кагзван* (Кагызван) — город в Турции.

112. Единственный перевод Ив. Бунина из Исаакяна. Впервые был напечатан в сб. «Армянская муза» (М., 1907). Впоследствии перепечатывался неоднократно. Ив. Бунину принадлежит еще один перевод из армянской поэзии — стихотворения Ал. Цатуряна «Мрачна, темна моя душа...». При организации сборника «Поэзия Армении...» В. Я. Брюсов упорно добивался участия в нем Ив. Бунина, но усилия редактора оказались тщетными. Вот что писал Ив. Бунин М. Горькому в ответ на его просьбу дать что-либо для редактируемого им «Сборника армянской литературы»: «Дорогой Алексей Максимович! Эти «переводы» с армянского — думаю, что именно эти, так как иных у меня, кажется, нет, — просил у меня для перепечатки в подобном же Сборнике Брюсов, приступал несколько раз с непонятной для меня настойчивостью, но я остался „тверд, спокоен и угрюм“» (письмо от 10 октября 1915 г. — М. Горький, Материалы и исследования, т. 2, М.—Л., 1936, с. 449).

113. Армянский текст переложил на музыку композитор А. Манукян.

117. Стихотворение было переведено одновременно А. А. Блоком и В. Я. Брюсовым в 1915 г. Перевод Блока был напечатан в сб. «Поэзия Армении...» (М., 1916, с. 373). Перевод Брюсова — в «Сборнике армянской литературы» под ред. М. Горького (Пг., 1916, с. 197).

129. В первой публикации («Мурч» — «Молот», 1905, № 2-3) с эпиграфом: «Счастлив тот, кто стремится к звездам. Великий Брахма», с посвящением «к NN» — по всей вероятности, к Анне Матакян,

в письме к которой от 14 июля 1905 г. приведены Исаакяном несколько строк из этого же стихотворения.

149. *Ахалкалаки* — город в Грузинской ССР.

156. *Мрен* — село близ города Карса.

159. При первой публикации («Песни и раны», Тифлис, 1908) Исаакян в качестве эпиграфа к стихотворению поставил слова Фр. Ницше: «Не иди к людям — иди в пустыню, к зверям...» Эпиграф впоследствии, при переиздании текста стихотворения, автором был снят.

160. По некоторым своим идейным мотивам перекликается с другими произведениями Исаакяна (например, со стих. «Ах! Горе и боль нам даны на земле...») и с поэмой «Мгер из Сасуна». *Кёхва* — старшина. *Ага* — богатч.

179. В сб. «Поэзия Армении...» (с. 372) В. Я. Брюсов поместил перевод Блока. Свой же перевод этого стихотворения он напечатал в разделе «Примечаний» (с. 506).

192. *Принкипо* — один из районов Константинополя.

193. *Измит* — город в северо-западной Турции.

199. На автографе приписка Исаакяна: «Это стихотворение своеобразный символ. Родной *родник* — нация, родной народ, родная земля» (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 1, с. 426). *Коллонж* — местечко в Швейцарии.

208. «Стихотворение это писал я, — рассказывал Исаакян, — под впечатлением от склонившихся ивы над протекающей через деревню Круа де *Розон* (близ Женевы) речкой. От Женевы до этой деревни проходил трамвай, но я шел пешком. Видел я ивы над водами, стоял и размышлял. Писал потом, по возвращении в город» (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 1, с. 428).

209—212. Посвящено памяти Исаака Исаакяна (1893—1916), племянника поэта, геройски погибшего на поле битвы в 1916 г. под *Карином*. И. Исаакян был подпоручиком 15-го Кавказского стрелкового полка, за отвагу был награжден георгиевским оружием. 30 декабря 1915 г. в боях за гору с «кольцевым окопом» у села *Кизляр-Кая*, командуя 7-й ротой, как сказано в официальном документе, шел «все время впереди роты и личным примером воодушевлял стрелков, под сильным огнем противника с фронта и фланга, по труднопроходимой горной местности, по глубокому снегу, быстро довел роту до штыкового удара, выбил турок и обратил их в бегство, захватил целый ряд окопов по среднему скату горы, чем значительно облегчил задачи соседних атакующих частей» («Армянский вестник», 1916, № 32, с. 18). И. Исаакян — автор лирических стихотворений и поэмы «Сказка под солнцем», опубликованной в 1912 г.

(Сведения об Исааке Исаакяне сообщены внучатым племянником поэта Абасом Исаакяном).

234. *Айастан* — древнее название Армении по имени легендарного предка армянского народа Айка или Гайка.

235. *Равенна* — город в Северной Италии, в области Эмилия-Романья.

236. *Ани* — один из крупнейших древних городов Армении на правом берегу реки Аракс. Известен как крепость армянских нахараров (князей) с V в. В X—XI вв. Ани — столица армянского царства Багратидов. Расцвет экономической жизни и культуры города относится к X—XIII вв. Ныне в развалинах. Раскопками Н. Я. Марра открыты замечательные памятники архитектуры, древнейшие из них относятся к V—VII вв., наиболее значительные к X—XIII вв. (крепостные стены и башни, дворец Багратидов, храм Спасителя и др.). После первой мировой войны захвачен Турцией. Ани в стихотворении Исаакяна символизирует историю армянского народа, развалины города — как живые свидетели героических страниц армянской истории.

245. *Гусаны* — народные певцы.

252. Стихотворение написано к тысячелетию героического эпоса армянского народа «Давид Сасунский». Эта дата была широко отмечена советской общественностью в сентябре 1939 г. «Давид Сасунский» переведен полностью и частями на многие языки народов СССР и иностранные языки (см. издание на русском языке — «Давид Сасунский». Армянский народный эпос, М.—Л., 1939). *Наши историки* — авторы памятников древнеармянской письменности начиная с первых историков — писателей V в.: Агафангела, Корюна, Павстоса Бюзандаци, Мовсеса Хоренаци, Егише и др. *Цахкадзор* — курорт в Армянской ССР.

258. Написано на квартире Стефана Зорьяна (1890—1967). В память об этом дне (14 января 1941 г.) поэт подарил рукопись С. Зорьяну. На ней надпись: «19.1.1941. Ереван, в доме Ст. Зорьяна». *Яйлаг* — горное летнее пастбище.

262. Посвящено памяти героя Великой Отечественной войны, погибшего в боях весной 1942 г.

263. Торос *Тораманян* (1884—1934) — архитектор, ученый. С его именем неразрывно связано исследование памятников армянской архитектуры, истории и зодчества Ани, столицы средневековой Армении (см.: Степан Миациканян, Древняя столица Армении и ее исследователи. — «Литературная Армения», 1971, № 9, с. 69—80). Андрей Белый, касаясь двухтомного труда Иосифа Стржиговского «Строительное искусство Армении и Европы» («Die Baukunst der Armenier und Europa», Вена, 1918), писал: «Книга Стржиговского

на $\frac{2}{3}$ написана трудом жизни Тораманяна; и тот же Тораманян указал Марру, где копать в Ани (и раскопки Марра наполовину — осуществление почти гениальных прогнозов Тораманяна; он говорил: «Площадь — здесь, копайте» — и указывал на землю; Марр копал и находил)» (Андрей Белый об Армении. — «Литературная Армения», 1967, № 1, с. 81). *Гайк* — см. примеч. 234.

266. *Нирвана* — буддийское учение о блаженстве, в переносном смысле — состояние совершенного покоя.

268. *Авик* — внук поэта, Аветик Вигеневич Исаакян, литературовед, кандидат филологических наук, автор работы о прозе Исаакяна.

ЛЕГЕНДЫ И БАЛЛАДЫ

272. *Лейли* и *Меджлум* — герои широко распространенной на Востоке легенды о любви. Меджлум (Меджнун) — символ несчастного, обезумевшего возлюбленного. *Шираз* — город на юге Ирана, блестящий центр персидской культуры X—XIII вв. *Чинмацин* — древнее название Китая, преимущественно южного, а также Индокитая.

273. В основе сюжета лежит арабская легенда «Антар», перевод которой был напечатан в московском армянском журнале «Юси-сапайл» («Северное сияние», 1859, № 1), *Тадмор* — некогда цветущий город, расположенный между Дамаском и Евфратом и основанный, по Библии, Соломоном как передовой оплот против нападения арамейских орд. *Вайя* — сильно расчлененный лист пальмы, пальмовая ветвь. *Эл Саман* — один из знатнейших персидских правителей, принадлежавших к династии Саманидов, правление которой (819—999) считается эпохой национального возрождения персов. *Сидон* — один из крупнейших финикийских городов на побережье Средиземного моря, возникший в конце 3-го тысячелетия до н. э.

275. *Нахарар* — владетельный князь, правитель. *Спаранет* — военачальник.

277. *Аттила* (ум. 453) — жестокий предводитель гуннов (434—453), прославившийся опустошительными войнами. *Огузы* — тюркоязычные племена. *Дакия* — древнеримское название страны, расположенной между Тиссой, Дунаем, Днестром и Карпатами. *Танаис* — греческий город, стоявший на месте нынешнего Азова, а также древнее название Дона. *Галлия* — древнеримское название двух стран: Северной Италии и страны, ограниченной Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном, Ламаншем, Рейном и Альпами. *Каталаунские поля* — равнина в северо-восточной Франции, где в 451 г. произошла знаменитая «битва народов», в результате которой войска во главе с римским полководцем Аэцием разгромили полчища гуннов, предводительствуемые Аттилой. *Венеды* — древнее на-

звание жителей северного берега Адриатического моря, причисляемых к иллирическим племенам. *Аквилея* — в древности большой и знаменитый город в Северной Италии (основан римлянами в 183—181 гг. до н. э.). *Паннония* — одна из значительных южнодунайских областей в Древнеримской империи.

278. При первой публикации («Гракан терт» — «Литературная газета», 1937, 27 июля) с подзаголовком «Курдский мотив».

280. Замысел легенды о последнем эпизоде жизни философа Древней Греции (469—399 до н. э.) возник при посещении тюрьмы Сократа в Афинах. В записях Исаакяна этих лет сказано: «От тюрьмы Сократа спускаюсь под Акрополь и размышляю о прочитанном недавно эпизоде с музыкантом... Да, до смерти, даже перед самой смертью, нужно учить то, чего не знаешь, учить без конца... Знать все и умирать — не так страшно... Умирать со спокойной мыслью, довольный, достигший совершенства...» (Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 2, с. 316).

281. В основе легенды лежит старинное сербское сказание (см.: M-me Céleina Clapier, *La Serbie Légendaire*, Paris, 1918, с. 122—125. — Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 2, с. 317). *Шербет* — напиток из гранатов, лимонов и сахара. *Янычары* — особая часть турецкого войска. *Гяур* — неверный, немусульманин. *Гусле* — югославский народный смычковый инструмент.

БАСНИ

284. В основе сюжета басня писателя-баснописца XII — начала XIII в. Вардана Айгекцы. См.: Н. Я. Марр, Сборник притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы, СПб., 1894, ч. 2, с. 76; И. А. Орбели, Средневековая армянская басня, М.—Л., 1956, с. 105.

287. См.: Н. Я. Марр, Сборник притч Вардана, ч. 2, с. 130.

ПОЭМЫ

295. Лирический цикл, названный автором «поэмой». Пролог. *Синам* — фантастическая птица в восточных сказках. *Манташ* — ущелье и гора того же названия близ Алагяза. Переложил армянский текст на музыку композитор А. Манукян. Песнь первая. *Тонир* (тондыр) — большая, почти в человеческий рост, закопанная в землю круглая глиняная печь, на горячие стенки которой прилепляют (особым приспособлением) тонко раскатанный лист теста и через несколько минут отрывают (также особым приспособлением) подрумяненные лавашы. Песнь вторая. *Пери озера*. Армянский текст переложил на музыку композитор Алемшах (Париж). Песнь четвертая. *Вардавар* — праздник цветов (роз), языческий праздник, позднее замененный христианским праздником Преображения, Ма-

тах — жертвоприношение. *Даул* — ударный музыкальный инструмент, род барабана.

296. Исаакян работал над поэмой в Казарпате с 30 августа по 2 сентября 1909 г. и с 27 марта по 4 апреля 1910 г. Ее главы (суры) 1, 2 и 4 были опубликованы в журнале «Гехарвест» («Искусство»), 1909, № 3, а затем полностью отдельной книжкой в 1911 г. в Константинополе. Автор возвращался к переработке текста поэмы в 1916—1917, 1929 гг. и позднее вносил ряд частичных поправок, но идейная концепция ее не подверглась существенным изменениям. В том же номере журнала «Гехарвест» («Искусство») была напечатана поэма «Новое утро» Акопа Акопяна (1866—1937), основоположника армянской пролетарской поэзии. Тогда же, в 1909 г., произошел интересный диалог, зафиксированный в воспоминаниях Исаакяна, между двумя авторами, показывающий, как по-разному они воспринимали общественно-политическую атмосферу эпохи. «Мы с Акопяном встретились на улице, — вспоминал Исаакян. — Искренне и тепло поздравили друг друга с успехом и пошли в ресторан, чтобы отметить нашу победу. . . «Дорогой Аветик! — сказал он, поднимая бокал вина. — Наши поэмы — два породистых быка, которые столкнулись лбами. . . Выпьем за них». — «Но наши быки идут не в паре, у них разные пути», — сказал я. — «Это правда, ты хочешь укрыться в пустыне, а я иду на завод. Удивительно, — продолжал он, — мы оба недовольны действительностью, боремся с царизмом, с капитализмом, почему же наши пути расходятся?» — «Может быть, разница темпераментов и среды?» — спросил я. — «Мы часто с товарищами говорим о тебе, почему ты не идешь с нами в ногу, братец. Чего ты ищешь? Огород на берегу Аракса, Шушик и работу? Дадим тебе все это — и делу конец». — «Дорогой мой, — возразил я, — огород ты мне еще можешь дать, а Шушик вряд ли». Мы оба засмеялись» (Ав. Исаакян, Избр. соч. в двух томах, т. 2, М., 1956, с. 181). Сохранилось свидетельство самого Исаакяна о возникновении замысла поэмы «Абул Ала Маари». «Протест, недовольство против господствующих порядков, — говорил он, — было у меня раньше. Искал форму выражения. Был сентябрь 1909 года. Вышел из тюрьмы под залог, но находился еще под следствием. Ехал из Александрополя в Ереван. Был вызван на допрос губернским жандармским управлением. Машинист был знакомый. Зашел было к нему, стоял у окна и смотрел вдаль, по направлению мчащегося поезда, и думал, размышлял: поезд так бы всегда летел, без остановки, уносил, умчал бы меня далеко от всех государств, правительств и законов, дальше от суда и расправы, далеко-далеко. . . «Иди, иди, — говорил я про себя, — уноси меня от тюрем и крепостей, от сковываний и гнета, уноси далеко». И когда поезд вошел в пустыню Сардарапата, в полумраке на горизонте стал вырисовываться караван верблюдов. Картина «Абул Ала» была готова». Рассказ этот совпадает и с записями поэта о событиях своей жизни 1903—1909 гг., когда он находился в тюрьме и мечтал о поезде, который умчит его в вольные края (см.: А. Инджикян, Первоначальный вариант поэмы «Абул Ала Маари». — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР (на арм. яз.), 4(43), 1968, с. 111—113). Здесь же опубликована рукопись неизвестной в печати поэмы

Исаакяна «Мой караван», являющейся едва ли вариантом поэмы «Абул Ала Маари», а скорее попыткой осуществления замысла другого произведения, которое лишь в отдельных моментах переключается со знаменитой поэмой. Поэма Исаакяна «Абул Ала Маари» переведена на языки: итальянский (1913), немецкий (1914, 1919), русский (1916, 1956), английский (1925, 1958), эсперанто (1926), еврейский (1927), японский (1928), испанский (1929), грузинский (1931, 1963, 1968), арабский (1940), чешский (1946, 1966), французский (1952, 1955), венгерский (1964), болгарский (1967), сербский (1967). *éme en sept chants. Traduit de l'arménien par Jean Minassian, Paris, 1952*) был отмечен Французской академией (см.: *Guide de prix littéraires, Paris, 1955, p. 30*). Русский перевод «Абу Ала Маари» принадлежит к числу выдающихся памятников поэтического перевода. Перевод В. Я. Брюсова вызвал в печати восторженные отклики. По выходе в свет сборника «Поэзия Армении...» писатель и критик Валерий Язвицкий писал о русском переводе поэмы Исаакяна: «Вырывать цитаты из великолепного перевода В. Я. Брюсова мне не хочется, чтобы не рвать красивой художественной ткани. Перевод нужно прочесть от строки до строки» («Армянский вестник», 1917, № 2, с. 7). Русский перевод поэмы Исаакяна вызвал полемику между известным ученым-арабистом академиком И. Ю. Крачковским и В. Я. Брюсовым. Исследователя арабской литературы, автора труда об Абу-ль-Аля-аль-Маарри (973—1075), заинтересовала поэма Исаакяна с точки зрения отражения в ней жизни и личности арабского поэта-философа. И. Ю. Крачковский, обнаружив в поэме Исаакяна отклонения от реальных фактов, писал В. Я. Брюсову: «Ведь Абу-ль-Аля жил в Маарре, а не в Багдаде, куда приезжал учиться, а не ко «двору вельмож!» Ведь он был слеп с трехлетнего возраста!» («Известия Отделения литературы и языка АН СССР», М., 1958, т. 17, вып. 6, с. 549). Брюсов защищал право поэта не следовать педантично за биографическими деталями и, желая в глазах ученого смягчить «виновность» Исаакяна, указывал на то, что автор поэмы якобы «неосторожно назвал своего героя именем исторического лица, о котором, по-видимому, сам имел смутное представление» (там же, с. 550). Трудно предположить, что Исаакян мог избрать героем поэмы историческое лицо, о котором он «имел смутное представление». Ему несомненно были достаточно хорошо известны обстоятельства жизни и творчества средневекового арабского поэта. Об этом свидетельствует и перевод Исаакяна восьмистишия Абу-ль-Аля-аль-Маарри «Я вижу людей, увлеченных войнами...». При переводе Исаакян, по-видимому, воспользовался русским переложением этого стихотворения в брошюре: «Абуль Аля Маарийский. Пособие к лекциям проф. А. Е. Крымского. Составил Д. В. Соловцов», М., 1903. В переводе Исаакяна лишь отдельные мысли и фразы совпадают с русским переложением стихотворения. Но в этой брошюре есть две строки из Абу-ль-Аля, которые перешли в текст поэмы Исаакяна: «Родитель несет вину за то, что в жизнь вступают дети... Он никогда не был женат, он даже приказал на своем памятнике сделать такую надпись:

Отец мой согрешил мной;
Я же никем не согрешил...»

Ср. у Исаакяна:

Согрешил мой отец в былом предо мной,
Но я ни пред кем греха не совершил...

Но каким путем это редкое литографированное учебное издание оказалось в поле зрения армянского поэта? Исаакян прекрасно владел французским и немецким языками. Не воспользовался ли он каким-либо источником на французском или на немецком языке? Эта догадка подтверждается содержанием опубликованного сравнительно недавно письма Исаакяна к западноармянскому литератору Ованесу Авакяну: «Попала мне в руки маленькая книжка знаменитого арабского поэта, на немецком языке, прочел я ее и увидел, что моя душа сходна с его душой... И, найдя, что среда, где он жил, гармонирует с моей романтической натурой — караван, пустыня, восток, таинственность, — избрал его выразителем моих чувств. У арабского поэта я взял только две строчки и больше ни одного слова, ни одного образа... Я изменил даже обстоятельства его жизни: он был беден, слеп, из Багдада не уходил. Я взял только сущность его, которая в то же время является и моей сущностью» («Литературная Армения», 1965, № 10, с. 69). Полемику несколько иного рода вызвал и грузинский перевод поэмы Исаакяна. В 1929 г. известный грузинский поэт Тициан Табидзе перевел «Абул Ала Маари» и в этой связи обратился к автору с просьбой написать несколько строк к грузинскому изданию поэмы. В ответ на эту просьбу Исаакян прислал Табидзе две заметки, одна в виде автобиографической справки, другая по поводу грузинского издания поэмы. (Грузинский перевод издавался дважды в виде отдельной книжки, в 1931 и 1936 гг., с предисловием Т. Табидзе и заметками Исаакяна.) В конце второй заметки Исаакян, между прочим, упомянул о том, что «Фарис» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили по духу, настроению очень близки ему. В грузинском переводе письма Исаакяна была допущена неточность, которая дала повод для неверного толкования смысла слов армянского поэта. Некоторые из грузинских литераторов, как пишет об этом Г. Канкава, сделали поспешный вывод о «непосредственном воздействии», «доминирующем влиянии» «Мерани» Бараташвили на поэму Исаакяна (см.: Г. Канкава, Аветик Исаакян и грузинская литература, Тбилиси, 1960, с. 12). Когда это стало известно Исаакяну, он не без некоторого удивления писал Л. М. Меликсет-беку: «Не помню, где и когда я заявлял, что «Абул Ала» писал под непосредственным влиянием «Мерани» Бараташвили». Затем армянский поэт указывал на известную духовную близость, сходство в настроениях между Абул Ала с Чайльд-Гарольдом Байрона, «Фарисом» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили (см.: Л. М. Меликсет-бек, Материалы для полного собрания сочинений Аветика Исаакяна (на арм. яз.). — Альманах армянской секции Союза советских писателей Грузии, Тбилиси, 1950, с. 363—364). Однако не в сходных общих мотивах основной пафос поэмы Исаакяна. Г. Канкава, не соглашаясь с теми, кто преувеличивает непосредственное воздействие «Мерани» на «Абул Ала Маари», указывает на широту замысла поэмы, на ее эпический характер и философское содержание. «„Абул Ала Маари“, — пишет Г. Канкава, — выражает

стремление человеческой личности к возвышенному, к великой цели, ясным и свободным просторам. При таких больших порывах и стремлениях индивидуум, естественно, отвергает или оставляет позади отжившие и устаревшие формы жизни. Поэтому поэма «Абул Ала Маари» является и протестом. В темный период 900-х годов Исаакян бросает гневный вызов прогнившему строю. Долой вашу мораль! Долой ваше общество! Долой вашу любовь! Долой ваше правосудие! Все это произведение в целом — беспощадный приговор буржуазному миру» (Г. Канкава, Аветик Исаакян и грузинская литература, с. 11). При изучении вопроса об идейной близости отдельных мотивов «Мерани» Бараташвили и поэмы Исаакяна нельзя забывать Лермонтова как единый источник вдохновения, перед поэтическим гением которого преклонялись Бараташвили и Исаакян. Духовная близость Исаакяна Лермонтову очевидна и более органична, чем совпадение частностей в поэме «Абул Ала Маари» с «Фарисом» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили. Тем не менее нет оснований идейное содержание и художественное своеобразие поэмы Исаакяна ставить в прямую зависимость от мотивов лермонтовской лирики или каких-либо иных литературных источников. Идеи и образы поэмы «Абул Ала Маари» возникли не под воздействием внешних факторов (литературных источников, влияний и т. п.), а были органически связаны с его философской лирикой начала XX в. В примечаниях В. Я. Брюсова к переводу поэмы указано: «В нашем переводе несколько строф (двустихий) в разных сурах опущено» («Поэзия Армении», с. 507). О работе В. Я. Брюсова над переводом Исаакяна см.: Л. М. Мкртчян, «Поэма Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари» в переводе В. Брюсова» («Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964, с. 373—384). *Касыда* — традиционный жанр торжественной оды народов арабских стран, Ирана, Средней Азии, Азербайджана. *Сура* — название глав Корана. *Калиф* (халиф) — религиозный глава мусульман и верховный правитель мусульманского государства после смерти пророка Магомета (ок. 570—632). *Гелистан* — цветник роз. *Адамант* — драгоценный камень. *Иблис* — сатана в мусульманской народной демонологии. *Геджас* — северо-западные берега Аравии. *Шарга* — музыкальный инструмент. *Дженнат* — рай. *Затор* (точнее: цотор, арм.) — пряное растение. *Шемс* — древнее божество солнца. *Салам* — приветствие. *Шюкр* — слава, благословение. *Зороастра* (2-я пол. VII — нач. VI в. до н. э.) — полубогендарный проповедник, распространявший свое учение в Восточном Иране и, вероятно, в Хорезме, основатель религии зороастризма.

297. Армянский героический эпос, в частности образ Мгера Младшего, по записям Исаакяна, заинтересовал его еще в середине 90-х годов. «Очень давно эпос сасунцев занимал мое воображение, — сказано в этих записках, — в особенности занимал меня образ Мгера с его демократическими и революционными настроениями» (Ав. Исаакян, Собр. соч. в шести томах (на арм. яз.), т. 2, Ереван, с. 310). Эпос «Давид Сасунский» распадается на четыре группы повестей о славных деяниях четырех поколений сасунских богатырей. Повестями о Мгере Младшем, послужившими основой поэмы Исаакяна, завершается сказ. Мгер борется со злом, чтобы восторжество-

вали на земле мир и справедливость. Но зло продолжает существовать. Мгер, не найдя выхода, не пожелав более быть свидетелем черных дел на земле, скрывается в далекой пещере. Однажды вошел в пещеру (дважды в год раздвигается скала) пастух. Увидя исполина, спросил: «Когда отсюда выйдешь, Мгер?» — и услышал в ответ:

Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,
На свете мне — не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
.....
Тогда придет мой день, —
Отсюда я выйду в тот день!

Перевод А. С. Кочеткова

(«Давид Сасунский», Армянский народный эпос, М.—Л., 1939, с. 374). В 1902 г. Исаакян услышал от каменщика — беженца из Западной Армении — уста (мастера) Манука один из неизвестных вариантов сказа о Мгере, по которому Мгер должен выйти из Вороньей пещеры, принести права и мир простому народу. Опираясь на этот и другие известные варианты четвертой ветви армянского героического эпоса, Исаакян в 1919 г. приступил к осуществлению своего давнего замысла. «После Октябрьской социалистической революции, — писал Исаакян, — я понял, что настал час освобождения Мгера» (Ав. Исаакян, т. 2, с. 209). Первоначальный вариант поэмы «Мгер из Сасуна» был опубликован в журнале «Арэг» («Солнце», Вена, 1922, № 3 и 4), затем отдельно в Вене в том же году. Текст поэмы был переработан автором в 1937 г. в Ереване. В 1939 г., в связи с празднованием тысячелетия армянского героического эпоса, Исаакян вновь возвращается к своей поэме. Работа над ее текстом, как показывают планы и черновики в архиве поэта, продолжалась вплоть до 1956 г. и осталась незавершенной. Русский перевод поэмы дан по тексту 1937 г. *Сасун* — горная область в Западной Армении, расположенная к западу от Ванского озера. Название Сасун восходит к древнейшим географическим обозначениям. *Мысыр* — город Мосул на севере Ирака, на правом берегу Тигра. В эпосе — обобщенное географическое обозначение владений Мсырского арабского царя, Мсра-Мелика. *Банджар* и *синдз* — съедобные травы. *Дэв* — некогда божество, затем злой дух, див. *Вишар* — чудовищная рыба, позже — дракон; первоначально — божество. Сохранились колоссальные каменные изображения этих рыб — главным образом в районе озера Севан. *Марута* — гора Таврского хребта в Западной Армении. *Капуткох* — буквально: Голубобокый. *Арюцаберд* — буквально: Львиная крепость. *Цовасар* — буквально: Озерная гора, название горы в Сасуне, на ее вершине находится озеро. *Сехан-гора* — буквально: Стол-гора, в Западной Армении. *Гишт, халам* — род плаща с головным убором из шкуры убитого зверя. *Тарон* — область в Западной Армении. *Вишанаберд* — буквально: Крепость вишапа. *Меч Авлуни* (меч-молния) — легендарный меч сасунских богатырей. *Горлан-Оган* — Дзенев Оган, дядя Давида, одно из важных действующих лиц в армянском эпосе. *Сепух* — рыцарь, всадник, военачальник.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Фотография Ав. Исаакяна. 1954 г.
2. *Между с. 208 и с. 209*. Фотография Ав. Исаакяна. 1890 г.
3. *На обороте*. Фотография Ав. Исаакяна. 1908 г.
4. *Между с. 240 и с. 241*. Фотография Ав. Исаакяна. 1937 г.
5. *На обороте*. Фотография Ав. Исаакяна и М. Сарьяна. 1945 г.
6. *Между с. 368 и с. 369*. Фотография Ав. Исаакяна, Д. Демирчяна, М. Сарьяна и В. Амбарцумяна. 1952 г.
7. *На обороте*. Фотография Ав. Исаакяна, А. Граши, В. Реймериса и А. Венцловы. 1955 г.
8. *Между с. 400 и с. 401*. Фотография Ав. Исаакяна. 1957 г.
9. *На обороте*. Автограф вступления к поэме Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари».

СОДЕРЖАНИЕ¹

Путь поэта. Вступительная статья К. Н. Григорьяна 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

- **1. «Нежную розу спалило в зной...». Перевод Т. Спендиаровой 47
2. «Уж солнце за вершиной гор...». Перевод А. Блока 48
3. «Когда, звезда, ты светишь в высоте...». Перевод Н. Павлович 49
- **4. «Я чистой верой был вооружен...». Перевод В. Рогова 50
- **5. «Сложил я песни, — горести прошли...». Перевод Т. Спендиаровой 51
6. «Ночью в саду у меня...». Перевод А. Блока 52
- **7. «Едва расцветший цветок...». Перевод В. Рогова 53
8. «Ал-злат наряд — мой детка рад...». Перевод А. Блока 54
9. «Меж нами семь высоких гор...». Перевод С. Мар 55
10. «Я стар... Меня винить не надо...». Перевод В. Любина 56
11. «Сердце, дожись! Быть может, рассвет...». Перевод Н. Павлович 57
12. «Ужели облетит цветка...». Перевод М. Павловой 58
13. «Устал от жизни я, родимый лес...». Перевод О. Румера 59
14. Моя перн. *Ширакское предание*. Перевод К. Арсеновой 60
15. «Хочешь, стану росой печали...». Перевод М. Павловой 61
16. «День холодный, буря и мгла...». Перевод Т. Спендиаровой 62
17. «Ночь. Мороз...». Перевод В. Любина 63
- **18. «Сердце мое — небесный свод...». Перевод Т. Спендиаровой 64
19. «Певец я — птица в вышине...». Перевод А. Ахматовой 65
20. «Товарищ, вперед!...». Перевод В. Державина 66
21. Бингёл («Прохладой веет ветерок...»). Перевод Т. Спендиаровой 67

¹ Знаком * помечены произведения, переведенные на русский язык впервые, знаком ** — переведенные заново для этого издания.

**22.	«В горах, в ущельях ветер злой гудит...». Перевод Т. Спендиаровой	69
**23.	«Стал ветерок ночной нежней...». Перевод В. Рогова	70
24.	«В груди моей — радость творенья...». Перевод В. Державина	71
25.	«Оплачь мое горе, сымбул-трава...». Перевод М. Павловой	72
26.	«Извивается дорога...». Перевод А. Ахматовой	73
27.	Моей матери. Перевод А. Блока	74
**28.	«Один я в объятьях бушующих вод...». Перевод А. Сендыка	75
**29.	«Ты устал, любимый мой...». Перевод А. Сендыка	76
30.	«Мне от любимой, ветерок...». Перевод С. Шервинского	77
**31.	«Ночь опустилась, звезды блеснули...». Перевод В. Рогова	78
**32.	«Бессонные ночи...». Перевод С. Шервинского	79
33.	«В бездне бед житейского моря...». Перевод В. Державина	80
**34.	«Среди чуждых людей живу, одинок...». Перевод Т. Спендиаровой	81
35.	«Вот я какой увидел сон...». Перевод А. Ахматовой	82
36.	«Я болен, родная, истерзан душой...». Перевод В. Звягинцевой	83
37.	«С венцом терновым на челе...». Перевод Н. Павлович	85
**38.	«Прозрачны в небе облака...». Перевод Вс. Рождественского	86
**39.	«Лунно-лилейная дымка...». Перевод А. Сендыка	87
40.	«Сверкают звезды ярче и нежней...». Перевод Н. Павлович	88
41.	«Издалека в тиши ночной...». Перевод А. Блока	89
42.	«Мечтой я на дальних бродил берегах...». Перевод В. Державина	90
43.	«От алой розы, розы любви...». Перевод А. Блока	91
**44.	«В небесах облаков гряда...». Перевод Т. Спендиаровой	92
**45.	«Исчезла тропа, оборвался путь...». Перевод А. Сендыка	93
**46.	«Милая у монастырских ворот...». Перевод Вс. Рождественского	94
47.	«Не глядись в черный взор...». Перевод А. Блока	95
48.	«Косули в сумрак пронеслись...». Перевод С. Шервинского	96
**49.	«Находят подруг человек и зверь...». Перевод С. Шервинского	97
50.	«Шумно та звезда упала...». Перевод А. Ахматовой	98
51.	«„Что за огонь разводишь, мать?“». Перевод Т. Спендиаровой	99
**52.	«Тихий шелест ветвей...». Перевод Т. Спендиаровой	100
**53.	«Брожу я молча в лесу глухом...». Перевод Т. Спендиаровой	102
54.	«Глухим, неясным, призрачным порывом...». Перевод Б. Пастернака	103
55.	«Журавлиные стаи, стаи...». Перевод С. Мар	104
**56.	«Подул холодный осенний ветер...». Перевод С. Шервинского	105
**57.	«Душа моя была что сад...». Перевод В. Рогова	106

**58.	«На чело твое тучи легли...». Перевод А. Сендыка	107
59.	«Схороните, когда я умру...». Перевод А. Блока	108
*60.	«Луна, словно лебедь сонный...». Перевод С. Шервинского	109
**61.	«Беда со мной, всегда со мной...». Перевод В. Рогова	110
62.	«Ах! Горе и боль нам даны на земле...». Перевод Вс. Рождественского	111
63.	«Я спал, и море снилось мне...». Перевод С. Шервинского	112
64.	«Хотелось сердце спрятать мне...». Перевод Т. Спендиаровой	113
*65.	«Бурное море в безумном порыве...». Перевод С. Шервинского	114
66.	«Прибой, запенившись, кипел...». Перевод И. Бруни	115
**67.	«Я любил, но любимую увели...». Перевод Вс. Рождественского	116
68.	«„Подружка, стану я землей...“». Перевод Т. Спендиаровой	117
69.	«Когда бы из моей сердечной раны...». Перевод Б. Пастернака	118
*70.	«Как же я дожил до черного дня...». Перевод Вс. Рождественского	119
**71.	Вселенский колокол. Перевод Н. Стефановича	120
**72.	«Не видеть тебя я давал обет...». Перевод А. Сендыка	121
73.	«Бессонной ночью темною...». Перевод В. Любина	122
**74.	«Стать бы мне солнцем, чтоб милую грудь...». Перевод Т. Спендиаровой	123
75.	«Друзей в могилу рок увел...». Перевод Т. Спендиаровой	124
*76.	«Я знаю, через века...». Перевод А. Сендыка	125
77.	«Над безымянной могилой моей...». Перевод В. Звягинцевой	126
78.	«Под ивою этой в далекие дни...». Перевод Эм. Александровой	127
79.	«Те звезды, чей свет мне люб искони...». Перевод В. Звягинцевой	128
80.	«Видит лань — в воде...». Перевод А. Блока	129
81.	«Шиповник дикий, я расту...». Перевод М. Касаткина	130
82.	«Ты — плод граната золотой...». Перевод В. Звягинцевой	131
*83.	«Мой день проходит во мраке...». Перевод Т. Спендиаровой	132
**84.	«Ах, лишь красавицу я встречу...». Перевод Т. Спендиаровой	135
85.	«В долине, в долине Сално́ боевой...». Перевод А. Блока	136
86.	«От жгучего горя сердце мертво...». Перевод А. Ахматовой	137
87.	«В вашем доме сегодня пир идет...». Перевод Вс. Рождественского	138
**88.	«Вечер все обошел дома...». Перевод Т. Спендиаровой	139
*89.	«Знать ты не хочешь любви моей...». Перевод А. Сендыка	140
**90.	«Эй, смерти мир, бессмертен ты...». Перевод В. Рогова	141
**91.	«Эй, джан родина, как прекрасна ты!...». Перевод Вс. Рождественского	142
92.	«Из бездны мрака голос мой звучит...». Перевод Н. Асанова	143
93.	«Повстречались мы через много дней...». Перевод Вс. Рождественского	144

*94—96.	Народные баяти. Перевод Т. Спендиаровой	
1.	«Дорогие мои, прощайте...»	145
2.	«На кусте твоём розою пышной не стал...»	145
3.	«Жизнь отдать тебе рад — нет вины у меня...»	145
*97.	«Ветер летит, летит по пустыне...». Перевод С. Шервинского	146
*98.	«...Намучилась к ночи, устала волна...». Перевод Т. Спендиаровой	147
**99.	«В сердце — скорбей океан, грустно понурился я...». Перевод В. Рогова	148
**100.	«Косы свои заплетала...». Перевод Н. Стефановича	149
101.	Аразу. Перевод Т. Спендиаровой	150
102.	«Утеса черного осколок...». Перевод С. Шервинского	152
103.	«Мне снилось: я, раненный в сердце, лежал...». Перевод В. Звягинцевой	153
104.	«Померкла душа от страданий земли...». Перевод В. Державина	154
*105.	«Взмахну я крыльями и ввысь взлечу...». Перевод Вс. Рождественского	155
106.	«Ликуя, струится прозрачный ручей...». Перевод Вс. Рождественского	156
107.	«Ночные блещут небеса...». Перевод Б. Садовского	157
**108.	«„Охотник, брат, ты с гор идешь“...». Перевод А. Сендыка	158
**109.	«Мой май зеленый, пора, приди...». Перевод А. Сендыка	159
**110.	«С цветком на груди я на свадьбу любимой...». Перевод Т. Спендиаровой	160
111.	«Был бы на Аразе у меня баштан...». Перевод А. Блока	161
112.	«Моя душа объята тьмой полночной...». Перевод Ив. Бунина	162
113.	«Зима ушла, весна идет...». Перевод С. Шервинского	163
**114.	«Бездомная ласточка, песня моя...». Перевод М. Павловой	164
*115.	«Я от грохота жизни в пустыню ушел...». Перевод Вс. Рождественского	165
**116.	«Как ветер горный из черных туч...». Перевод В. Рогова	166
117.	«Словно молнии луч, словно гром из туч...». Перевод А. Блока	167
118.	«Караван мой бренчит и плетется...». Перевод А. Блока	168
119.	«Только детства беспечные, светлые дни...». Перевод Вс. Рождественского	169
*120.	«Я знаю, в жизни, при ее начале...». Перевод Вс. Рождественского	171
121.	«Стосковался по родной стране...». Перевод Т. Спендиаровой	172
122.	«Нет, голод духовный вас будет томить...». Перевод Вс. Рождественского	173
123.	«Ты ранено, сердце, ты бьешься в груди...». Перевод Вс. Рождественского	174
**124.	«Ночью ясною в тишине...». Перевод Т. Спендиаровой	175
125.	Колокол свободы. Перевод Н. Тихонова	176
*126.	Моя молитва. Перевод Н. Стефановича	178

- **127. «Любовь к тебе мне пронзила грудь...». Перевод А. Сендыка 179
- **128. «Вернулись дни чарующей весны...». Перевод Т. Спендиаровой 180
129. «Ты скитальцем будь, чтоб тебе брести...». Перевод К. Липскерова 182
- **130. «Осень пришла...». Перевод Т. Спендиаровой 183
- **131. «Ты неприступна. Тоской томим...». Перевод Т. Спендиаровой 184
- **132. «Бесценные песни, благие мечты...». Перевод В. Рогова 185
133. «С далеких морей, из пустынь без границ...». Перевод Вс. Рождественского 186
134. «Жизнь мою вы в грезу превратили...». Перевод В. Державина 187
135. «Погляди, сестра моя, погляди...». Перевод В. Звягинцевой 188
136. «В миражах пустыни вечерней порой...». Перевод Вс. Рождественского 189
- **137. «Убитый грозой, из тучи...». Перевод С. Шервинского 190
- *138. «Лучезарное небо полно чудес...». Перевод Вс. Рождественского 191
- **139. «Я, как бездомный ветер, в дверь твою...». Перевод В. Рогова 192
- *140. «Не грусти без конца и не радуйся, друг...». Перевод Вс. Рождественского 193
141. «Ах, цвет любви моей увял, отцвел...». Перевод М. Зенкевича 194
142. «Никто не понял скорбных слез моих...». Перевод М. Звягинцевой 195
143. «Сорванную розу ветке не вернуть...». Перевод В. Брюсова 196
144. «Будто волчьих стай страшный вой кругом...». Перевод Б. Садовского 197
- *145. «Животворящему светилу...». Перевод Т. Спендиаровой 198
146. «Твой гордый стан сосны стройней...». Перевод Эм. Александровой 199
147. «В разливе утренних лучей...». Перевод А. Блока 200
148. «Ненависти, жажды отомщенья...». Перевод А. Гатова 201
149. «О время юности моей...». Перевод К. Липскерова 202
150. «Да, я знаю, всегда — есть чужая страна...». Перевод А. Блока 203
151. «Душа — перелетная бедная птица...». Перевод Б. Пастернака 204
- **152. «С замирающим сердцем в уснувшем саду...». Перевод А. Сендыка 205
153. «Враждует с человеком человек...». Перевод В. Звягинцевой 206
- **154. «Нежная моя голубка, мимо...». Перевод Т. Спендиаровой 207
155. «Быстролетный и черный орел...». Перевод А. Блока 208
- *156. «Лишь одного бы я желал...». Перевод С. Мар 209
157. «Я захотел любви поверить вновь...». Перевод В. Любина 210

158.	«В далеких горах Гималайских сейчас...». <i>Перевод В. Державина</i>	211
**159.	«Взмыли в испуге дикие утки...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	212
*160.	Песнь о хлебе. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	213
161.	«Твои блестящие глаза — как море в солнечных лучах...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	215
162.	«Сердце мое на вершинах гор...». <i>Перевод М. Зенкевича</i>	216
163.	«В тоске я шел вдоль горного кряжа...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	217
164.	«На склоне гор под тяжкою землей...». <i>Перевод М. Павловой</i>	218
*165—	169. Песни греха и покаяния. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	
	1. «Золото солнца в море твоих волос...»	219
	2. «Возможно, так будет лучше, умней...»	219
	3. «Небесной любви, о душа, жаждешь ты...»	220
	4. «Могучий орел, свой снижая полет...»	220
	5. «Над озером чистым скалой вознесен...»	220
170.	«У кого так ноет ретивое...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	222
**171.	«О горный орел, о черный орел!...». <i>Перевод А. Сендыка</i>	223
172.	«У вод необъятных далекого моря...». <i>Перевод М. Столярова</i>	224
173.	Ты не поймешь. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	225
**174.	«Приснилось мне как-то, что мать моя бедная...». <i>Перевод А. Сендыка</i>	227
*175.	«Дорогая, лей реки слез...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	228
176.	«В золотых, горячих лучах...». <i>Перевод С. Мар</i>	229
177.	«Что слава, власть и взгляд желанной...». <i>Перевод В. Державина</i>	230
178.	Смерть. <i>Перевод С. Шервинского</i>	231
179.	«Я увидел во сне: колыхаясь, вьясь...». <i>Перевод А. Блока</i>	232
180.	«Безвестна, безымянна, позабыта...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	233
*181.	«Полей просторы обволоку туман...». <i>Перевод В. Рогова</i>	234
182.	«Где он, тот камень...». <i>Перевод М. Павловой</i>	235
*183.	«В далекие неведомые дали...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	236
*184.	«Я в этом мире лишь мечту любил...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	237
*185.	«Изгнан я...». <i>Перевод А. Сендыка</i>	238
186.	«Безвестное где-то...». <i>Перевод П. Панченко</i>	239
187.	«Мне грезится: вечер мирен и тих...». <i>Перевод А. Блока</i>	240
188.	«Ветер бьется о мой порог...». <i>Перевод В. Державина</i>	241
189.	«На берегу реки родной...». <i>Перевод Н. Павлович</i>	242
190.	«Вместе ты и я...». <i>Перевод Н. Павлович</i>	243
191.	«Вишневы цвет снегов белей...». <i>Перевод Н. Тихонова</i>	244
*192.	«В пенистых гривах, стремительны, злы...». <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	245
193.	«Веснами аист...». <i>Перевод С. Мар</i>	246
194.	«Твоих бровей два сумрачных луча...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	247
195.	«Над морем нежный разлился закат...». <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	248

**196.	«Мотыльки ли это или небо в звездах?..». Перевод Н. Стефановича	249
197.	«Где я, покинув дом родной...». Перевод М. Павловой	250
198.	«Счастье мое не догнать...». Перевод Н. Павлович	251
199.	«Старый друг, родник...». Перевод В. Звягинцевой	252
*200.	«Ветер. В осеннюю тьму...». Перевод А. Сендыка	253
**201.	«Снег падает печально и неспешно...». Перевод Т. Спен- диаровой	254
**202.	«Каждой весной, в пору ярких цветов...». Перевод Вс. Рождественского	255
203.	«Я в тени ветвей...». Перевод Б. Садовского	256
204.	«Рано поутру...». Перевод В. Звягинцевой	257
*205.	«Ночь, ветер...». Перевод Т. Спендиаровой	258
206.	Сон. Перевод Эм. Александровой	259
*207.	«Идут года, за днем уходит день...». Перевод Вс. Ро- ждественского	260
**208.	«Над речкой склонилась...». Перевод Мавра Яна	261
209	— 212. Перевод О. Румера	
	1. «На иве под моим окном...»	262
	2. «Покуда ты жил...»	262
	3. «Бесконечный дождь...»	263
	4. «Мне от тоски был свет не мил...»	263
**213.	Две птицы. Перевод Н. Стефановича	265
**214.	«Умерли дня золотые огни...». Перевод А. Сендыка	266
215.	«Я всякий раз, когда смотрю...». Перевод Н. Павлович	267
*216.	«Маленькая девочка — она...». Перевод Т. Спендиаровой	268
217.	«Мне сказали: „Давно умерла твоя мать...“». Перевод А. Ахматовой	269
*218.	Завещание. Перевод Вс. Рождественского	270
219.	«Пускай от родины вдали...». Перевод К. Арсеновой	272
220.	«Был бы я ветерком...». Перевод С. Шервинского	273
221.	«Когда ты тесней...». Перевод Вс. Рождественского	274
222.	«Жемчуга на шее твоей...». Перевод С. Мар	275
*223.	«Я часто захожу к тебе домой...». Перевод Т. Спенди- аровой	276
224.	Первые слезы. Перевод В. Звягинцевой	277
225.	«Вокруг и тишина, и мгла...». Перевод Н. Павлович	278
226.	«С утратой того, что люблю...». Перевод А. Ахматовой	279
227.	«Ресницы опустили тень...». Перевод Н. Павлович	280
228.	«Бесконечностью песен весна зацвела...». Перевод Б. Са- довского	281
*229.	В Помпее. Перевод Вс. Рождественского	282
230.	«Все говорят, забыла ты...». Перевод К. Арсеновой	283
**231.	«Я бы хотел, суровый...». Перевод Н. Стефановича	284
*232.	«Народы шли к твоим, о море, берегам...». Перевод Вс. Рождественского	285
233.	К родине. Перевод В. Звягинцевой	286
**234.	Моей родине. Перевод Т. Спендиаровой	287
235.	В Равенне. Перевод М. Павловой	288
**236.	Апи. Перевод Вс. Рождественского	289
237.	«За что, за что ко мне ты зла...». Перевод М. Петровых	291
**238.	Родной дым. Перевод Н. Стефановича	292

239.	«Моей мечты последняя волна...». Перевод Т. Спендиаровой	294
240.	«Черный пламень глаз твоих...». Перевод Ю. Верховского	295
241.	«Лужайку вольной кроной осеня...». Перевод М. Столярова	296
**242.	«Заката ширь золотая...». Перевод Н. Стефановича	297
243.	«„Что плачешь ты, бесценный друг?..“». Перевод С. Шервинского	298
244.	«Резвятся мальчик с девочкой...». Перевод С. Шервинского	299
245.	Родине. Перевод В. Державина	300
**246.	Детство. Перевод А. Сендыка	301
247.	«Весь этот беспредельный мир...». Перевод О. Румера	302
248.	«Природе задал я вопрос...». Перевод О. Румера	303
**249.	«Разум трепещет, ликуют мечты...». Перевод А. Сендыка	304
*250.	«Когда-то в детстве с ребятами...». Перевод С. Шервинского	305
*251.	«Я был бы счастлив не родиться...». Перевод А. Сагратяна	306
252.	Наши историки и наши гусаны. Перевод М. Зенкевича	307
*253.	«Гулял я, был день осенний погож...». Перевод В. Рогова	308
254.	Новогоднее утро. Перевод В. Звягинцевой	309
255.	Привет всем. Перевод Н. Чуковского	311
256.	«Безмятежная ночь! Один я сижу...». Перевод Н. Чуковского	313
*257.	«Проснулся ребенок...». Перевод С. Шервинского	314
258.	Бингёл («Раскрыла весна зеленые двери дня...»). Перевод Т. Спендиаровой	315
259.	Боевой клич. Перевод В. Звягинцевой	316
260—261.	Песня птиц	
**1.	«Птички певчие наши...». Перевод Т. Спендиаровой	318
2.	«Однажды девочка, резвясь...». Перевод А. Ахматовой	318
262.	Вечной памяти С. Г. Загияна. Перевод А. Ахматовой	320
263.	Армянское зодчество. Перевод М. Петровых	321
264.	«Пусть придет за мной...». Перевод В. Звягинцевой	323
265.	День великой победы. Перевод С. Шервинского	324
*266.	Моя нирвана. Перевод Вс. Рождественского	325
267.	«Жизнь — краткий сон, прошла — и нет следа...». Перевод К. Арсеновой	326
268.	Авику. Перевод В. Звягинцевой	327
*269.	«Страдал я в этом мире зла, печали...». Перевод Вс. Рождественского	328

ЛЕГЕНДЫ И БАЛЛАДЫ

270.	Скиталец-сын. Перевод Вяч. Иванова	329
**271.	Мать. Ширакское предание. Перевод А. Сендыка	330
**272.	Лейли и Меджлум. Перевод С. Шервинского	332
273.	Вечная любовь. Перевод В. Державина	335
274.	Любовь рыцаря. Перевод М. Петровых	339

275. Родная земля. Перевод С. Шервинского	341
276. Сыновняя любовь. Перевод Т. Спендиаровой	347
**277. Меч Аттилы. Перевод А. Сендыка	348
278. Влюбленный Надо. Перевод Т. Спендиаровой	352
279. Еврейская легенда. Перевод А. Ахматовой	355
280. Сократ. Перевод Б. Садовского	356
281. Народная лира. Сербская легенда XVIII века. Перевод М. Петровых	358

БАСНИ

282. Мулла и дети. Перевод М. Столярова	361
283. Волк и соловей. Перевод Эм. Александровой	362
284. Вепрь и лиса. Перевод С. Шервинского	363
285. Вопрос. Перевод Эм. Александровой	364
286. Всего дороже. Перевод В. Любина	365
287. Медведь и змея. Перевод С. Михалкова	366
288. Голодная курица. Перевод М. Столярова	367
289. Осел и крестьянин. Перевод А. Ахматовой	368
290. Бедняк и караван. Перевод М. Столярова	370
291. Спор петухов. Перевод К. Арсеновой	372
292. Козел и волк. Перевод Б. Садовского	374
293. Волк и лань. Перевод А. Яшина	375
294. Сатана и его дочери. Средневековая армянская басня Перевод С. Михалкова	376

ПОЭМЫ

295. Песни Алагяза	
Моей судьбе. Перевод В. Державина	379
Пролог. Перевод А. Блока	379
Арагацу. Перевод В. Державина	380
Манташу. Перевод Т. Спендиаровой	380

Песнь первая

1. «В горы поднялся весь крестьянский люд. . .». Перевод Т. Спендиаровой	381
2. «На крутизне горы Манташ. . .». Перевод В. Державина	382
3. «Моя прекрасная Заро. . .». Перевод Эм. Александровой	382
4. «Заро в ущелье забрела. . .». Перевод Т. Спендиаровой	382
5. «Ты там, где плещет водопад. . .». Перевод В. Державина	383
6. «Твой поцелуй был так хорош. . .», Перевод В. Звягинцевой	383
7. «Здесь птицы яркого пера. . .». Перевод В. Державина	384
8. «Глаза твои — море бездонной лазури. . .». Перевод Л. Озерова	384
9. «Эй, Арагац! От солнца алый. . .». Перевод Эм. Александровой	385

Песнь вторая

1. «Шар солнечный с востока плыл...». Перевод А. Ахматовой 385
2. «Собрались сотни павлинов тут...». Перевод А. Ахматовой 385
3. «С моей Заро, рука в руке...». Перевод Эм. Александровой 386
4. Пери озера. Перевод Н. Чуковского 386
5. «Плывет, уплывает наш челн...». Перевод В. Звягинцевой 387

Песнь третья

1. «В вечерний час в простор полей...». Перевод М. Павловой 387
2. «Небо чистое, звезды горят...». Перевод М. Павловой 388
3. Песня Заро. Перевод Б. Пастернака 388
4. «Поцеловала нежно ты меня...». Перевод Ю. Верховского 389
5. «Помню, мне, мальчонке, бабушка-старушка...». Перевод Ю. Верховского 389
6. Сказка. Перевод М. Павловой 389
7. «Дремлет Заро на плече у меня...». Перевод М. Павловой 391

Песнь четвертая

1. «Монастырь стоит на горе...». Перевод С. Мар 391
2. «Пируют парни в холодке...». Перевод Т. Спендиаровой 391
3. «Смолкла зурна.. Над подругой своей...». Перевод А. Ахматовой 392
4. Песня юноши. Перевод Т. Спендиаровой 392
5. «Щедро ковер на ковер...». Перевод Т. Спендиаровой 392
6. Песни девушек
 1. «На вершине горы снег блестит первозданный...». Перевод А. Ахматовой 393
 2. «Соловью, что в саду моем ночью поет...». Перевод Эм. Александровой 394
7. «У старого монастыря...». Перевод В. Звягинцевой 394
8. «Всласть молодежь веселится...». Перевод Т. Спендиаровой 395
9. Плясовая. Перевод Т. Спендиаровой 395
10. «Прекрасна эта ночь в горах!...». Перевод Н. Чуковского 396

Песнь пятая

1. «Как беспощадно туча звезды прячет...». Перевод А. Ахматовой 397
2. «Я к Заро на рассвете пришел...». Перевод А. Ахматовой 397

3. «Мне озеро привиделось во сне...». Перевод А. Ахматовой	398
4. «Буду жертвой твоей, только дверь мне открой...». Перевод А. Ахматовой	398
5. «Из сердца моего ты унесла...». Перевод А. Ахматовой	399
Последняя песнь. Перевод Т. Спендиаровой	399
296. Абул Ала Маари. Касыда в 7 сурах. Перевод В. Брюсова	400
297. Мгер из Сасуна. Перевод К. Липскерова	417
Примечания	441
К иллюстрациям	461

Исаакян Аветик

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель». 1975 г. 472 стр. План выпуска 1975 г. № 353
 Редактор Л. А. Николаева, Художник И. С. Серов, Худож. редактор А. Ф. Третьякова, Техн. редактор М. А. Ульянова, Корректор П. М. Вихман
 Сдано в набор 20/III 1975 г. Подписано в печать 9/VII 1975 г. М 21444. Бумага 84×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 14³/₄+5 вкл. (25,30). Уч.-изд. л. 15,46. Тираж 40 000 экз. Заказ № 300. Цена 93 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28, Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
16	18 св.	с чаяниями	и чаяниями
24	7 св.	декаденства	декадентства
40	7 сн.	помочь им	помочь
444	13 сн.	«Душа моя...»	«Моя душа...»

